

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

На правах рукописи

СТАРОДУБЦЕВА Марина Витальевна

Террористическая организация XXI века как медиафеномен

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по направлению «Журналистика»
(научно-исследовательская работа)

Научный руководитель –
старший преподаватель
Михаил Вячеславович Тюркин
Кафедра международной журналистики
Очная форма обучения

Вх. № _____ от _____
Секретарь _____

Санкт-Петербург
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

За последние три года террористическая группировка «Исламское государство» (ИГ) остается одним из главных мировых ньюсмейкеров. Менее чем через два года они создали власть над сотнями тысяч квадратных километров и миллионами людей. ИГ обладает самой большой и самой разнообразной волонтерской силой со времен Второй мировой войны. Однако ИГ не только сумела привлечь в свои ряды тысячи сторонников из самых разных точек земного шара, но и создать высказывание, существенно отличающееся от своих предшественников по степени воздействия.

В расчёте на то, что внимание всех мировых СМИ будет приковано к их деятельности, террористы умело пользуются своим положением в медиапространстве, совершая теракты в прямом эфире, как это было 11 сентября, или выпуская «телешоу с обезглавливанием». Фильмы-катастрофы и боевики становятся реальностью, и это не только вызывает эффект устрашения, но и позволяет террористическим группировкам создавать вокруг себя ореол силы и уверенности в противовес Западу, который терпит поражения во время терактов. Джихадисты подрывают демократические институты, усиливая полемику между сторонниками безопасности и верховенства права, усиливая страх, что наши общества взорвутся, и начнется гражданская война между мусульманами и «другими».

То, что мы привыкли видеть в фильмах-катастрофах, «Аль-Каида» 11 сентября превратила в реальность. Тем не менее, это была реальность, не лишенная символизма и говорящая на языке эпохи. Сегодня же теракты, совершаемые исламскими фундаменталистами, скорее можно назвать постсобытием или превращением события в рутину. Постепенно вытесняя насилие из медиапространства в реальную жизнь, насилие для ИГ становится лучшим элементом саморекламы. То, что делает ИГИЛ, превращая насилие в элемент повседневности, свидетельствует о том, что эпоха символизма подходит к концу. Видеоролики с казнями в Сирии стали привычным

контентом, сделанным в расчете на современное информационное общество. Эта война перемещается в виртуальное пространство, которое в свою очередь становится всё более глобальным, – так «медиаактивистам ИГ» удаётся создавать качественный контент, ориентируясь на западный опыт.

Но для привлечения новобранцев, внушения страха и утверждения своей легитимности как государства, ИГИЛ нужна реклама, причём реклама не только через собственные пропагандистские материалы, но и через западные медиа, имеющие глобальную аудиторию. По сути, западные издания невольно становятся игрушкой в руках медиастратегов ИГ. Не так важно, в каком ключе они освещают деятельность ИГ: даже если это негативный образ, он все равно работает на руку джихадистам, превращая их в «непобедимых воинов Аллаха» в глазах определённой части аудитории. Таким образом, ИГ, по крайней мере, в области пропаганды является одним из самых удачных современных примеров с точки зрения манипуляции массовым сознанием. Но возникает вопрос: что же делает высказывание ИГ настолько востребованным?

Феномен ИГ стал выразителем духа именно современной эпохи, наступившей в масштабах всей планеты. Это эпоха постмодерна – эпоха жонглирования словами, слоганами и дискурсами и отказа от больших «нарративов». Наиболее ярким примером преодоления постмодерна стало появление ИГ, – характерного социально-политического феномена современности, который смог задеть какой-то важный «нерв эпохи» и предложить мир, наполненный новыми смыслами, и удовлетворить желания тех, кому нынешняя реальность не дает ответы на основные экзистенциальные вопросы.

Провал «войны с террором» начинается со страха, гневной реакции и чувства мести, что порождает еще больше жестокости и насилия, не оставляя времени на то, чтобы понять глубинные причины этого революционного движения. А такое понимание необходимо – ведь главной проблемой

становится не военное и даже не идеологическое противодействие терроризму в целом, а противодействие ценностное.

Но какие ценности должна предложить «сторона Добра» для того чтобы одолеть Халифат? Достаточно ли сил у западного мира для того, чтобы обеспечить как выживание собственной цивилизации, так и триумф её ценностей? Именно этот вопрос стал предпосылкой к началу данного исследования.

Актуальность исследования обусловлена как научно-познавательными, так и социально-практическими задачами, которые стоят перед мировым сообществом в борьбе против «Исламского Государства». Всестороннее изучение различных аспектов феномена террористической организации в современном мире необходимо для понимания сложных коммуникационных стратегий ИГ, рекомендаций по противодействию ценностям ИГ и предложения своих «нарративов», позволяющих разрушить столь привлекательный образ «Халифата». Исследование позволяет определить эффективный подход к взаимодействию с молодыми людьми, которые оказываются наиболее восприимчивыми к пропаганде ИГ. Организация лучше всего реагирует на их «уязвимость, разочарование и мечты» и заполняет пустоту, которую Запад пока заполнить не смог. Кроме того, исследование предлагает рекомендации для журналистов в работе с невероятно сложным социально-политическим феноменом современности.

Научная новизна настоящей работы связана с тем, что на данный момент русскоязычных исследований на тему медиафеномена ИГ не существует. Если на Западе современные теракты провоцируют огромное количество исследовательских работ, то для российской традиции скорее характерно исследование «исламизма» как явления. Несмотря на обилие работ об истории исламистских организаций, медиатехнологии современных радикальных исламистов остаются в тени, хотя именно благодаря ним боевики завоевали успех не только у многочисленных мусульман,

пополняющих их ряды, но и среди европейцев, оказывающихся под воздействием насильственного контента.

Также исследовательский и медийный интерес к исламистским движениям зачастую остается политизированным, а потому, как правило, создает картину, лишь частично отображающую этот невероятно сложный и многослойный феномен.

Цель исследования состоит в том, чтобы разобраться, что из себя представляет феномен Исламского Государства и обозначить основные приёмы, используемые ИГ для распространения своего влияния и вербовки новых сторонников, доказать, что пропаганда ИГ по степени воздействия зачастую превосходит западную. Для этого необходимо понять, как в западных СМИ представлен феномен ИГ и придерживаются ли западные медиа предложенных стратегий или альтернативных «нарративов», позволяющих разрушить столь привлекательный образ «Халифата»:

В соответствии с указанной целью поставлены следующие **задачи**:

- определить понятия «исламизм», «исламский фундаментализм», «джихад», «халифат» и «терроризм»;
- установить соотношение современного исламистского терроризма и ислама как религии;
- на основе этого понять, почему современные радикальные исламисты обращаются к «золотому веку ислама» и как они используют религию для оправдания насилия;
- произвести анализ факторов, которые заставляют молодых людей присоединяться к ИГ;
- определить, каково соотношение архаичного и современного в призывах террористов;
- понять как устроена медиастратегия современной террористической организации;
- определить уровень влияния Исламского Государства на западные средства массовой информации.

Объектом исследования является феномен современной террористической организации, а именно Исламского Государства, группировки, претерпевшей изменения под влиянием как внешних факторов, так и внутренней эволюции самих исламистских течений.

Предметом – специфика функционирования информационной политики Исламского Государства и особенности освещения феномена ИГ в западных СМИ.

Теоретической базой выпускной квалификационной работы послужили работы по проблематике исламского фундаментализма, исламизма и исламистского терроризма специалистов по Ближнему Востоку Г.И. Мирского, А. Малашенко; исследования по истории возникновения современных террористических группировок журналистов Майкла Вайса и Хасан Хасана, работы по анализу тактики действий массмедиа французского философа Жана Бодрийера и работы по исследованию феномена насилия и его восприятия.

Эмпирической базой послужили как пропагандистские материалы террористической группировки «Исламское Государство», так и материалы западных англоязычных медиа (The Atlantic, The Guardian, The Economist), рассматривающие феномен ИГ. Хронологические рамки исследования охватывают период с июня 2014 года по апрель 2017 года, то есть с момента провозглашения «Халифата» «Исламским государством».

В основу **методической базы** легли: исторический метод, метод сравнения, анализ научной литературы, качественный анализ материалов англоязычных СМИ, обобщение.

Выпускная квалификационная работа включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы и приложения. **Первая глава** представляет собой обобщение и анализ причин распространения радикальных настроений на Ближнем Востоке. Она включает предпосылки возникновения исламского терроризма и анализ ключевых для исламизма идей, таких как «джихад» и «халифат». Также автор

пытается объяснить, почему ИГ качественно новое явление как с точки зрения мотивации экстремистской деятельности, так и с точки зрения возможностей, которые дают террористам глобализация и технологические достижения современной эпохи. Исследуется символическая составляющая террористических актов против Запада. **Вторая глава** посвящена приёмам и методам информационной борьбы (джихада) террористических организаций, которая позволяет распространять идеи по всему миру. Здесь мы пытаемся понять, как террористы вербуют новых сторонников, как сами взаимодействуют во время террористических операций и почему идеология ИГ обретает популярность на каждом континенте. В **третьей главе** автор анализирует материалы западных англоязычных медиа (The Atlantic, The Guardian, The Economist). Здесь мы пытаемся понять, какие «нарративы» используют влиятельные западные медиа, обращаясь к феномену ИГ. Здесь будет проведен как количественный, так и качественный анализ материалов трёх англоязычных изданий.

ГЛАВА 1. ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

В 1940 году Джордж Оруэлл написал эссе о книге, пропагандирующей то, что он назвал «чудовищной безмозглой империей, роль которой, по сути, сводится лишь к подготовке молодых мужчин к войне и бесперебойной поставке свежего пушечного мяса»¹. Он удивлялся тому, как мог такой «жуткий замысел» осуществиться при наличии либеральной демократии и почему целая нация попала под влияние человека, предлагающего «борьбу, опасность и смерть», если другие формы правления предлагали «хорошую жизнь»². Тогда он писал о книге «Mein Kampf». Теперь на смену секулярным идеологиям XX века пришла так называемая «исламистская угроза».

1. Причины зарождения и развития исламского фундаментализма в XX веке

Эта угроза возникла не вчера и даже не позавчера. Подписание в 1916 году тайного договора между британским и французским дипломатами Марком Сайксом и Франсуа Пико стало поворотным моментом как для Ближнего Востока, так и для всего мира. Именно в этом документе будущие победители в Первой мировой войне разграничили сферы интересов в регионе. В результате новой системы Сайкса-Пико на Ближнем Востоке появились новые государства, чьи границы были проведены без учета племенных, этнических и религиозных факторов. Именно это разделение стало бомбой замедленного действия и породило большинство конфликтов, которые сегодня сотрясают регион.

После возникновения Ближнего Востока в современных границах лидеры новых мусульманских государств пытались осуществить

---

¹Оруэлл Д. Избранное; пер. с англ. В. Голышева. М., 1989. С. 66.

²Там же.

модернизацию на основе заимствованных у Запада моделей – начиная с либеральной демократии и заканчивая государственным социализмом. Однако ни один из этих проектов не оказался удачным – отставание от передовых западных стран увеличивалось с каждым десятилетием. Политолог и специалист по Ближнему Востоку Георгий Мирский отмечает, что это «неизбежно должно было привести мусульманских активистов к выводу о том, что первопричина всех бед – в отходе от принципов первоначального ислама, а соответственно, выход – в восстановлении этих принципов под девизом: «Ислам – вот решение»³.

Чем выше было превосходство европейцев во всех сферах, тем отчаяннее арабские интеллектуалы пытались ответить на вопрос: «Что же послужило причиной упадка Исламской цивилизации уже в XIX веке, когда превосходство европейцев во всех сферах не вызывало сомнений?» Они разделились на две группы: одни считали, что проблемой является сама религия – ислам и от нее необходимо отказаться, другие утверждали, что проблема – в уходе от «чистого ислама», а значит, необходимо возвращение «к истокам», то есть к временам исламского государства «праведных халифов».

Обращение к религии казалось многим единственно верным решением, тем более что именно идейно-религиозная основа позволила пророку Мухаммеду объединить разрозненные арабские племена в VII веке. И именно ислам в дальнейшем помог арабам сохранить свою идентичность в ходе столкновений с другими культурами и создать новую уникальную цивилизацию. По мнению востоковеда Василия Кузнецова, несмотря на то, что ислам как самостоятельная религия зародился с проповедей Мухаммеда, «настоящая исламизация арабов началась только в ходе завоевания соседних стран»⁴. Таким образом, осознание своей приверженности исламу у арабов

---

³Мирский Г. Цивилизация бедных // Отечественные записки. 2003, № 5. С. 32.

⁴Мозжухин А. Рождение халифата. // [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/12/halifat/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

произошло только при встрече с «другим». Так произошло и в XIX веке с исламистской идеологией, когда при столкновении с гораздо более развитой Западной цивилизацией свое развитие получило это фундаменталистское движение.

Определение понятия «исламизм» имеет ключевое значение для того, чтобы объяснить происходящее не только на Ближнем Востоке, но и в отношениях между мусульманским и западным миром. Желание отомстить Западу исследователь Алексей Малашенко связывает с комплексом неполноценности, возникшем у представителей исламской цивилизации при столкновении с Западом: «Если ислам — лучшая религия, а Мухаммад — последний из пророков, почему мусульмане полторы тысячи лет проигрывают Западу — и в экономике, и в войнах?»⁵. Он определяет исламизм как основанную на исламе политическую идеологию, «в основе которой лежит идея исламской альтернативы: создания исламского государства, исламской экономики, исламизации общества, жизни по шариату»⁶. К «исламизму» он приравнивает сразу несколько понятий — «фундаментализм», «нативизм», «джихадизм», «салафизм», «ваххабизм». Однако, как и любое идейное течение, исламизм не монолитен. Малашенко выделяет четыре уровня исламизма⁷:

1. *Умеренный* (исламисты действуют в рамках Конституции, не поддерживают революции и ждут понимания со стороны Запада).
2. *Умеренные радикалы* (исламисты создают партии и выходят на демонстрации).
3. *Радикалы* (исламисты устраивают беспорядки и призывают к революции).

---

⁵Натитник А., Малашенко А. Ислам и Запад: конфликт идентичностей. // [Электронный ресурс] // Harvard Business Review. URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/ekonomika/a15408/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁶Там же.

⁷Там же.

4. *Экстремисты* (исламисты стремятся создать исламское государство, не следуют законам и подчиняются только Аллаху, движимы желанием мести).

В свою очередь, востоковед Георгий Мирский в определении «исламизма» делает акцент на его основе – радикальной идеологии, «суть которой фундаментализм, убежденность в том, что все беды мусульманского мира происходят от забвения основ «чистого, праведного, истинного ислама предков», от попыток воспринять чуждые ценности и не подходящее для мусульман светское устройство общества»⁸.

Ведущий американский исламовед Джон Эспозито писал о мусульманских политических активистах в своей книге «Исламская угроза», что для них «ислам является всеобъемлющим путём жизни, как это стимулируется в Коране, Божественном откровении, отражается в примере жизни Мухаммеда и воплощается во всеохватывающей природе шариата. Соответственно, чтобы вдохнуть жизнь в мусульманские правящие учреждения и в общество, требуется утвердить вновь исламский закон, эту основу государства и общества, которые должны руководствоваться исламом и базироваться на социальной справедливост ... Слабость и подчиненное положение мусульманских сообществ – это результат безбожия мусульман, сошедших в сторону от пути, открытого Богом, и воспринявших вместо этого светские, материалистические идеологии и ценности Запада и Востока – капитализм или марксизм»⁹.

Исследователи исламизма замечают, что сама его идеология глубоко социальна, а связано это прежде всего с «обмирщенностью» ислама как религиозной культуры и доктрины, с «его претензиями на разрешение

---

⁸Мирский Г. И. Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, июль 2015. М., 2015. С. 90.

⁹Esposito J. L. The Islamic Threat: Myth or Reality? N.Y., 1992. P. 165.

светских проблем»¹⁰. В нем (исламе) присутствуют концепции исламского государства, исламской экономики. В нем имеется шариат, и это не только свод религиозных постановлений: он формулирует принципы создания государства и построения общества, описывает, каким должен быть мир, как вести себя человеку в быту и какие запреты ему надлежит соблюдать.

Кроме того, ислам делает акцент на социальной справедливости – в «исламскую экономику» встроен принцип благотворительности. Это «закят» – так называется государственный налог в пользу нуждающихся. Мусульманин, каким бы бедным он ни был, не имеет права отказываться от «закята» – именно это правило призвано обеспечивать справедливое устройство Халифата. «Конечно, здесь замешана политика, но сильна и религия: мусульмане помогают мусульманам, сплачиваясь, а значит, становясь сильнее»¹¹, – отмечает А. Малашенко.

Присущее исламу стремление к совершенствованию мирской жизни имеет историческое объяснение. Сам Пророк Мухаммед был прежде всего политическим лидером, а уже потом носителем новой религиозной идеи. Востоковед Василий Кузнецов отмечает, что арабы по настоянию Мухаммеда принимали ислам, но «не относились к нему серьезно»¹², а после смерти Пророка некоторые племена и вовсе стали отходить от ислама, отказываясь подчиняться его заместителям (халифам). Таким образом, сама религия – ислам – появилась благодаря лояльности арабов фигуре Мухаммеда как прежде всего политическому лидеру.

Алексей Малашенко замечает, что в отличие от христианства, в исламе отсутствует установка «Богу — богово, Кесарю — кесарево». Наоборот, там

---

¹⁰Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма / пер. с фр. В.Ф. Денисова. М, 2004. С. 447.

¹¹Малашенко А. Будем знакомы: ислам. // [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/5/ma11.html> (дата обращения: 21. 05. 2017).

¹²Мозжухин А. Рождение халифата // [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/12/halifat/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

есть такая формулировка: «Ислам — это религия и государство»¹³. В отличие от стран христианской культуры, где существует разделение на религиозную и политическую жизнь, ислам рассматривает религию и политику как одну сферу. Возможно, именно этот факт дает ответ на вопрос о соотношении ислама и политических практик, в том числе насильственных. И именно он потенциально создает почву для появления исламизма и других политических идеологий, так или иначе пользующихся религиозным словарем для выражения своих идей. Также с точки зрения исламистов Аллах через своего Пророка указал верный путь, которому и надо следовать. В этом, по мнению Алексея Малашенко, и состоит отличие исламизма от западных идеологий, авторами которых были обычные люди¹⁴.

Георгий Мирский выделяет по крайней мере трех личностей, благодаря которым в XX веке родился исламистский радикализм. В формировании теории и практики «глобального джихада» сыграли огромную роль египетские радикалы. В первую очередь речь идет о двух руководителях организации «Братья-мусульмане» – Хасане аль-Банне и Саиде Кутбе. Последнего часто называют «дедушкой бен Ладена» – его книги считаются обязательным чтением для радикальных исламистов. Исследователи замечают, что «без его сочинений не было бы “Аль-Каиды”»¹⁵. Еще одним теоретиком исламизма считается Маулян Абу Аля Маудуди, основавший в 1941 году в Индии организацию «Джамаат-и-ислами». В своем учении он «очень рано заложил культурные основы исламского государства, задуманного как антипод “мусульманскому национализму”, на базе которого в 1947 г. возник Пакистан»¹⁶.

---

¹³Артем А. Кобзев. Справедливости в исламе ищут, не находя ее в светском государстве. // [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/27/islamists/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

¹⁴Там же.

¹⁵Wright L. The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11. NY., 2006. P. 332.

¹⁶Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 15.

В целом, основателей исламского фундаментализма объединяло несколько принципов:

1) Ислам – всеобъемлющая идеология для личной и общественной жизни, государства и общества.

2) Коран и сунна – основа мусульманской жизни.

3) Исламский закон (шариат) – образец жизни мусульман.

4) Верность миссии мусульманина, смысл которой состоит в том, чтобы восстановить верховенство Аллаха путём претворения в жизнь Божьего закона, принесёт успех и власть исламскому обществу в этой жизни и вечную награду в будущей.

5) Подчиненное положение мусульманских обществ объясняется утратой веры мусульманами, которые отклонились от начертанного Аллахом божественного пути и стали следовать светской, материалистической идеологии и ценностям капитализма или марксизма.

6) Восстановление мусульманской гордости требует возвращения к исламу, исполнение предписанного Аллахом способа управления государством и обществом.

7) Наука и технология должны быть поставлены в рамки и использованы в ориентированном на ислам контексте, чтобы избежать вестернизации.

Впрочем, оформления исламизма как мощного религиозно-политического движения в мусульманском мире не произошло бы без его перехода из теоретической сферы в практическую плоскость. Вскоре наиболее радикальные исламисты объявили себя приверженцами «джихада». Слово «джихад» переводится с арабского языка как «борьба, усилие, усердие» и имеет несколько значений, но все они означают борьбу за веру. Это «джихад сердца» (борьба со своими недостатками), «джихад языка» (призыв совершенствоваться), «джихад руки» (наказание преступников) и «джихад меча» (применение насилия, борьба с неверными).

Когда СССР году вторгся в 1979 в Афганистан, «джихад» приобрел для исламистов единственное значение – он стал «вооруженным сопротивлением». Этот конфликт дал возможность тысячам сторонников радикального ислама отправиться на войну против «неверных». Всем, кого не устраивало положение исламского сообщества в мире, представилась реальная возможность отомстить если не Западу, то хотя бы еще одной сверхдержаве. Тогда на волне победившей «исламской революции» в Иране аятолла Хомейни провозгласил «Смерть Америке, смерть Израилю, смерть Советскому Союзу!», а двадцатидвухлетний Усама Бен Ладен устремился в Пакистан, ставший базой сопротивления для афганских моджахедов. Там он стал заниматься обучением арабских добровольцев для борьбы против советских войск. Получая существенную поддержку от США и Пакистана, Бен Ладен уже в 1988 году создал вместе с Абдаллой Аззамом и Айманом аз-Завахири знаменитую террористическую группировку «Аль-Каида».

Это событие считается рубежным в истории исламизма. Если последователи египетского интеллектуала Сайида Кутба стремились в первую очередь навести порядок в мусульманском мире и создать исламское государство, то Бен Ладен и Завахири хотели «перенести центр борьбы на международную арену»¹⁷. Уже в 1996 году Усама бен Ладен объявил джихад Соединенным Штатам. В написанной им «Декларации джихада против американцев, оккупирующих страну двух святых мечетей» он призывал изгнать «неверных» из Саудовской Аравии, освободить Палестину от «сионистов» и «создать условия для торжества праведного, не искаженного отступниками ислама на всех «исторических мусульманских землях»¹⁸.

По мнению Г. И. Мирского, Бен Ладен со временем разочаровался в сотрудничестве с государствами исламского мира ради своего «святого дела» и в способности народа свергнуть «нечестивую власть» и изгнать

---

¹⁷Мирский Г. И. Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, июль 2015. М., 2015. С. 10.

¹⁸Там же.

«крестоносцев»¹⁹. Причём разочаровался не только он – все чаще начали звучать мнения о «закате исламизма». В частности, об этом писал известный востоковед Жиль Кепель в монографии «Джихад: Экспансия и упадок исламизма». Он утверждал, что «в последнее десятилетие XX века, несмотря на многообещающее начало, надежды сторонников воинствующего ислама не были реализованы»²⁰. События 11 сентября 2001 года Кепель назвал свидетельством «изоляции, фрагментации и упадка» исламистов, попыткой преодолеть кризис с помощью всеокрушающего насилия и одновременно признанием своей беспомощности для победы в «честном поединке»²¹.

Тем не менее, террористический акт 11 сентября, беспрецедентный по своему масштабу, оказался первым шагом в новой стратегии радикальных исламистов. Брус Ридел, один из лучших знатоков «Аль-Каиды», так описывает суть их намерений: «Три ключевые задачи – начать и поддерживать «горячие войны», которые позволят победить Соединенные Штаты так же, как моджахеды победили Советский Союз; создать безопасное убежище в Пакистане для оперативного штаба «Аль-Каиды», образовать ячейки по всему исламскому миру с целью свержения проамериканских режимов, проводить новые рейды против Запада наподобие акциям 11 сентября... когда-нибудь, возможно, и с применением атомного оружия. Конечная цель – изгнать США из мусульманского мира (из «уммы»), уничтожить Израиль и создать джихадистский халифат наподобие Османской империи времен ее наивысшего подъема»²².

Многими исследователями отмечается, что главная задача террористов состояла в том, чтобы спровоцировать Соединенные Штаты на ответный удар

---

¹⁹Там же.

²⁰Кепель Жиль, *Джихад: Экспансия и закат исламизма* / Пер. с фр. В.Ф. Денисова. М., 2004. С. 9.

²¹Там же.

²² Riedel Bruce. *The Search for Al Qaeda: Its Leadership, Ideology, and Future*. Brookings Institution Press. Washington D.C., 2010. P. 32.

по исламскому миру и вызвать мощную волну ненависти к Америке не только среди мусульман, но и во всех странах «третьего мира». Как и ожидалось, США уже в 2001 году вторглись в Афганистан, однако дальше события развивались немного по другому сценарию. «Бен Ладен предполагал, что война там продлится долго, – пишет Г. И. Мирский, – и каждый день на экранах телевизоров будут показывать трупы мусульманских женщин и детей, что не могло бы не вызвать в конечном счёте такой взрыв возмущения в исламских странах, что их правители, по определению не способные разделить народное негодование и принять американский вызов, будут сметены»²³. Однако США удалось быстро ликвидировать афганские базы «Аль-Каиды», где также находились несколько тренировочных лагерей для обучения «иностранных моджахедов» и где начал свою карьеру джихадиста в том числе и будущий лидер «Исламского государства» Абу Мусад аз-Заркави.

Стоит отметить, что между двумя исламистскими вожаками сложились непростые отношения. Сразу после их первой встрече в главном городе «Талибана» Кандагаре бен Ладену не понравилось высокомерие молодого моджахеда и его «непоколебимые взгляды», что позже станет причиной их разрыва и раскола в самой «Аль-Каиде». Сам же Аз-Заркави решил перебраться в Ирак, чтобы повторить подвиг своего героя – Нур ад-Дина Махмуда Занги. Во время Второго крестового похода он заставил европейских рыцарей отступить.

Для перемещения на иракскую территорию у одного из исламистских лидеров имелись серьезные основания. Если война в Афганистане не оправдала надежд «Аль-Каиды», то вскоре Джордж Буш «преподнёс исламистам подарок, вторгшись в Ирак»²⁴. Теперь уже эта страна стала базой и центром притяжения для боевиков-моджахедов. Еще после теракта 11

---

²³Мирский, Г. И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М., 2008. С. 49.

²⁴Там же. С. 50.

сентября и вторжения США в Афганистан в Ираке появилась террористическая ячейка, которая несколько раз меняла название, в итоге став «Аль-Каидой земли Двуречья» или «Аль-Каидой в Ираке». И когда Соединенные Штаты начали свою операцию по свержению иракского президента Саддама Хуссейна и его партии «Баас», в ряды джихадистов устремились десятки тысяч добровольцев. По данным доклада ООН, в связи с иракскими событиями «численность новых рекрутов «Аль-Каиды» выросла в 30-40 странах. Вербовщики террористических групп, как сообщается, заявили исследователям, что добровольцы буквально ломятся в двери»²⁵.

Бен Ладен применил в Ираке довольно эффективную стратегию. Для победы над «дальним врагом», призывал он, необходимо сотрудничество с «ближним врагом» – баасистским режимом Саддама Хусейна. «Саддаmisty открыли «крысиные тропы» – коридоры, через которые в Ирак попадали боевики из различных террористических ячеек и организаций, разбросанных по Ближнему Востоку и Северной Африке»²⁶. Так, «социалистические неверные» стали союзниками в войне против американцев.

Формирование исламистско-баасистского союза имело долговременные последствия. В 2006-м исламские фундаменталисты и военные из числа бывших сторонников Саддама Хуссейна объединились с десятком террористических группировок, местной «Аль-Каидой» и создали «Исламское государство Ирак» (ИГИ). Его эмиром стал уже знакомый нам аз-Заркави, так не полюбившийся Бен Ладену. ИГИ использовало бренд «Аль-Каиды» и её средства. При этом оно часто отказывалось работать вместе с её центральным командованием и даже лично с Усамой бен Ладеном.

Как бы то ни было, иракское подразделение «Аль-Каиды» показало удивительную гибкость во время войны в Ираке. Для достижения успеха аз-Заркави действовал на два фронта: с одной стороны, он истреблял врагов –

---

²⁵Там же. С 53.

²⁶Вайс М. Исламское государство: Армия террора/ Майкл Вайс, Хасан Хасан ; пер. с англ. М., 2016. С. 53.

западных оккупантов и шиитов, доля которых в стране превышала 65%. С другой стороны, он не позволял суннитскому меньшинству (не более 20% от общего населения Ирака) каким-либо образом участвовать в формировании демократического правительства. Аз-Заркави развязал жестокую кампанию сектантского террора. Сначала он заставил суннитов проигнорировать первые выборы в январе 2005 года, потом ему на руку сыграли действия американцев, которые отказались сотрудничать с суннитским Ираком – племенами, которые «сильно пострадали от дебаасификации»²⁷. В итоге иракские сунниты стали воспринимать группировку ИГИ как своего единственного защитника на фоне всеобщего кровавого хаоса.

Таким образом, именно благодаря американской кампании в Ираке исламисты смогли найти поддержку среди части населения. Однако влияние самой «Аль-Каида» стремительно катилось к закату. К началу 2010-х годов американцы уничтожили главных руководителей ее иракской ячейки. При этом члены ИГИ, окончательно осмелев, назначили своим новым лидером Абу Бакр аль-Багдади – без предварительного согласования с «Аль-Каидой». Высшим руководителям организации не было известно, откуда он родом, каков его военный опыт и можно ли ему доверять. Иракское отделение уже давно стало для «Аль-Каиды» источником проблем – группировка не допускала развязывание на Ближнем Востоке настолько жестокого террора и истребление шиитов. «Может быть, — писал один из членов «Аль-Каиды» в письме бен Ладену, — было бы лучше, если бы они не считались моджахедами, потому что они как грязное пятно, которое нужно удалить и продезинфицировать»²⁸. Впрочем, заниматься «дезинфекцией» было поздно. Спустя шесть месяцев после получения письма, весной 2011 года главная звезда радикальных исламистов Усама бен Ладен погиб в Пакистане, что предопределило дальнейший распад некогда могущественной организации.

---

²⁷Там же. С. 70.

²⁸Там же. С. 53.

После смерти «террориста номер один» знамя «всемирного джихада» подхватила именно группировка ИГИЛ, возникшая на базе ИГИ. Действуя на территории Ирака и захватывая целые провинции в Сирии, она фактически использовала стратегию, примененную аз-Заркави в ходе иракской кампании США. Развязывая террор против шиитов, исламисты провоцировали их на ответные действия против суннитов, вынуждая последних искать защиту под крылом у ИГИЛ.

Некоторые эксперты придерживаются мнения, что подъему исламистов в регионе способствовал своей политикой и президент Сирии Башар Асад. Британский журналист Джейсон Берк в книге «Войны 9/11» писал, что за счет своей поддержки иракских джихадистов сирийский лидер хотел отвлечь радикалов от своего режима, предоставляя им возможность проявлять активность в соседнем Ираке, где война, казалось, приобрела необратимый характер²⁹. Тем самым он собственноручно вырастил силу, которая на фоне «арабской весны» обернула оружие против него самого. При этом Башар Асад в ходе начавшейся в 2011 году гражданской войны в Сирии, по некоторым данным, продолжал играть на руку исламским фундаменталистам. С помощью такой стратегии он хотел ослабить свою оппозицию, представить ее в качестве агрессивных фанатиков, возложить на нее ответственность за возникновение гражданского противостояния и вынудить сирийское население искать защиту на стороне правительства.

Как бы то ни было, закат «Аль-Каиды» и восхождение ИГИЛ привели к усилению позиций радикальных исламистов на Ближнем Востоке. Когда «Исламское государство» захватило в июне 2014 года Мосул и закопало бульдозерами приграничные траншеи между Ираком и Сирией, это было преподнесено как акт физического и символического аннулирования Соглашения Сайкса-Пико. Лидеры ИГИЛ провозгласили начало новой эры – эры строительства халифата, призванного объединить всех мусульман. Но

---

²⁹Burke, The 9/11 Wars, P. 171.

если для них это событие послужило символом грандиозного успеха, то для руководителей «Аль-Каиды» – признаком краха их «исламского проекта».

В условиях гражданской войны в Сирии и постоянных бомбежек со стороны российских ВКС и американской коалиции ИГИЛ продолжает существовать и, более того, обладает определенными признаками государства. В нем работает централизованная система контроля над территорией, которая выполняет функции госуправления. Существует система шариатских судов, начального образования. По данным аналитической компании HIS, площадь территории, контролируемой террористами, на декабрь 2016 год составляла более 60 тыс. кв. км. Однако если после провозглашения халифата на его территории проживало 10 млн. человек, то к концу 2016 года эта цифра уже не превышала 6 млн. человек.

По мнению французского антрополога Скотта Атрана, успех «Исламского государства» как раз предопределило то, что оно продвигает новую идентичность среди арабских суннитов на раздираемом войной Ближнем Востоке³⁰. Исламисты обещают войну против всех, включая Иран с его «сатанинской» моралью, шиитов, Запад и Россию. Причем речь идет о «смертельной борьбе за мусульманскую душу и, в конечном счете, о спасении всего человечества»³¹. Своим последователям они обещают возродить светлую эпоху изначального ислама – идея, которая пользуется популярностью у мусульман по всему миру.

ИГ строит свою идеологию, рассуждая о последней перед концом света битве цивилизаций в городе Дабик. Согласно одному из хадисов (предание о жизни Пророка), именно там произошло сражение между мусульманами и крестоносцами. Исламисты часто ссылаются на идею столкновения цивилизаций как на идею неизбежной и постоянной конфронтации

---

³⁰Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронный ресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

³¹Там же.

исламского мира и Запада. Это помогает им доказать особость своего проекта и представить «западную угрозу» как реальный исторический вызов.

Но идея «столкновения цивилизаций» продвигается не только джихадистами. Автор теории этнокультурного разделения человечества американский политолог Самюэль Хантингтон утверждал в своем знаменитом труде конца XX века, что «основная проблема Запада – вовсе не исламский фундаментализм», а «ислам, иная цивилизация, народы которой убеждены в превосходстве своей культуры и которых терзает мысль о неполноценности их могущества»³². Рассуждая о предрасположенности мусульман к насилию, он писал, что «на какую бы часть исламского мира ни взглянуть, мусульмане никак не могут ужиться со своими соседями»³³. С точки зрения теории «столкновения цивилизаций» Самюэля Хантингтона, теракт 11 сентября можно рассматривать как продолжение «многовекового конфликта между Западом и Исламом», который, по его прогнозу, «вряд ли будет затихать, а скорее станет более жестоким»³⁴.

Таким образом, концепция Хантингтона помогает представить «исламскую угрозу» реальной для всего западного мира. В итоге теорию «столкновения» цивилизаций используют в двух непримиримых лагерях – в джихадистской среде на Ближнем Востоке и в исламофобских кругах на Западе. Теракты только раскручивают эту спираль взаимной ненависти, стирая границу между виртуальностью и реальностью обеих угроз. То есть радикалы-джихадисты и радикалы-исламофобы оказываются необходимы друг другу – для оправдания собственных идей и насильственных действий.

Конечно, ИГИЛ продвигает свой «исторический проект» под религиозными знаменами, обещая воплотить в жизнь мечту мусульман о халифате. Однако ни ислам как религия, ни даже исламизм как политическое течение не дают исчерпывающее объяснение феномену «Исламского

---

³²Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. С. 281-343.

³³Там же. С. 416-418.

³⁴Там же.

государства». Джихадисты преувеличивают роль религии в человеческой истории, а противники ислама, в свою очередь, ошибочно обвиняют учение пророка Мухаммеда во всех бедах на Ближнем Востоке. Но в реальности религия является лишь внешним проявлением тех глубинных причины, которые заставляют людей присоединяться к джихадистам и умирать за определенную идею.

В завершение данного параграфа стоит отметить, что терроризма на исламской почве не существовало вплоть до арабо-израильского конфликта и, в особенности, до войны в Афганистане. Слишком много внешних факторов повлияли на радикализацию исламистов. Скажем, палестинские движения изначально были национально-освободительными и только потом стали использовать исламские лозунги. Точно так же афганское сопротивление было реакцией на вторжение СССР и только потом перешло под знамена радикального ислама. По сути, именно вторжение США в Ирак и поддержка в регионе шиитов подготовило политическую почву для создания исламистско-баасистского альянса. А он, в свою очередь, явился фундаментом ИГИЛ – абсолютно нового террористического образования, которое, отодвинув на задний план схоластические идейные споры, представило ислам как революцию и сделало ставку на тотальное насилие.

1.2. Исламское Государство как революционно-романтическое движение

Через год после экстрадиции из Великобритании Омар Махмуд Отман, расслабляется в своей роскошной гостиной, украшенной белыми лилиями в столице Иордании Аммане. Этот человек, более известный как Абу Катада, был обвинен в том, что представлял интересы «Аль-Каиды» в Европе. Но сейчас он глумится над фотографией в Instagram с котенком, одетым в пояс смертника. Затем вместе с другими джихадистами он смотрит выступление министра внутренних дел Великобритании Терезы Мэй, которая осуждает

экстремистов и цитирует Коран на партийной конференции Тори. «Кто она такая, чтобы говорить от имени ислама?» – вопрошает Абу Мухаммад аль-Макдиси, один из ведущих идеологов джихада. Он известен как личный наставник Абу Мусаба аль-Заркави, который основал организацию, ставшую известной как «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)³⁵.

Именно под руководством Заркави начинается качественный «ребрендинг» исламистских организаций. Осознав, что без широкой общественной поддержки невозможно добиться успеха, резидент «Аль-Каиды» в Ираке аз-Заркави разработал новую стратегию борьбы против неверных в соответствии с популярнейшим текстом Абу Бакра Наджи «Управление жестокостью», который был опубликован в интернете еще в 2004 году.

Смысл «Управления жестокостью» состоит в том, что насилие должно быть применено в той степени, в которой оно находит отклик у широких масс мусульман. Абу Бакр ан-Наджи пишет, что движение джихада теряет поддержку среди населения, поэтому источник для пополнения его рядов может постепенно иссякнуть, а операции будет трудно проводить. Мусульманское население уже утомлено использованием насилия против своих единоверцев – террор принес больше вреда, чем пользы.

Более того, пишет ан-Наджи, группы джихада «убого объяснили массам причины террора, в результате местные режимы смогли перехватить инициативу и завоевали расположение общественности в своей борьбе против движения джихада»³⁶. По сообщению «Аль-Хайят», лидер клана Зубаа заявил, что популярность «Аль-Каиды» начала стремительно падать вследствие многочисленных терактов против мирных жителей, полиции,

---

³⁵Журнал «The Economist». 2014. 1-7 ноября.

³⁶Вайс М. Исламское государство: Армия террора/ Майкл Вайс, Хасан Хасан ; пер. с англ. М., 2016. С. 346.

шиитов, а также тех суннитов, которые не разделяют идеологию радикального ислама³⁷.

Так книга стала реакцией на проблемы в пропаганде радикального исламизма, назревшие в группировке. Чтобы вновь обрести популярность среди мусульманских масс, аль-Заркави развязал жестокую кампанию террора — даже Макдиси раскритиковал действия своего самого знаменитого ученика. Другой главный идеолог «Аль-Каиды» аз-Завахири призвал иракское отделение организации прекратить убийства иракских шиитов³⁸. Это письмо не должно было стать достоянием общественности, но ЦРУ организовало утечку информации, чтобы расширить уже образовавшуюся трещину в отношениях между «шейхом плачей» аз-Заркави и его хозяевами в Центральной Азии. После убийства аз-Заркави «Аль-Каида» попыталась выстроить стратегию своей «дочки» без ущерба для себя, поставив управлять своего человека. Однако это только усугубило раскол внутри группировки, ИГ ставила своей целью создание исламского государства и претендовала на полную автономность. В итоге в мае 2014 года аль-Завахири назвал новых руководителей «вызывающими омерзение глупцами».

По сути, сегодняшние джихадисты стали слишком экстремальными даже для последователей Усамы Бен Ладена. С появлением новой стратегии ИГИЛ, бывшее подразделение «Аль-Каиды», изгнанное из организации, превзошло своего родителя с точки зрения территориального контроля и жестокости. Джихадисты «Исламского государства» значительно расширили правила участия в войне, введя практику такфир (обвинение в неверии), что означает полное одобрение убийства. Они убивают гражданских лиц, немусульман и мусульман-шиитов, которые считаются рафидитами («отвергнутыми») за то, что не признали законности халифов 1300 лет тому назад. «Исламское государство» борется со всеми, кто стоит на его пути к

---

³⁷Там же.

³⁸«Zawahiri's Letter to Zarkawi (English Translation),” Combating Terrorism Center in West Point, October 2013, www.ctc.usma.edu/posts/zawahiris-letter-to-zarkawi-english-translation-2.

власти, независимо от того, являются ли они либеральными демократиями или мусульманами, сопровождая это кровавыми видео и привлекая все больше сторонников с каждого континента, вдохновляющихся войной и насилием.

Именно новая стратегия «Исламского государства» по привлечению сторонников позволила говорить не о «радикализации исламизма», а об «исламизации радикализма»³⁹. По мнению политолога-востоковеда Оливье Руа, джихадистов завораживают решительные действия и неограниченное насилие, а не богословие или суфизм. Да, террористы нового типа выступают под маской ислама, однако они ориентируются не только на мусульман, но и на «отверженных всей Земли»⁴⁰. По сути, речь идет о радикальном бунте, который сегодня рядится в исламские одежды и питается горячностью молодых людей, жаждущих перемен. То есть мы наблюдаем явление ситуационное, а не вечное, как это пытаются представить джихадисты и сторонники теории «столкновения цивилизаций» (Заметим, что оба враждующих лагеря играют на руку «Исламскому государству»: приравнивают ИГ ко всему исламу и провоцируют недовольство мусульман на каждом континенте.)

Наверное, по указанным выше причинам исламистский терроризм с момента своего возникновения носит ярко выраженный транснациональный характер. Скотт Атран, антрополог из Мичиганского университета, провёл углубленное исследование психологической и социальной мотивации, движущей джихадистами. На основе своего анализа он пришел к заключению, что ИГ мало чем отличается от революционно-романтических движений, упивавшихся кровью на протяжении всей истории человечества. «Вы не можете вдохновлять людей на то, чтобы убивать и причинять вред

---

³⁹«Джихад: конъюнктурная идеология отверженных с западными денотатами (Интервью с Оливье Руа)» [Электронный ресурс] // Исламовед.ру. URL: <http://islamoved.ru/2016/dzhihad-konyunktturnaya-ideologiya-otverzhennyh-na-zapadnom-detonate/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁴⁰Там же.

другим, без того, чтобы не опираться на добродетель. Это очень напоминает французскую революцию, когда Робеспьер ввёл террор как орудие демократии»⁴¹, – размышляет исследователь.

В этой связи необходимо понять, где в проекте «Исламского государства» – отголоски революционных движений прошлого, а где начинается подлинная новизна. Это сложно сделать без понимания корней терроризма.

Сам термин «терроризм» и политическая концепция «террора» – это исключительно западные понятия. Сейчас они далеки от нейтральности и всегда сопряжены с определенной политической конъюнктурой, в результате чего ряд организаций признаются «террористическими» в одних странах, но не признаются в других. Кроме того, сами террористические группировки слишком различаются между собой. Сложно сравнивать между собой требования ливанской «Хезболлы», выступающей за освобождение Израилем Голанских высот, и «Исламского Государства», выступающего за создание Халифата и истребления всех неверных. Поэтому так важно понять, что такое терроризм и кого можно назвать террористами.

Терроризм можно определить как систематическое, социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия либо угроз применения такового, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении и достигаются преследуемые террористами цели⁴². У терроризма всегда есть определенный субъект – это лицо или социальная группа, не обладающие легитимностью для использования политического насилия. В этом и заключается существенная разница между понятием «террор» и «терроризм». Если террор определяется как насилие, осуществленное государством, то «терроризм» – это насилие,

---

⁴¹Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронный ресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁴²Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С. 11.

совершенное субъектом, не обладающим легитимностью, то есть идущим «снизу».

Еще одним камнем преткновения для точного понимания террористической деятельности является проблема соотношения понятий «террорист» и «борец за свободу», поскольку «то, что для одного терроризм, для другого – борьба за свободу»⁴³. Специалисты предлагают их различать с точки зрения соблюдения международного гуманитарного права. По мнению судьи Международного суда Питера Хендрика Койманса, «преднамеренные и неразборчивые атаки против гражданских лиц с намерением их убийства – сердцеви́нный элемент терроризма»⁴⁴. Обращая внимание на все вышеизложенные нюансы, терроризм можно определить как использование политически мотивированного насилия или угроза применения такового, когда насилие осуществляет негосударственный субъект в отсутствие войны.

Сам термин «терроризм» появился во время Великой французской революции, но тогда его определяли как «систему, режим террора». Его представила якобинская фракция французских революционеров во главе с Робеспьером, который видел в нем способ защиты демократии. Он рассматривался ими как божественная форма насилия. Скотт Атран называет французскую революцию «имперской миссией по реформированию и спасению человечества»⁴⁵. Так, террор изначально появился как политическая проблема. Но тогда это был «терроризм сверху», сейчас же, если мы говорим о терроризме, то мы понимаем его как «терроризм снизу», а это совсем другое явление. И оно требует дополнительного изучения.

Расцвет «терроризма снизу» начался со второй половины XIX столетия – одновременно с ростом идей демократии, национализма и социализма,

---

⁴³Эмануилов Р. Я., Яшлавский А. Э. Террор по имя веры: религия и политическое насилие. М., 2011. С. 13.

⁴⁴Там же. С. 15.

⁴⁵Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронныйресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

когда недовольные существующим политическим порядком искали наиболее эффективные методы борьбы. В 1848 году немецкий радикал Карл Гейнцен писал: «Если потребуется взорвать полконтинента и пролить море крови, чтобы уничтожить партию варваров, пусть не мучит вас совесть»⁴⁶. Несомненно, современные исламистские экстремисты подписались бы под этим призывом.

Одним из самых знаковых террористических движений второй половины XIX века были русские «народовольцы» – движение против власти бюрократии и капитала, главным успехом которого стало убийство императора Александра II. За пределами Российской Империи основными идейными факторами терроризма стали анархические движения, распространившиеся по всей Европе и в Америке. Между 1881 и 1900 годами убийцы, тесно связанные с анархистским движением, убили президента Франции, премьер-министра Испании, короля Италии и императрицу Австрии. Тогда же начали совершаться теракты, направленные против мирных людей. Таковым был взрыв в парижском кафе «Терminus» Эмилем Анри, унесший жизни 20 человек. Так, между террористами XIX века и террористами XXI века, вдохновляющихся исламистской идеологией, можно найти много сходств с точки зрения методов и мотивации террористической деятельности.

Однако анархистское движение как геополитическая сила было уничтожено большевиками, которые знали намного лучше, как управлять широкими народными массами. Они были, в целом, гораздо более безжалостными. Можно вспомнить знаменитое определение Ленина государства как «аппарата насилия». Французский антрополог Скотт Атран полагает, что соперничество между «Аль-Каидой» и «Исламским Государством» перекликается с соперничеством между анархистами и большевиками. «Как и в случае с «Аль-Каидой», анархистское движение было в значительной степени децентрализованным движением добровольцев,

---

⁴⁶ Там же.

возглавляемых довольно состоятельными и образованными людьми». Сейчас некоторые бойцы «Джабхат-ан-нусры» (отделение «Аль-Каиды» в Сирии) признают, что «Исламское Государство» – организация более бескомпромиссная и жестокая и лучше руководит и организует жизнь на территории провозглашенного Халифата. Один из членов «Джабхат-ан-нусры» («Аль-Каида») говорил: «ДАЕШ (ИГ) отняло у нас силы и финансовые ресурсы, их средства массовой информации могущественнее, и поэтому мы чувствуем себя как рыба, выброшенная из воды»⁴⁷.

Историк Василий Кузнецов полагает, что сравнение ИГ с коммунистами возможно с точки зрения «романтического элемента и принятия насилия»⁴⁸. Однако для коммунистов было характерно инструментальное понимание насилия как метода борьбы, в то время как для ИГ насилие становится составным элементом идеологии. «Его применение не только оправдывается прагматической целью и даже не только становится элементом ее своеобразного пиара, но, кроме того, обретает некий «священный» в понимании ИГ смысл. И именно насилие притягивает ряд адептов этой террористической организации»⁴⁹, – полагает ученый.

Даже на уровне идеологических построений между ультралевыми террористами XX века и радикальными исламистами можно обнаружить больше сходств, чем кажется на первый взгляд. Именно в 1960-1980 годы с возникновением террористических группировок леворадикального свойства терроризм приобрел международный характер и стал предшественником террористических организаций XXI века, выступающих под маской ислама. «Та же ненависть и непримиримость к инакомыслию, то же манихейское видение мира, четко разделяемого на «добро» и «зло», такое же неприятие

---

⁴⁷Там же.

⁴⁸Татьяна Хрулёва. Произошла не радикализация ислама, а исламизация радикализма. // [Электронный ресурс] // Росбалт. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2016/11/16/1567655.html> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁴⁹Там же.

западных институтов и телеологичность (если в случае тоталитарных идеологий левого спектра борьба ведется за приближение бесклассового будущего, то в другом случае – за создание идеального халифата)»⁵⁰. Обе идеологии – и коммунизм, и исламизм – претендуют на идеальную модель мироустройства. Главная идея ИГ – создание Халифата на справедливых началах. Они восхваляют халифат и его исламские добродетели, демонстрируя открытие больниц, улыбающихся школьников и граждан, горячо поддерживающих верность халифу. Чарльз Листер, ученый из Брукингса полагает, что такие положительные образы объясняют привлекательность ИГ: «И в Сирии, и в Ираке ИГ представляет собой как армию, так и альтернативное «государство» для защиты от репрессивных и коррумпированных политических систем»⁵¹. В рамках данной теории ислам выступает как форма социального протеста.

По сути, переход к насилию как способу достижения великой идеи отнюдь не нов и весь практический «инструментарий» достался исламистским террористам «по наследству» от группировок, которые ранее выступали под светскими лозунгами. Исследователь ислама Оливье Руа утверждает, что в радикализации виноват не ислам, а просто некая группа плохо интегрированных молодых людей решила радикализироваться и воплотила это свое стремление в жизнь⁵². Когда коммунистическая идеология начала утрачивать привлекательность для трудящихся, возникли такие организации, как немецкая «Фракция Красной Армии» и итальянские «Красные бригады». Именно они были вдохновителями массового террора. По мнению Оливье Руа, «джихадизм стал глобальным, он не зависит от

---

⁵⁰Эмануилов Р. Я., Яшлавский А. Э. Террор по имя веры: религия и политическое насилие. М., 2011. С. 20.

⁵¹Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронный ресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁵²Olivier Roy. Who are the new jihadis?// [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/news/2017/apr/13/who-are-the-new-jihadis> (дата обращения: 21. 05. 2017).

каких-то конкретных причин (например, палестинского вопроса, безработицы), он находится в русле призыва к мировой революции, которая мобилизовала часть молодежи в 1960-1970-е годы. Джихадизм открыт для всех, а не только для определенных групп, хотя, прежде всего, под его воздействие попадает молодежь. С этой точки зрения, и ИГ, и «Аль-Каида» (запрещены в России – прим.пер.), являются такими же молодежными движениями, как «Прямое действие», «Красные бригады» и «Фракция Красной Армии»⁵³.

С точки зрения мотивации экстремистской деятельности и возможностей, которые дали террористам технические достижения, средств массовой информации и в целом глобализация, современный «исламистский терроризм» – это явление совершенно новое. С другой стороны, он не принес в террористическую практику новых элементов, продолжая развивать традиции прошлых поколений. Но есть и существенная разница. Так, для террористов XIX и XX века религия не была мотивацией для совершения преступлений, тогда как для современных террористов религия – это основное идеологическое обоснование своих насильственных действий.

Таким образом, можно выделить две главные особенности, отличающие современный исламистский терроризм от терроризма прошлых эпох:

1. Это террор, замешанный на религии, на радикальном политическом исламе;
2. Мишени террористов – не столько конкретные виновники и политические деятели, сколько невинные мирные жители.

Но для терроризма «убийство не было самоцелью. Это был способ воздействия определённых сил на изменение социально-политического курса страны, на перераспределение власти, ресурсов, сырьевых и

---

⁵³«Джихад: конъюнктурная идеология отверженных с западными денотатами (Интервью с Оливье Руа)» [Электронный ресурс] // Исламовед.ру. URL: <http://islamoved.ru/2016/dzihad-konyunkturnaya-ideologiya-otverzhennyh-na-zapadnom-detonate/> (дата обращения: 21.05.2017).

финансовых потоков»⁵⁴. Но если терроризм XIX и XX веков по большей части был направлен на политических деятелей, ответственных за политику, то современный терроризм для достижения своих политических целей использует жертвы мирных жителей. «Демократические режимы поставили политиков в большую зависимость от народа, а потому кровь, безвинно проливаемая этим народом, стала стоить гораздо дороже, чем раньше»⁵⁵.

Однако обращение с «Исламским Государством» как с одной из форм терроризма или насильственного экстремизма на самом деле маскирует угрозу. Каждая революционная идея прошлого была «экстремистской» по сравнению с тем, что было нормой раньше и каждая из них, будь то коммунизм, фашизм или национализм, содержит в себе великую идею спасения. В этом смысле современный джихадизм от них нисколько не отличается. Но возникает вопрос: почему человеку на протяжении всей истории необходимы великие идеалы, за которые он готов отдать свою жизнь?

В «Левиафане» (1651) Томас Гоббс называл жертвы ради великих идей «нелепой привилегией, которой не подчиняется ни одна тварь, кроме человека»⁵⁶. Люди прикладывают наибольшие усилия и готовы пожертвовать своей жизнью ради идей, они могут быть плохими или хорошими, но главное в них то, что они придают людям чувство значимости. В книге «Сошествие человека» Чарльз Дарвин «отнес эту преданность к добродетели «нравственности ... духу патриотизма, верности, послушания, храбрости и сочувствия, с которыми побеждающие группы становятся сильнее в борьбе за

---

⁵⁴Евсеев А. Ю., Лабуш Н. С., Пую А. С. Информационные технологии и терроризм: теория и современная практика. Учеб. пособие. СПб., 2004. С. 35.

⁵⁵Эмануилов Р. Я., Яшлавский А. Э. Террор по имя веры: религия и политическое насилие. М., 2011. С. 22.

⁵⁶Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронныйресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

выживание и господство. Это священные ценности, невосприимчивые к материализму»⁵⁷.

Антрополог Скотт Атран в своем эссе «Исламское государство – это революция» утверждает, что в мировой истории у проекта ИГИЛ можно найти конкретные аналоги⁵⁸. Он утверждает, что сама тактика фундаменталистов (зрелищные убийства, дестабилизирующие социальный порядок) существует ровно столько, сколько существует само человечество. Исламистов он сравнивает с еврейскими фанатиками (сикариями), которые после взятия Иудеи римлянами нападали на римских солдат, жертвуя собой во время публичных церемоний. Так и сейчас, главным оружием радикальных исламистов становится самопожертвование ради «великого дела защиты ислама».

Суть понятия «жертвоприношение» тесно связана с понятием «сакральные ценности», которые в первую очередь означают божественное начало, религиозную веру. «Для наших исключительно хищных видов успех зависел от готовности проливать кровь, в том числе и от жертвоприношений, не только для семьи и племени, богатства или статуса, но по какой-то большей причине»⁵⁹, – пишет Атран. Этой «большой причиной» французский философ Рене Жирар называет трансцендентное начало, позволяющее отделить законное насилие от преступного и, следовательно, легитимировать убийство (жертвоприношение), что вызывает у человека «катарсическое умиротворение»⁶⁰. Для Жирара религия – это механизм легализации насилия, когда после «спонтанного убийства одного из соплеменников общество практикует ритуальные жертвоприношения, чтобы облегчить социальное напряжение и предать обществу чувство единства»⁶¹.

---

⁵⁷Там же.

⁵⁸Там же.

⁵⁹Там же.

⁶⁰Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000. С. 50.

⁶¹Там же.

Таким образом, «священное» выступает инструментом для достижения единства общества, одним из способов поддержания которого является жертвоприношение.

Джихадисты категорически отвергают приравнивание смерти шахида к самоубийству, запрещенному Кораном. Они называют такую гибель «истишхадом», что означает мученичество или самопожертвование во имя служения Аллаху. Для них смерть – это приобретение желанной идентичности, идентичности мученика, свидетеля религиозной истины, которая может быть утверждена только через смерть. Для них террор – это что-то «возвышенное». Но «религия – это денотат, на который, очевидно, наслаиваются иные элементы: борьба с несправедливостью, обретение некой миссии, которая позволяет повысить самооценку индивида и его оценку со стороны окружающих, достижение идеологической цели ради торжества черно-белого мировоззрения»⁶².

Подобных примеров в истории – десятки, а то и сотни. К примеру, идеологи фашизма использовали в своих целях культ красоты, жертвенности, воинской доблести, тяги к магическому и совершенному. Они проповедовали отказ от разума в пользу «триумфа воли», а смерть представляли как жертву отдельного человека во имя общества, во имя общего дела. Именно стремление к «священному» смыслу объединяет исламистский терроризм и нацистское движение. Джордж Оруэлл в 1940 году написал: «Гитлер знает ... что люди не только хотят комфорта, безопасности, короткого рабочего времени, гигиены ... и, в общем, здравого смысла; они также, по крайней мере с перерывами, хотят борьбы и самопожертвования... В то время как социализм и даже капитализм более грубым способом говорили людям: «Я предлагаю вам хорошо провести время», Гитлер сказал им: «Я предлагаю вам бороться, опасность и смерть», и, как результат, целая нация бросается к его ногам.

---

⁶²Мирский, Г. И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М., 2008. С. 163.

Именно «страх и боль», как отмечает публицист эпохи Просвещения Эмунд Берк, составляют суть при переживании «возвышенного», и именно они являются условием для успеха террора. «Все, что каким-либо образом устроено так, что возбуждает идеи недовольствия и опасности, другими словами, все, что в какой-либо степени является ужасным или связано с предметами, внушающими ужас или подобие ужаса, является источником возвышенного; то есть вызывает самую сильную эмоцию, которую душа способна испытывать»⁶³. Как заметил в 1932 году Шарль де Голль во Франции, «не может быть престижа без таинственности, потому что чем ближе знаешь, тем меньше почитаешь»⁶⁴. Поэтому «великие лидеры всегда тщательно организовывали свои действия», чтобы «сконцентрировать все... усилия на увлечении умов», чтобы они могли преодолеть самих себя, чтобы действовать ради великой, определяющей группу причины. В «Mein Kampf» (1925) Адольф Гитлер заявил: «Все великие движения – это народные движения, вулканические извержения человеческих страстей и эмоциональных чувств, возбуждаемые либо жестокой Богиней Бедствия, либо подстрекательским словом, брошенным в массах».

Конечно, войны побеждаются в материальном мире, но духовная приверженность делу и товарищам приносят большее преимущество одной из сторон при прочих равных условиях борьбы. Как впервые заметил арабский историк 14-го века Ибн Халдун, сравнивая мусульманские династии в Северной Африке с образованиями аналогичной военной мощи, успех «имеет свое начало в религии... чувство группы (асабия) когда индивидуальные желания объединяются в согласии [и] взаимном сотрудничестве и поддержка процветают».

Послевоенные социально-психологические исследования показывают, что немецкий солдат верил в то, что он делал, и боролся за дело так же, как и

---

⁶³Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронныйресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁶⁴Там же.

за товарищей. Такое же исследование провел французский антрополог Скотт Атран, изучая психологию джихадистов⁶⁵. Он выделил следующие качества, побуждающие «воинов ислама» приносить свои жизни на алтарь борьбы за великое дело:

- 1) игнорирование материальных стимулов;
- 2) невозможность отказа от священных ценностей;
- 3) иммунитет к социальному давлению: не имеет значения, сколько людей противятся вашим священным ценностям и насколько они близки вам по другим вопросам;
- 4) отдаленные события имеют меньшее значение чем, то что происходит здесь и сейчас;
- 5) слияния с товарищами достигает высокой степени;
- 6) огромные духовные силы.

Еще одним из важных факторов является чувство принадлежности к группе. Согласно результатам эксперимента, когда среди пяти видов расположения пары кругов боевики выбирали тот вариант, где круг «я» целиком содержится внутри круга «группы», джихадисты переживают то, что социальные психологи обозначают термином «слияние идентичности». То есть их личная идентичность сливается с коллективной идентичностью. «Такое полное слияние демонстрирует чувство групповой непобедимости и готовность каждого отдельного человека в группе жертвовать для другого»⁶⁶.

Приведем пример из истории ИГИЛ. Когда боевики «Исламского Государства» летом 2014 года начали продвигаться к Мосулу, второму по величине городу Ирака, 30 тыс. вооруженных иракских солдат попросту бросили оружие и без боя оставили город. Иракская армия, превышающая по численности боевиков в несколько раз, оказалась слаба на фоне джихадистов. Позже тогдашний президент США Барак Обама признает: «Мы недооценили ИГ и переоценили боевые возможности иракской армии...».

---

⁶⁵Там же.

⁶⁶Там же.

Только среди курдских бойцов Пешмерга и Рабочей Партии Курдистана исследователи обнаружили приверженность священному делу «Курдिति» (их собственный термин) и чувство единства с другими курдскими бойцами, сопоставимое с приверженностью великому делу бойцов «Исламского государства».

История показывает, что большинство из сохранившихся ныне цивилизаций имели свои священные ценности, за которые люди отчаянно боролись, рискуя собственной жизнью и не идя ни на какие компромиссы. Согласно исследованиям, это так для многих, кто присоединяется к ИГ и для многих курдов, которые выступают против них на передовой. А если люди находятся в поисках «священного смысла» и устремляются в Сирию вести «священную войну», значит, «Исламское государство» смогло задеть какой-то важный «нерв эпохи» и предложить идеологию, которая кажется привлекательной миллионам людей на Ближнем Востоке и за его пределами.

1.3. Новый «дух времени»: Исламское Государство и возвращение больших нарративов

Конец XX – начало XXI века стал новой страницей в истории терроризма. Если в середине прошлого столетия терроризма, базирующегося на исламистском видении мира, еще не существовало, то после окончания «холодной войны» на авансцену вышли террористические организации нового типа – под черными знаменами радикального исламизма. Это было обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, глобальным возрождением роли религии на фоне кризиса модернизации во второй половине XX века. Это возрождение, которое французский востоковед Жиль Кипель назвал «реваншем Бога» (*la revanche de Dieu*), проникло на каждый континент, в каждую цивилизацию и практически в каждую страну. По словам исследователя, в середине 1970-х курс на секуляризацию и замирение религии с атеизмом «развернулся в

обратную сторону»⁶⁷. Появился новый религиозный подход, ставящий своей целью уже не принятие светских ценностей, а возвращение священных основ для организации общества – вплоть до изменения самого общества, если необходимо.

Тут нужно понимать, что «реванш Бога» не является исключительно мусульманским феноменом – возрождение религии и усиление религиозного сознания на фоне кризиса научного мировоззрения и светских идеологий наблюдается в каждой части света. Например, ученые говорят об усилении влияния православной церкви в постсоветской России. Но аналогичные процессы наблюдаются и в Европе. Так, профессор университета Орхуса в Дании Питер Лодберг утверждает, что африканские христиане, мигрируя в западные страны, приносят с собой и религиозное возрождение, возвращая в христианство многих европейцев⁶⁸. Однако наиболее ярко «реванш Бога» проявляется на Западе в форме растущей популярности мистики, оккультизма, восточных учений и философии New Age с ее призывом к объединению всех конфессий.

Специфика же Ближнего Востока состоит в том, что религиозное возрождение в этой части света происходит по наиболее радикальному сценарию. Это объясняется бедственным социально-экономическим положением большинства стран исламского мира, которые стали к началу XXI века ареной драматических событий глобального масштаба.

Другой ключевой фактор, способствующий подъему исламистского терроризма, связан с теми изменениями, которые принесло человечеству окончание холодной войны. По словам исследователя Брюса Хоффмана «религия стала куда более распространенным мотивом для террористической деятельности в эпоху, последовавшую за окончанием «холодной войны», чем старые идеологические направления, чью несостоятельность

---

⁶⁷Кепель Жиль, *Джихад: Экспансия и закат исламизма* / пер. с фр. В. Ф. Денисова. М., 2004. С. 42.

⁶⁸На основе интервью.

продемонстрировал развал СССР и крушение коммунистической идеологии, в то время как щедрые обещания либерально-демократических капиталистических государств, торжествующих по поводу того, что Фрэнсис Фукуяма в своем знаменитом изречении назвал «концом истории», никак не выполняются во многих странах по всему миру»⁶⁹. Благодаря существованию биполярной международной системы зачатки исламистского терроризма оставались в тени дуэли между США и Советским Союзом и хорошо вписывались в идеологические рамки противостояния двух систем. Например, в ходе афганской войны Усама бен Ладен пользовался косвенной поддержкой американских спецслужб, использовавших его организацию против СССР в Афганистане.

Разделение планеты на два противоборствующих лагеря позволяло разным лидерам выбрать внешнего покровителя и тем самым укрепить стабильность режима. Но конец «холодной войны» полностью изменил ход вещей не только в мире, но и на Ближнем Востоке, – и там, и там начала доминировать одна сверхдержава. И с этого момента противостояние двух систем переросло в противостояние мира самому себе. По мере того, как сила, мощь и влияние западного мира возрастали, а система в потоке глобализации все больше рассредотачивалась в мире, тем она становилась уязвимее.

Французский социолог и философ Жан Бодрийяр говорил по этому поводу, что усиление Добра вовсе не предполагает поражения Зла⁷⁰. Скорее, обе силы возрастают одновременно, относительно друг друга. По его мнению, «несостоятельность западной философии, философии Света» заключается в наивной вере в то, что прогресс Добра во всех областях (наука, техника, демократия, права человека) сопровождаются полным исчезновением Зла. Если во время «холодной войны» «равновесие страха»

---

⁶⁹Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. С. 109.

⁷⁰Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. М., 2016. С. 82.

обеспечивалось благодаря противостоянию двух сил, то после 1991 года этот баланс нарушился с начала «тотальной экстраполяции Добра»⁷¹. Бодрийяр называет это «гегемонией позитивного над любой формой негативного, исключение смерти и любой противостоящей силы – триумф ценностей Добра по всему фронту»⁷².

Концепция Добра, о которой писал французский философ, на протяжении десятилетий после окончания «холодной войны» предлагала неоднородному западному обществу «общий знаменатель». В роли такого знаменателя выступил постмодерн, чьи основные четыре характеристики сформировали в 1970-80-х годах Жак Деррида, Мишель Фуко, Луи Альтюссер, Жак Лакан, основоположники и оппоненты школы постструктурализма. Это агностицизм, утверждающий, что истина условна; прагматизм, во главу угла ставящий достижение успеха через материальные достижения; эклектизм, то есть использование противоречащих друг другу стратегий для достижения успеха и анархodemократизм – разрушение политической и социальной иерархии путем противопоставления ей «атомизированной» личности. Все эти характеристики отражались во внешнеполитических решениях государств и международных отношениях, когда применялись двойные стандарты, а политическая теория расходилась с практикой. Причем именно на Ближнем Востоке эта тенденция проявлялась во всей своей яркости и неприглядной полноте.

Эпоха постмодерна, вступившая в свои права после окончания холодной войны, стала периодом отказа от идеологий, больших смыслов и «больших нарративов». Это закономерный ход вещей – почти всеобщая идеология демократии и либерализма утратила способность быть идеологией именно в результате своей тотальности. Наступила эпоха «жонглирования

---

⁷¹Там же.

⁷²Там же. С. 84.

словами, слоганами и дискурсами»⁷³. К примеру, свергнутые «арабской весной» лидеры стран Ближнего Востока то защищали демократию и права человека, то в какой-то момент становились защитниками традиционных ценностей, – у них не было ни внятной идеи, ни стратегии развития. Этим они отличались от первого поколения арабских лидеров — А. Садата, Г.А. Насера, Х. Бургибы, которые обращались к «большим нарративам». За утратой больших смыслов последовали разговоры о закате постмодернизма, наиболее ярким примером преодоления которого стало появление ИГ, – характерного социально-политического феномена современности и центра глобальной «большой игры». Но разрушение «концепции Добра» произошло еще раньше.

Эпоху постмодерна часто называют «временем иллюзорных ожиданий» и «нереалистичных оценок». Это время принесло с собой ощущение все усугубляющейся скуки на фоне бесконечных потрясений. Скуки, смешанной с усталостью, в связи с бесконечной повторяемостью и отсутствием альтернатив. По выражению аргентинского писателя Маседонио Фернандеса, это было время «забастовки событий»⁷⁴. Казалось, человечество обречено на просмотр одного бесконечного спектакля, в котором форма давно выхолостила содержание.

Первым Событием, пробудившим постмодернистский мир от скуки стало крушение башен-близнецов Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке. Славой Жижек в своей книге с характерным названием «Добро пожаловать в пустыню реального» спрашивает: «Разве его цель (сегодняшнего фундаменталистского террора – прим. Авт.) не состоит в том, чтобы пробудить нас, людей Запада, от нашей нечувствительности, от

---

⁷³Кузнецов В. «Ближний Восток: постмодерн ушёл вчера» [Электронный ресурс] // Russian International Affairs Council. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7469#top-content (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁷⁴Там же.

погружения в нашу повседневную идеологическую вселенную?»⁷⁵. 11 сентября для большинства зрителей было первым масштабным актом абсолютного террора на телевизионном экране, тем что Бодрийяр в эссе «Дух терроризма» назвал событием с большой буквы, событием, от которого невозможно отмахнуться. Это было и первым пробуждением. Но и эта трагедия (как и развернувшаяся вслед за ней война с терроризмом) вместе с её символизмом, медийностью, имиджевой значимостью была пропитана духом времени – духом постмодернизма.

Провозглашение «Исламским Государством» халифата вне национальных границ в 2014 году стало вторым Событием, которое уже не только пробудило человечество от скуки, но и открыло путь к преодолению постмодернистского безвременья. Угасание «Аль-Каиды», смерть Бен Ладена и восхождение ИГ обозначили новую глобальную тенденцию. Ее суть – возвращение «к большим нарративам эпохи модерна, иначе говоря, желание предложить миру глобальный альтернативный социально-политический проект»⁷⁶. ИГ отрицает государственные границы, традиционные религиозные установки и международные отношения, определявшие жизнь Ближнего Востока раньше. «Это заявка на тотальную ревизию всего того, на чем держалась «конструкция» региона»⁷⁷. Но, что еще важнее, это заявка на тотальную ревизию всего миропорядка.

По сути, феномен ИГ стал выразителем духа эпохи, наступившей в масштабах всей планеты. Ее отличительной чертой называют историзм – то есть обращение к прошлому, возрождение больших смыслов, характерных для человечества в минувшие века. «Если лидеры эпохи постмодернизма черпали вдохновение в фантазийных картинах глобального будущего

---

⁷⁵Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального М., 2002. С. 15.

⁷⁶Кузнецов В. «Ближний Восток: постмодерн ушёл вчера» [Электронный ресурс] // Russian International Affairs Council. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7469#top-content (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁷⁷Там же.

человечества, то приходящие им на смену неомодернисты гораздо охотнее обращаются в поисках политических ориентиров к национальному прошлому»⁷⁸, – пишет Андрей Кортунов. Когда в ходе избирательной кампании Дональд Трамп обещал «сделать Америку снова великой», он, по сути, выступал с лозунгом сделать великой историю. Российская тоска по советскому и царскому прошлому, стремление вернуть величие «старой доброй Англии», проявившейся при голосовании за Brexit, подъем национализма в Европе и Азии – таковы симптомы наступления новой эпохи. Что же касается ИГ, то исламисты лишь высветили общемировую тенденцию в наиболее острой, радикальной форме.

Менее чем за два года «Халифат» распространил свою власть на сотни тысяч квадратных километров и миллионы людей. Главным источником могущества ИГ был и остается практически неиссякаемый приток добровольцев, желающих сражаться во имя «мирового Халифата». Всего на стороне террористических групп в Ираке и Сирии, согласно докладу Международного центра исследований проблем радикализма и политического насилия (ICSR), воюют 20 730 иностранных граждан⁷⁹. Большая их часть из Ближнего Востока — 11 000 человек, 3 000 человек приходится на страны бывшего СССР. На третьем месте по численности люди из западных стран, – летом 2015 в рядах ИГ воевали 4 000 человек из стран Запада. Лидеры по числу боевиков ИГ Франция, Великобритания, Германия и Австрия. «По примерным оценкам, 5-10% иностранцев погибают в ходе военных действий, 10-30% покинули зоны конфликта, вернувшись на родину или оставшись в транзитных странах»⁸⁰.

---

⁷⁸Кортунов А. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. // [Электронный ресурс] // Russian Council. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=8641#top-content (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁷⁹Peter R. Neumann. Foreign fighter total in Syria/Iraq now exceeds 20,000; surpasses Afghanistan conflict in the 1980s. // [Электронный ресурс] // ISCR. 26.01.2015. URL: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁸⁰Там же.

Что же делает группировку ИГ настолько привлекательной? Почему в ряды джихадистов устремляются представители не только нищей «арабской улицы», но и жители относительно благополучных стран Запада? Основная стратегия, используемая «Исламским Государством» для привлечения сторонников и выбивания из колеи противников, описана в книге Абу Бакр Наджи «Управление жестокостью». Вот основные положения данной книги:

1) Ударяйте по мягким целям: «Разнообразьте и расширьте удары против крестоносцев и сионистов во всех местах исламского мира и даже вне его, если это возможно, чтобы рассеять усилия альянса противника и, таким образом, истощить его в максимально возможной степени. '»

2) Ударьте, когда у потенциальных жертв ослаблена бдительность чтобы повысить страх населения в целом и истощить их экономику: «Если пострадают туристические курорты, которым покровительствуют крестоносцы ... все туристические курорты во всех штатах мира должны будут обеспечиваться работой дополнительных сил, что в два раза больше обычной суммы и огромным увеличением расходов».

3) Уловите бунтарство молодежи, их энергию и идеализм, их готовность к самопожертвованию, в то время как глупцы проповедуют умеренность и избегают риска: «Мотивируйте толпы людей, которые тянутся из масс, чтобы лететь в регионы, которыми мы управляем, особенно молодежь ... [Ибо] молодежь нации ближе к врожденной природе [людей] из-за бунтарства внутри них, которые ... инертные исламские группы [только пытаются подавить] ».

4) Направляйте Запад как можно глубже и активнее в трясину: «Работайте, чтобы разоблачить слабость централизованной власти Америки, заставив ее отказаться от медийной психологической войны и войны через посредника, пока она не начнут бороться напрямую». То же самое для союзников Америки.

Впрочем, успех ИГ в 2014-2017 годах связан не только с эффективной стратегией по вербовке сторонников. Главная причина растущей

популярности провозвестников «всемирного Халифата» состоит в том, что они смогли затронуть важнейший «нерв» эпохи – эпохи угасания постмодерна и перехода к неомодерну. Лидеры ИГ обращаются к нескольким вечным темам, идеям и «большим нарративам», которые сопровождают человечество на протяжении всей его истории, но которые приобретают особую актуальность в кризисные времена. В отсутствие реальной альтернативы ИГ предлагает мир, наполненный новыми смыслами, и удовлетворяет желания тех, кому нынешняя реальность не дает ответы на основные экзистенциальные вопросы. «Они хотят переделать мир и находят только джихадизм как альтернативную идеологию, – пишет Трофимов, – потому что больше ничего не осталось... это самый очевидная противоположность Западу»⁸¹. В этих условиях, как отмечает исследователь Василий Кузнецов, «главной проблемой становится не военное и даже не идеологическое противодействие терроризму в целом, а противодействие ценностное»⁸².

Главным инструментом ценностного противодействия для террористов становится смерть. То, что террористы целенаправленно ищут собственной смерти – это именно та стратегия, что отличает современных террористов от их предшественников. Они делают ставку на собственную смерть, так как в этом, по словам Ж. Бодрийяра, заключается основная уязвимость господствующей системы эпохи постмодерна, которая исключает всякий негативизм, саму идею смерти, противопоставляя ей «нулевую смерть»⁸³. «И все средства распыления и разрушения – ничто по сравнению с врагом,

---

⁸¹«Countering Daesh Propaganda: Action-Oriented Research for Practical Policy Outcomes» / The Carter Center. Atlanta, February 2016.

⁸²Кузнецов В. «Ближний Восток: постмодерн ушёл вчера» [Электронный ресурс] // Russian International Affairs Council. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7469#top-content (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁸³Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. М., 2016. С. 224.

который сделал из собственной смерти средство контрнаступления»⁸⁴, – пишет французский философ. "Что нам американские бомбардировки! Наши люди в той же степени жаждут смерти, в какой американцы хотят жить". Курд, начальник полицейского участка в Киркуке передал слова своих заключенных: «Иностранные боевики самые опасные и бесстрашные. Они сражаются, чтобы победить, и они сражаются, чтобы умереть. Они верят в то, что они делают, и не сдаются»⁸⁵. Один 25-летний боец Джабхат-ан-Нусры, который сначала воевал за ИГ, но устал от «взрывов невинных гражданских лиц», подтвердил слова этих добровольцев, которые хотят борьбы и самопожертвования больше всего на свете⁸⁶:

«В подростковом возрасте я просто хотел играть в футбол и видеоигры. Я любил читать художественные книги. Оглядываясь назад на свои мысли, кажется, что мой ум был слишком отвлекался на мирское: учеба, получение хорошей работы, общение, развлечения и семейная жизнь. В то время понятие джихада было чем-то пугающим, чем-то вроде жертвы и лишений, и его невозможно было осуществить. Это было незадолго до того, как мне рассказали о концепции мученичества (шухада) ... Сразу же я вообразил образ двух армий, сражающихся друг с другом. Воины, владеющие своими мечами и разъезжающие на красивых лошадях, погруженные в мысли о борьбе на пути Аллаха и достижении мученичества. Я никогда особо не наблюдал за пропагандой джихада в Интернете, и я так стремился попасть в Сирию, куда я шел вслепую с двумя братьями, они были местными жителями из Великобритании ... [чтобы избавить общество от многих своих нечистот и вернуть Землю к Состояние чистоты, где закон Бога превосходит все

---

⁸⁴Там же.

⁸⁵Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронный ресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁸⁶Там же.

остальное, я завидовал братьям, которые были убиты, сражаясь во имя Аллаха».

Таким образом, в ценностном противодействии террористами сделана ставка на смерть, но не на реальную смерть, а на смерть символическую и сакральную. Гений ИГ заключается в способе подачи информации и истории так, что она удовлетворяет амбиции беспокойных, уязвимых бунтарей, мало имеющих отношение как к исламу, так и к самому движению, но чье «самоубийство должно стать частью глобальной саги». Террористы не кончают жизнь самоубийством бесцельно. Так, с помощью жертвоприношения ради великой идеи идеология ИГ также предлагает значимость. Присоединившись к борьбе, новобранцы верят, что они могут заработать статус героев и мучеников, завоевать место в истории и вернуть мир к состоянию «духовной чистоты».

Наконец, халифат призван представлять мир, в котором теоретически мусульмане будут наделены полномочиями – политически и экономически – и в котором они больше не будут обижены. Современные джихадисты – это прежде всего молодые люди, объединенные стремлением стереть память о позорных страницах в истории предков. Давид Валла, бывший джихадист, так описывал риторику радикальных проповедников: «Ислам вашего отца – это то, что оставили колонисты после себя, Ислам тех, кто склоняется и подчиняется. Наш Ислам – это Ислам воинов, крови и сопротивления». Так, террористы через подобные проповеди возвращают всем мусульманам влияние, власть и славу. «Как и коммунисты, ИГ обещает всеобщее благополучие, бесплатную медицину и социальную справедливость ... Многие молодые люди думают, что западная система, ориентированная на капитализм, не для них и необходимо создать другое общество»⁸⁷.

Совсем неудивительным кажется тот факт, что многие люди пытаются найти выход из социального неравенства через джихад. Международная

---

⁸⁷«Countering Daesh Propaganda: Action-Oriented Research for Practical Policy Outcomes» / The Carter Center. Atlanta, February 2016.

организация Oxfam в начале 2017 года опубликовала шокирующий доклад, который показывает масштабы социального расслоения в современном мире⁸⁸. Согласно исследованию, 1% мирового населения в 2015 году имел в своем распоряжении больше активов, чем остальные 99% людей, живущих на планете. Сейчас восемь самых богатых людей в мире обладают таким же состоянием, как 3,6 миллиарда человек.

По сути, в социальном плане планета сегодня расколота на благополучный «золотой миллиард», ядро которого образуют США и Евросоюз, и нищий «третий мир», к которому принадлежит подавляющее большинство стран Исламской цивилизации. Разумеется, это вызывает недовольство среди миллионов мусульман, многие из которых вступают в ряды джихадистов ради восстановления «высшей справедливости». Но рост социального неравенства сегодня ускоряется и в странах «золотого миллиарда», что особенно остро ощущают на себе обитатели полукриминальных гетто в европейских мегаполисах, в том числе выходцы из Ближнего Востока и северной Африки. Именно эти люди оказываются наиболее восприимчивыми к проповедникам ИГИЛ, обещающим уничтожить разделение на богатых и бедных и создать на Земле атмосферу подлинного братства.

Проект «Исламского государства» как раз признан предложить альтернативу западной системе – своей целью ИГ видит создание нового мира всеобщей справедливости, а себя позиционирует в качестве альтернативы, «свободной от коррупции и административно эффективной, которая в состоянии обеспечить безопасность и справедливость и для которой характерны политическая и моральная чистота»⁸⁹. Transparency

---

⁸⁸Доклад Oxfam. Волки с Уолл-Стрит. // [Электронный ресурс] // Euronews. 16.01.2017. URL: <http://ru.euronews.com/2017/01/16/oxfam-report-shows-widening-disparity-between-rich-and-poor> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁸⁹Lt Col Dave Allen, GBR-A; Will Cafferky; Abdallah Hendawy; Jordache Horn; Karolina MacLachlan; Stefanie Nijssen; Eleonore Vidal de la Blache. THE BIG SPIN: Corruption and the growth of violent extremism/ Transparency International UK. February 2017.

International опубликовала доклад, в котором напрямую связывает коррупцию с процветанием «Исламского государства» и его ответвлений. «Антикоррупция, безопасность и справедливость часто являются центральными понятиями, на основании которых радикальные движения стараются завоевать себе поддержку»⁹⁰. Опираясь на общественное недовольство, вызванное коррумпированностью режимов, ИГ использует его для вербовки новых сторонников, – вот, например, такие записи появляются в твиттере симпатизирующих ИГ: «Религиозная коррупция, финансовая коррупция, политическая коррупция и падение нравов в обществе. Все это вы получаете в странах, которыми управляют тираны, но не в халифате, Исламском государстве»⁹¹. Проблема заключается в том, что «Исламскому государству» даже не стоит ничего выдумывать, чтобы привлечь на свою сторону больше сторонников, стоит всего лишь обратить внимание на «масштабные хищения средств из государственных фондов, взяточничество сирийских и иракских чиновников и кумовство»⁹².

В одной из публикаций в журнале «Дабик» – англоязычном пропагандистском интернет-издании «Исламского государства» – написано следующее:

«Разве вы не видите союзников этих тиранов? Разве вы не видите тех, кто распространяет коррупцию на Земле? Разве вы не видите шпионов, которые повсюду рыскают? Разве вы не видите реактивные истребители над ними, которые их защищают? Вы боретесь, чтобы эти люди правили благословенной землей Шама?»⁹³.

---

⁹⁰Там же.

⁹¹Там же.

⁹²Там же.

⁹³Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронный ресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

Работая с общественным недовольством и создавая идеализированный образ Халифата, ИГ предлагает режим, который способен предоставить безопасность и справедливость и дать возможность отомстить государству, которое это обеспечить не смогло. Например, нередко в пропагандистских роликах ИГ можно увидеть современные больничные палаты, подтверждающие то, что организация заботится о здоровье мирных граждан. В сети можно найти большое количество фотографий террористов, кормящих молоком маленьких котят. Все это создает ИГ позитивный образ общества, способного избавить всех людей от «давления капитализма». Профессор Американского университета в Бейруте Джаред Мелки полагает, что главная причина по которой люди со всего мира подвержены влиянию ИГ – это давление капитализма и его обещания. «Капитализм предлагает индивидуальные права. Идея в том что если ты будешь хорошо работать, ты достигнешь того, чего ты хочешь. Но это оказывает огромное давление на индивида потому что фактически не так важно как люди стараются, они все равно не способны достигнуть этого. Это создает психологическую напряженность. И в конце концов, неприятие общества, неприятие идеологии, – все это создает вакуум. Поэтому они начинают искать альтернативу. Это сейчас происходит во всех странах, включая Китай и Россию. Люди теряют смысл жить дальше. В этом и есть объяснение. ИГ фактически ведет себя умнее, они показывают людям насколько они сильны»⁹⁴, – объясняет Джаред Мелки.

Впрочем, ИГ пользуется растущей популярностью не только за счет своих обещаний решить острейшие социальные проблемы современности. Не менее важную роль в их пропаганде играет обращение к другой вечной теме – теме «моральной чистоты», нравственного совершенства, духовных основ бытия и высшего смысла человеческой жизни. Тем самым исламистские проповедники задевают еще один «нерв эпохи», связанный с глубочайшим экзистенциальным кризисом, переживаемым миллионами

---

⁹⁴На основе интервью.

людей на Ближнем Востоке, на Западе, на постсоветском пространстве и в других уголках планеты. Гидденс назвал это явление «личным бессмысленным» или чувством того, что «жизнь не может предложить ничего стоящего»⁹⁵. Политика эмансипации часто возникает как реакция на такой экзистенциальный кризис, и это дает возможность новым общественным движениям воспользоваться социальной напряженностью и предоставить радикальные и бунтарские альтернативные мировоззрения.

Именно ИГ претендует на роль морального авторитета, призванного заполнить расширяющийся «духовный вакуум». Человечество отвернулось от Всевышнего, утверждают проповедники радикального ислама, погрязли в бесчисленных пороках и ушли с головой в мещанские, потребительские ценности. Однако на смену «безбожному миру» их усилиями должно прийти нравственно чистое общество, в котором люди обретут истинный духовный смысл. Так идеи «Исламского Государства» повсеместно становятся привлекательными для тысяч людей, обеспечивая свободу от того, что они стали видеть в качестве порока бессмысленного, материального мира.

Наибольший отклик исторический проект «Исламского государства» находит в умах и сердцах молодежи, причем не обязательно религиозной. По данным Центра по борьбе с терроризмом в Вест-Пойнте, средний возраст людей, присоединяющихся к ИГ, составляет 25 лет⁹⁶. А, по оценкам Французского центра борьбы с радикализацией, 80 процентов джихадистов происходят из нерелигиозных семей⁹⁷. По большей части они не имеют традиционного религиозного образования и «рождаются заново» в религии через джихад. В воины «Исламского государства» они уходят в кризисные периоды своей жизни – во время разлада с родственниками, поиска работы,

---

⁹⁵«Countering Daesh Propaganda: Action-Oriented Research for Practical Policy Outcomes» / The Carter Center. Atlanta, February 2016.

⁹⁶Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронный ресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

⁹⁷Там же.

партнера и своего места в мире. Попадая в ряды террористов, они, как им кажется, находят новых друзей и соратников, обретают высокую цель и заполняют пустоту. Таким образом, независимо от религии, во всем мире многие молодые люди сегодня борются с моральными, экономическими и социальными проблемами современности.

Востоковед Оливье Руа писал в ноябре 2015 года в «Ле Монд», что парижские террористы представляют большинство тех, кто стремится в ИГ⁹⁸. Он писал, что они являются маргинальными неудачниками, которые в значительной степени не осведомлены о религии и геополитике и лишены реального исторического недовольства. Они выступают на волне радикального ислама, и это становится выходом для их нигилизма, потому что это самое большое и самое плохое контркультурное движение. К примеру, Братья Куачи, напавшие на редакцию Шарли Эбдо были сиротами. Часто к ИГ присоединяются мусульмане, которые до этого вели западный образ жизни – пили алкоголь и ходили в ночные клубы. За месяц до атаки на Батаклан братья Абдеслам содержали бар в Брюсселе и вели светскую жизнь – ходили в ночные клубы. Так, согласно просочившимся из ИГ данным, среди 4 тысяч иностранных рекрутов, несмотря на их высокий уровень образованности, 70% заявили, что имеют только поверхностное знание об исламе.

Пытаясь объяснить, как три молодых британских подростка покинули свою комфортабельную жизнь среднего класса в Великобритании ради ИГ, Беннхольд отмечает, что молодые рекруты пришли «из мира, в котором подростковое восстание выражается через радикальную религиозность, которая ставит под вопрос все вокруг их. В этом мире контркультура консервативна. Ислам – это панк-рок. Платок освобождает. Бородаки

---

⁹⁸Там же.

сексуальны»⁹⁹. ИГ хорошо отреагировал на их «уязвимость, разочарование и мечты» и заполнил [пустоту], которую Запад пока заполнить не смог»¹⁰⁰.

Таким образом, чтобы обеспечить выживание одной системы культурных ценностей, которую мы называем «концепцией Добра» или системой «нулевой смерти», необходима жизнеспособность её культурных идеалов, а не только её материальные ценности. Судя по тому, как молодые люди, живущие в западной культурной среде, становятся уязвимыми перед идеологией «Исламского государства», после поражения фашизма и коммунизма жизнь им уже не дает те «культурные идеалы», за которые хотелось бы бороться. Поэтому возникает вопрос: достаточно ли у «концепции Добра» сил, которые не измеряются в виде бомбежек, чтобы обеспечить выживание мира? «Исламское государство» – это больше, чем группа насильственных джихадистов, реализующая свой проект на Ближнем Востоке. Несмотря на все его зло, ИГ задает миру ключевые экзистенциальные вопросы.

Впрочем, джихадисты не смогли бы привлечь на свою сторону такое количество последователей, если бы они обладали мощной и суперсовременной пропагандистской машиной. Медийная стратегия ИГ – сложное, многогранное и недостаточно изученное явление, рассмотрению которого представляется целесообразным посвятить целую главу.

Таким образом, слишком много факторов повлияло на формирование феномена Исламского Государства, – начиная с падения Османского халифата, развития исламистской идеологии и заканчивая крушением биполярной системы и установлением одного мирового гегемона, предлагающего западному обществу «общий знаменатель» в виде постмодерна. Этот «дух времени», лишенный больших смыслов и событий с большой буквы, позволил Исламскому Государству удовлетворить амбиции

---

⁹⁹ «Countering Daesh Propaganda: Action-Oriented Research for Practical Policy Outcomes» / The Carter Center. Atlanta, February 2016.

¹⁰⁰ Там же.

бунтарей, пытающихся завоевать место в истории и мало имеющих отношение к самому движению, но чье самоубийство должно стать частью глобальной саги.

Не имея значительной военной мощи, не располагая сопоставимыми ресурсами, Исламское Государство, тем не менее, обладает большим психологическим воздействием, усиливая наши страхи, – страхи «системы нулевой смерти». Джихадисты подрывают демократические институты, усиливая полемику между сторонниками безопасности и сторонниками верховенства права, усиливая страх, что наши общества взорвутся, и начнется гражданская война между мусульманами и немусульманами. Это грандиозная идеологическая система, в которой ИГ выступает в роли морального авторитета, признанного создать Халифат, где каждый сможет найти себе достойное место. Это огромная фантазия, как и все тысячелетние идеологии.

По итогам представленной главы можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что ислам не является религией насилия и террора, именно на основе исламского фундаментализма возникли радикальные течения и радикальные исламистские организации. В отличие от стран христианской культуры, где существует разграничение религиозной и политической сфер, ислам рассматривает религию и политику как одну сферу. Именно этот факт дает ответ на вопрос о соотношении ислама и политических практик, в том числе насильственных.

2. В формировании теории и практики «глобального джихада» большое значение имеет развитие идеологии исламизма или исламского фундаментализма. Во многом и «Аль-Каида», и «Исламское Государство» – это продукты исламистской идеи. Они впитали её в наиболее радикальных формах, среди которых – понимание джихада как борьбы против неверных и вооруженного сопротивления.

3. Однако ни сам исламизм, ни тем более ислам как вероучение не объясняют нового феномена ИГ в истории мусульманского мира. Исламисты

преувеличивают роль религии в истории, а противники ислама, в свою очередь, ошибочно обвиняют ислам в том, что происходит сейчас в исламском мире. Так радикалы-джихадисты и радикалы-исламофобы вместе раскручивают спираль ненависти и поддерживают достаточный для существования друг друга уровень насилия.

4. Произошел закат исламизма умеренного типа и возрождение его самых радикальных форм. Во многом появление исламистских террористических группировок было обусловлено новыми столкновениями на Ближнем Востоке, – вторжение США в Ирак и поддержка в регионе шиитов стало почвой для создания исламо-баасистского альянса, а позже на его основе и «Исламского Государства». Гражданская война в Сирии и радикализация суннитской оппозиции тоже сыграли определенную роль в укреплении позиций ИГ на сирийско-иракской территории.

5. «Исламское Государство» гораздо экстремальнее, чем его «родитель». Оно превзошло «Аль-Каиду» с точки зрения территориального контроля и жестокости. Именно новая стратегия «Исламского государства» позволила привлечь сторонников с каждого континента, вдохновляющихся войной и насилием.

6. «Исламское Государство» – это революция. По сути, переход к насилию как способу достижения великой идеи отнюдь не нов и весь практический «инструментарий» достался исламистским террористам «по наследству» от группировок, которые ранее выступали под светскими лозунгами. Несмотря на то, что террористы нового типа выступают под маской ислама, они ориентируются не только на мусульман, но и на «отверженных всей Земли». Поэтому ИГ мало чем отличается от революционно-романтических движений, упивавшихся кровью на протяжении всей истории человечества.

7. Обращение с «Исламским Государством» как с одной из форм терроризма или насильственного экстремизма маскирует угрозу. Каждая революционная идея прошлого была «экстремистской» по сравнению с тем,

что было нормой раньше и каждая из них, будь то коммунизм, фашизм или национализм, содержит в себе великую идею спасения. Джихадизм не является исключением. История показывает, что большинство из сохранившихся ныне цивилизаций имели свои священные ценности, за которые люди отчаянно боролись, рискуя собственной жизнью и не идя ни на какие компромиссы. «Исламское Государство» в этом преуспело лучше всех. Именно стремление к «возвышенному» позволяет джихадистам отдавать свою жизнь за великую идею.

8. Феномен ИГ стал выразителем духа эпохи, наступившей в масштабах всей планеты. Это эпоха постмодерна – эпоха «жонглирования словами, слоганами и дискурсами» и отказа от больших «нарративов». За утратой больших смыслов последовали разговоры о закате постмодернизма, наиболее ярким примером преодоления которого стало появление ИГ, – характерного социально-политического феномена современности, который предлагает мир, наполненный новыми смыслами, и удовлетворяет желания тех, кому нынешняя реальность не дает ответы на основные экзистенциальные вопросы.

9. Для привлечения новых сторонников ИГ паразитирует на нескольких идеях, среди которых – идея духовности, моральной чистоты, героизма и социальной справедливости. Часто эти идеи находят отклик в сердцах бунтующей молодежи, не погруженной в религию. Они выступают на волне радикального ислама, и это становится выходом для их нигилизма, потому что это самое грандиозное и мощное контркультурное движение и самая очевидная противоположность Западу. ИГ хорошо отреагировал на их разочарование и мечты и заполнил душевную пустоту, которую Запад пока заполнить не смог.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ПРИЁМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА

11 сентября 2001 года башни Всемирного торгового центра разрушились не только перед глазами американцев, но и в прямом эфире перед всем миром. Во главе «спектакля» стоял лидер Аль-Каиды Усама Бен Ладен. «Возведенный американским правительством в ранг мирового врага номер один, он стал — независимо от конкретных деяний, вмененных ему в вину, — звездой эдакого голливудского «фильма катастроф», в котором играл роль «плохого парня» (badguy), гарантируя популярность посвященным ему телевизионным программам, журналам, книгам и интернет-сайтам и служа оправданием для некоторых шагов американской политики»¹⁰¹.

В отличие от виртуальной плоскости, в которой происходила война в Заливе, теракт 11 сентября находился в символической плоскости и от этого ещё больше повышал страх зрителей перед силой, которая смогла одним событием пошатнуть весь мировой порядок. «Террор, превращенный в грандиозный спектакль благодаря его широкому освещению в СМИ, давал возможность показать себя борцами за правое дело и, вместо того чтобы эффективно работать над укреплением социальной базы, позволял с помощью телеэкранов вновь завоевать народные симпатии»¹⁰².

«Без нашей глубокой сопричастности это событие никогда не вызвало бы такого воздействия, и символическая стратегия террористов, несомненно, была рассчитана на это наше постыдное соучастие».¹⁰³ Таким образом, по мнению философа Жана Бодрийяра, сама совершенность системы вызвала желание ей противостоять и все жертвы теракта стали его участниками. «Две

---

¹⁰¹Кепель Жиль, Джихад: Экспансия и закат исламизма / пер. с фр. В.Ф. Денисова. М., 2004. С. 299.

¹⁰²Там же. С. 306.

¹⁰³Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. М., 2016. С. 97.

башни WTC являют зримый знак того, что система замкнулась в головокружительном самоудвоении, тогда как каждый из остальных небоскребов представляет собой оригинальный момент развития системы, непрерывно преодолевающий себя через этапы кризиса и вызова»¹⁰⁴. Таким образом, сами Башни-Близнецы ВТЦ в своей «бинарности» воспринимались как современное воплощение порядка и именно это заставило их уничтожить.

Тогда французский социолог Жан Бодрийяр провозгласил: «Терроризм – ничто без медиа». Он писал о существовании западной фантазии, благодаря которой рождаются фильмы-катастрофы. Её суть состоит в том, что когда Запад действует с позиции абсолютного добра, он объявляет войну самому себе. Образ катастрофы утопает в бесчисленных спецэффектах, но «всеобщее притяжение», которое они вызывают, равно как и порнография, показывает, что чем ближе система приближается к всемогуществу, тем выше становится желание её уничтожить. Но так как «терроризм в современных условиях есть форма насилия, рассчитанная на массовое восприятие»¹⁰⁵, даже без участия медиа террористы найдут способ достичь нужного эффекта. Но когда медиа показывают смерть, они становятся её частью, а значит и частью террора. То, что мы привыкли видеть в фильмах-катастрофах «Аль-Каида» 11 сентября превратила в реальность, тем не менее, это была реальность, не лишенная символизма и говорящая на языке эпохи.

ИГ – это умелая пропагандистская машина, которая учла ошибки «Аль-Каиды» и научилась использовать как религиозные денотаты, так и современные технологии. То, что сделали медиаактивисты и идеологи ИГ – это довели методологию «Аль-Каиды» до совершенства. Оставив в наследство от «Аль-Каиды» медийное насилие, символизм и страсть к

---

¹⁰⁴Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть: перевод и вступительная статья С. Н. Зенкипа М., 2000. С. 387.

¹⁰⁵Там же

эффектам, ИГ сумело добиться максимальной эффективности в инструментализации насилия.

То, что делает фундаменталистский террор сейчас, скорее, можно назвать постсобытием или превращением события в рутину. Постепенно вытесняя насилие из медиапространства в реальную жизнь, насилие для ИГ становится лучшим элементом саморекламы. Видеоролики с казнями в Сирии стали привычным контентом, сделанным в расчете на современное информационное общество. Тем не менее, медийное насилие, став частью повседневности, не потеряло «священный» смысл, притягивающий новых сторонников. «Видеоприветы соратникам на родине, угрозы сионистам и вашингтонским «крестоносцам» – давний жанр. Он по-прежнему возбуждает значительную часть арабской публики, но ИГ первым смогло в нужной пропорции смикшировать религиозный пафос и стрелялки под религиозные напевы»¹⁰⁶, – рассказывал руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН Василий Кузнецов. «В отличие от ИГ, усилия бен Ладена не были направлены на тотальное насилие. Если сравнивать террористическую деятельность с кинопроизводством, то «Аль-Каида» снимала редкие блокбастеры. ИГ же перешло к массовым сериалам»¹⁰⁷.

2.1. Социальные сети как способ обмена экстремистскими материалами и вербовки новых моджахедов

В период «арабской весны» на форумах сторонников джихада и в социальных сетях была опубликована статья «Стратегическая теория сторонников джихада второго поколения: принципы и методология». Статья

---

¹⁰⁶«Как ИГИЛ стал настоящей медиаимперией зла» [Электронный ресурс] // GQ URL: <http://www.gq.ru/person/kak-igil-stal-nastoyaschej-mediaimperiej-zla> (дата обращения: 23. 04. 2017).

¹⁰⁷Там же.

призывает к большей открытости для распространения «культуры джихада», которая должна распространяться на форумы и социальные сети. «Подчеркивается важность активной пропаганды, рассчитанной на завоевание широкой общественной поддержки мусульман. Рекомендуется избегать показа сцен насилия, таких как обезглавливание, которые могут негативно повлиять на восприятие идеологии «чистого ислама», а также создавать стимулирующие пропагандистские материалы, прежде чем начинать прямую пропаганду джихада»¹⁰⁸. Так же прежде чем цитировать строки из Корана, призывающие к борьбе с неверными, необходимо как можно больше показывать страдания исламского мира. Новая стратегия призывает боевиков ИГ использовать социальные сети как инструмент для «завоевания сердец и умов» новых поколений мусульман «эпохи арабских революций», чтобы обучить их ценностям джихада.

Если с Аз-Заркави работала группа из трёх человек, создающих интернет-контент, то ИГ разрослось в огромный медиаконгломерат, создав свой канал и активно используя социальные сети такие как Twitter и Instagram, мессенджеры Telegram и Surespot и другие сервисы для размещения контента.

Согласно прошлогоднему отчету антиэкстремистского аналитического центра Quilliam Foundation, «Исламское государство» выпускает в среднем 38 единиц медиаконтента в день¹⁰⁹. В целом, можно выделить несколько единиц информационной политики ИГ:

- 1) Социальные сети
- 2) Мессенджеры
- 3) Форумы

---

¹⁰⁸Нечитайло Д. А. Пропаганда «Аль-Каиды» и современные информационные технологии // Институт Ближнего Востока, 18.04.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17277> (дата обращения: 23. 04. 2017).

¹⁰⁹«Why ISIS Is Winning the Social Media War» [Электронныйресурс] // Wired magazine URL: <http://www.wired.com/2016/03/isis-winning-social-media-war-heres-beat/#slide-2> (дата обращения: 25. 04. 2017).

- 4) Небольшие видео и длинные документальные фильмы
- 5) Фоторепортажи
- 6) Брошюры
- 7) Аудиоролики
- 8) Глянцевые журналы

Все единицы медиаконтента выпускаются на нескольких языках, от русского до бенгальского. «В наших разговорах с людьми из ИГИЛ постоянно возникала тема того, что эта организация учитывает ошибки предшественников-джихадистов и умело противопоставляет свою пропаганду попыткам иностранной прессы сформировать о ней негативное общественное мнение»¹¹⁰. Авторы книги «Исламское государство. Армия террора» отмечают, что они не раз слышали одну фразу в интервью от боевиков: «Не слушайте, что говорят о нас, слушайте, что говорим мы». И социальные сети стали эффективным способом для продвижения информационной политики ИГ. Бывший советник по национальной безопасности Ирака Муваффах аль-Рубаи в интервью телеканалу «Аль-Джазира» заявил, что во многом благодаря «Твиттеру» и «Фейсбуку» 30 тыс. иракских солдат бросили оружие и без боя оставили Мосул¹¹¹.

Но после терактов в Париже стало известно, что помимо Twitter и Facebook у джихадистов появились новые площадки для обсуждения и формирования новостной повестки. 14 ноября официальная реакция террористов первой появилась в одном из чатов мессенджера Telegram: джихадисты заявили, что «14 ноября станет 11 сентября для Франции», и пообещали, что их следующие цели — Рим, Лондон и Вашингтон. «Утром 14 ноября в каналах террористов появилось аудиобращение от пресс-секретаря ИГ Абу Мухаммада аль-Аднани аш-Шаами, в котором тот пообещал, что «эта

---

¹¹⁰Вайс М. Исламское государство: Армия террора/ Майкл Вайс, Хасан Хасан ; пер. с англ. М., 2016. С. 346.

¹¹¹«Head to Head – Will ISIL Put an End to Iraq?» YouTube video, 47:27, posted by Al Jazeera English, November 21, 2014, <https://www.youtube.com/watch?v=XkJI9UbG2Io>. (дата обращения: 26. 04. 2017).

атака была лишь первой каплей будущего ливня и предупреждением для извлекающих урок»¹¹². Аудиообращения сопровождалась картинкой с текстом этого обращения на русском, немецком, турецком и других языках. «Сейчас в Telegram более 30 каналов джихадистов, посредством которых транслируются сообщения на арабском, английском, французском, немецком, турецком, курдском, индонезийском, боснийском, русском, бенгальском языках и урду»¹¹³. После использования террористами Telegram, российские депутаты предлагали закрыть мессенджер, если не будет введена «прослушка». Однако основатель мессенджера Павел Дуров заявил, что если бы у молодых людей не было Telegram, они нашли бы другой способ коммуникации. Сейчас при жалобе на террористов публичные чаты в Telegram удаляются. Однако создаются новые на других платформах.

По некоторым оценкам, ИГ управляет свыше 70 000 учетных записей Twitter и Facebook с сотнями тысяч подписчиков и отправляет приблизительно 90 000 текстов ежедневно. ИГ также уделяет пристальное внимание поп-песням, видеоклипам, боевикам и телевизионным шоу, которые набирают высокие рейтинги среди молодежи, и используют их в качестве шаблонов для создания собственных сообщений.

Вся медийная активность ИГ управляется медиацентром «Аль-Хайят» (al-Nayat Media Center), в состав которого входят несколько мелких новостных подразделений, например, русскоязычное Furat. Они выпускают видеозаписей боев с использованием GoPro, самоподрывов и казней, показывают «будни» захваченных территорий — уроки в местных школах, ремонт дорог, производство чипсов или мороженого, отчеты по борьбе с курением.

Записи и аккаунты террористов активно удаляются администрацией Facebook, YouTube и Twitter, где для мониторинга противоправного контента

---

¹¹²Корягин В. «Накликали беду» [Электронный ресурс] // Интернет-издание Лента.ру URL: <https://lenta.ru/articles/2015/11/15/ismedia/> (дата обращения: 27. 04. 2017).

¹¹³Там же.

круглосуточно трудится команда из ста человек. В России особое внимание уделяется соцсети «ВКонтакте», куда связанный с боевиками медиацентр Furat напрямую загружает экстремистский контент. Сейчас для борьбы с вербовщиками ИГ в российской соцсети сформирована отдельная группа. Служба связи при правительстве Таджикистана временно заблокировала доступ к «Одноклассникам» и «ВКонтакте» из-за размещенных там видеороликов «Исламского государства». Тем не менее, большое количество террористов приезжает ИГ именно из Средней Азии. Главный редактор кулябской газеты «Пайк» Ахмад Иброхим говорит: «В Афганистане давно есть группировки „Исламского государства“, до 100 человек, — говорит он. — Есть таджикские, есть узбекские. Их готовят, чтобы они напали на свои государства. Они за два дня могут захватить Таджикистан»¹¹⁴.

Также существуют легальные сайты, которые боевики используют для вербовки «невест». По данным ФСБ, 99% знакомств между боевиками «Исламского государства» и российскими девушками происходят на сайте nikah.com — крупнейшем ресурсе мусульманских знакомств в мире. Произошло уже 17 случаев, когда девушки пытались уехать в «Исламское государство»¹¹⁵. Самый известный из них — история 19-летней студентки МГУ Варвары Карауловой, девушка познакомилась с моджахедом именно на сайте знакомств.

«В интернете также есть «сайты-инструкции» для «невест джихадистов» — вроде блога «Аль-Ханса», в котором женщина, уже переехавшая в ИГ, рассказывает, что следует взять с собой (обязательно фен и теплые вещи, не стоит везти чай или кофе), отвечает на вопросы читательниц

---

¹¹⁴Туровский Д. «Был гастарбайтером — стал боевиком Как трудовые мигранты уезжают в «Исламское государство» [Электронный ресурс] // Интернет-издание Медуза URL: <https://meduza.io/feature/2015/04/20/byl-gastarbayterom-stal-boevikom> (дата обращения: 27. 04. 2017).

¹¹⁵Туровский Д. «Следы «Исламского государства» Даниил Туровский — о том, как крупнейшая террористическая организация проникает в Россию» [Электронный ресурс] // Интернет-издание Медуза URL: <https://meduza.io/feature/2015/06/30/sledy-islamskogo-gosudarstva> (дата обращения: 27. 04. 2017).

(«говорить ли родителям, что я еду на джихад?» — «не надо») и беседует о Коране. На вопрос, «в чем предназначение девушек в ИГ?», она отвечает: «Главная роль — поддерживать мужа и его джихад»¹¹⁶.

Однако когда «невесты» или новые джихадисты, вдохновленные насилием и священной войной, приезжают в ИГ, они часто разочаровываются. «Несмотря на такую самоуверенность, пропаганда ИГ страдает тем же, чем все попытки продвижения мессианских идей: она формирует ложные ожидания, что неизбежно приводит к крушению иллюзий». Так в «Исламское государство» уехала 18-летняя Фатимат Джамалова, студентка Петербургского государственного педиатрического университета, уже в Сирии она через мессенджер попросила родителей о помощи.

Помимо социальных сетей и сайтов знакомств существуют также малоизученные приложения для смартфонов и компьютеров, которые используют боевики ИГ. Одним из социальных медиа, позволяющим пользователям создавать каналы обмена аудиосообщениями стало Zello. «По существу, это приложение превращает мобильный телефон в портативную рацию, посредством которой любой интересующийся ИГ или ищущий способы вступить в неё может слушать проповеди её священнослужителей»¹¹⁷. Так Zello стало одним из эффективных способов «промывки мозгов» молодежи с помощью современных технологий. Отец 14-летнего подростка из южной Турции после того как его сын присоединился к ИГ сказал, что его сын регулярно слушал проповеди ИГ по Zello. «Особое беспокойство вызывает то, как «Исламское государство» готовит свою армию. Оно прививает маленьким детям свои принципы в школах и приучает их к насилию: демонстрирует публичные казни, показывает видеоматериалы

---

¹¹⁶Там же

¹¹⁷Вайс М. Исламское государство: Армия террора/ Майкл Вайс, Хасан Хасан ; пер. с англ. М., 2016. С. 266.

ИГИЛ и даёт поиграть с игрушечным оружием»¹¹⁸. Авторы доклада приходят к выводу, что в «Исламском государстве» изучали нацистский режим, создавший для привлечения детей Гитлерюгенд.

Таким образом, ИГ умело эксплуатирует революционные устремления людей, находящихся в поисках своего «я», «ДАИШ придает значимость своей борьбе путем деления мира на хороших, находящихся по эту сторону, и плохих, находящихся в противоположном стане. Пусть не упрощенное, но простое послание ДАИШ дает индивидам, находящимся в поиске жизненных ориентиров, рамки мышления и действий»¹¹⁹. Так социальные сети и современные технологии становятся катализатором радикальных настроений не только среди мусульман, но и среди всех людей, кто так или иначе входит в глобальную сеть коммуникации. И так как власти не в состоянии отслеживать каждый шаг террористов в приложениях и социальных сетях (иначе это откроет путь для «прослушки» и всех остальных пользователей), ряды террористов пополняются, а их способы взаимодействия через сеть только расширяются.

2.2. Пропагандистские фильмы и «телешоу с обезглавливанием» как пример инструментализации насилия

Для примера В отличие от соперников из Аль-Каиды, боевики ИГ широко используют инновации, «хиты с обезглавливанием» стали их главным инструментом. Первые «телешоу с обезглавливанием» на YouTube появились еще в 2004 году при иорданским джихадисте Абу Аз-Закрави. Рассчитывая на широкий показ ролика мировыми СМИ, чаще всего своих жертв ИГИЛ одевали в оранжевые комбинезоны, похожие на те, в каких

¹¹⁸«How Islamic State is training child killers in doctrine of hate» [Электронный ресурс] // the guardian URL: <http://www.theguardian.com/world/2016/mar/05/islamic-state-trains-purer-child-killers-in-doctrine-of-hate> (дата обращения: 28. 04. 2017).

¹¹⁹«Джихад: конъюнктурная идеология отверженных с западными денотатами (Интервью с Оливье Руа)» [Электронный ресурс] // Исламовед.ру. URL: <http://islamoved.ru/2016/dzihad-konyunktturnaya-ideologiya-otverzhennyh-na-zapadnom-detonate/> (дата обращения: 29. 04. 2017).

ходят узники Гуантанамо, заставляли вставать на колени, а сами зачитывали своё обращение. Так в 2014 году казнили американцев Джеймса Фоли, Стивена Сотлоффа и Питера Кассига. В лучших традициях Голливуда вместо того, чтобы показать обезглавливание полностью, они оставляли его за кадром. Тогда сама постановка казни многим напомнила древнегреческий театр. Всего таких роликов с казнью вышло три. В каждом из них показывали, что было в прошлых сериях, и, показывая новую жертву, напоминали о продолжении.

Если в фильмах казнь кажется явлением вымышленным, то здесь хоть казнь и была символична, она всё-таки воспринимается как явление абсолютно реальное. «Некоторые данные говорят о том, что насилие, которому человек «верит» и воспринимает как реальное, производит более сильное впечатление, чем то, что нам кажется вымышленным»¹²⁰. У зрителя создается впечатление, что насилие – вполне приемлемый способ разрешения конфликтов. «Эта ценность насилия может стать естественной частью реальности, воспринимаемой зрителем»¹²¹.

Такие видео спровоцировали раскол в террористическом обществе. Против новой пропагандистской тактики выступал Айман аль-Завахири, египетский хирург, который был тогда заместителем основателя Аль-Каиды Усамы бен Ладена. Он написал письмо лидеру АКИ, Абу Мусаб аз-Заркави, в котором призвал его помнить о том, как сцены кровопролития могут нанести ущерб репутации Аль-Каиды. "Я говорю вам, что мы находимся в бою, и, что более половины этой битвы происходит на поле боя СМИ,"¹²² писал Завахири. «И что мы находимся в информационной войне в гонке за сердца и

---

¹²⁰Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2003. С. 356.

¹²¹Там же.

¹²²Вайс М. Исламское государство: Армия террора/ Майкл Вайс, Хасан Хасан ; пер. с англ. М., 2016. С. 278.

умы нашей уммы (мусульман)»¹²³. Он просил Заркави воздержаться от обезглавливания.

«Заркави пытался вербовать публику, которая возбуждается таким видом поведения»¹²⁴, – говорил Уилл Мэйкантс, старший научный сотрудник Института ближневосточной политики. Видео Заркави распространилось на интернет-форумах и по электронной почте среди джихадистов, возбуждающихся кровью. Заркави считал, что привлечение боевиков с помощью жестокости было ключом к исполнению его фантазии о создании исламского государства.

«Образы ИГ можно смотреть с точки зрения извращенного наслаждения, и они это знают. Своими роликами ИГ вызывает у зрителя желание, в котором он себе не признается, – подглядеть сцену настоящей смерти. Даже нацисты прятали свои массовые убийства и не использовали их в качестве инструмента для пропаганды войны. ИГ же не стесняется этого и стремится показать, что они готовы убивать и хотят делать это публично»¹²⁵, – говорит французский режиссер Жан-Луи Комолли в своей книге «ДАИШ. Кино и смерть». Комолли считает, что ИГ превращает зрителя в вуайериста, позволяя ему подсматривать за настоящей жизнью, и в случае ИГ, – за настоящей смертью.

Один из самых популярных фильмов называется «Салил ас-саварим», то есть «Звон мечей». «Это яркая демонстрация того, что «Исламское государство» несомненно умеет создавать изощренные, точно воздействующие на аудиторию пропагандистские фильмы с использованием как раз того контента, который, как надеялись западные политики и

---

¹²³Там же.

¹²⁴«Why ISIS Is Winning the Social Media War» [Электронный ресурс] // Wired magazine URL: <http://www.wired.com/2016/03/isis-winning-social-media-war-heres-beat/#slide-2> (дата обращения: 29. 04. 2017).

¹²⁵«Как ИГИЛ стал настоящей медиаимперией зла» [Электронный ресурс] // GQ URL: <http://www.gq.ru/person/kak-igil-stal-nastoyaschej-mediaimperiej-zla> (дата обращения: 29. 04. 2017).

дипломаты, должен был бы загасить общественный интерес к этой группировке»¹²⁶. Количество просмотров пропагандистского ролика росло, а агентство CNN сравнивало фильм с продукцией американских кинопроизводителей.

На видео показан один из проповедников, провозглашающий создание ИГ и в размахивающий саблей. Он предупреждает «кафиров», то есть не верных «истинному исламу» и иудеев о том, что джихадисты начинают против них войну и разрывает иностранные паспорта. Для боевиков характерно делить своих врагов на кафиров, то есть мусульман, сошедших с истинного пути, на иудеев и на крестоносцев, – так они называют европейцев и россиян. В «Звоне мечей» показано, что ИГИЛ может добраться до любых врагов.

В одном из эпизодов два молодых парня, работавших на иракское правительство, роют в земле яму. Затем роет яму их отец. Когда он спотыкается, боевики смеются над ним: «Что-то ты не уставал, когда был командиром и работал на КПП!». После он просит всех покаяться. «Я ведь сейчас рою себе могилу», – говорит он.

В другом эпизоде человека, работающего в структуре по борьбе с терроризмом, допрашивают в гостиной его дома. Затем боевик ИГ вытаскивает из шкафа его мундир сотрудника сил безопасности. Его ждёт логичный конец – ему завязывают глаза шарфом и отрезают голову. «Это видео появилось как раз тогда, когда повстанческие группировки в восточной Сирии и Алеппо – участники «Пробуждения» более позднего разлива – сражались с ИГИЛ. Ни у одной из этих группировок не было ничего хоть сколько-нибудь сопоставимого с фильмом «Исламского государства», чтобы продемонстрировать своим бойцам и кому-либо еще свою доблесть и устремленность к цели»¹²⁷.

---

¹²⁶Вайс М. Исламское государство: Армия террора/ Майкл Вайс, Хасан Хасан; пер. с англ. М., 2016. С. 288.

¹²⁷Там же.

Обычно обезглавливание ИГ предпочитает оставлять за кадром, рассчитывая на широкий показ ролика мировыми СМИ. Так, в 2014 году казнили американцев Джеймса Фоли, Стивена Сотлоффа и Питера Кассига. Боевики сначала заставили встать их на колени и назвать себя, потом приставили нож к горлу и зачитали своё обращение, но большая часть «обезглавливания» осталось за кадром. Если в фильмах казнь кажется явлением вымышленным, то здесь хоть казнь и была символична, она всё-таки воспринимается как явление абсолютно реальное. «Некоторые данные говорят о том, что насилие, которому человек «верит» и воспринимает как реальное, производит более сильное впечатление, чем то, что нам кажется вымышленным»¹²⁸. У зрителя создается впечатление, что насилие – вполне реалистичный и приемлемый способ разрешения конфликтов. «Эта ценность насилия может стать естественной частью реальности, воспринимаемой зрителем»¹²⁹.

Кроме того, существует фильмы для жителей отдельных регионов, например, Северного Кавказа. Один из них называется «Кавказ. Боль и исцеление». Весь фильм звучит мелодия, которая называется «нашид» и означает мусульманское песнопение, исполняемое мужским вокалом без использования музыкальных инструментов. Боевики записали более 30 наших на арабском (самый известный из которых «Звон мечей» — *صايل الصوارم*). Выпускают террористы и музыкальные композиции на английском, французском, немецком, турецком и даже уйгурском языках. Набор сюжетов как композиций, так и фильмов ограничен, — это джихад, прославление созданного «халифата» и угрозы всему миру. Так художественные приемы и эстетика фильма служат подкреплением насилия.

Фильм о Кавказе начинается с фразы: «Мы не успокоимся, пока не сразимся с ними на их же земле», голос за кадром замечает, что с ними такие люди, которые «лишь получив разрешение амира» дойдут до Рима. Он

---

¹²⁸Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2003. С. 301.

¹²⁹Там же

приглашает зрителей посмотреть на моджахедов. С самого начала фильма показано, как «воины Аллаха» скачут на лошадях. В то же время один из моджахедов перелистывает страницы Корана, на которых написано «польза» и «раздел», у него длинная борода и он шепчет строки Корана. «Медиаактивисты» ИГ ссылаются на слова Абдурахмана Ибн Рабийя, полководца, который принёс ислам в средневековый Дербент (сейчас Дагестан). Условно от этой даты отчитывают принятие ислама в России¹³⁰.

«Когда бы мусульмане не придерживались повеления Аллаха, его шариата и не следовали бы пути истины, пути Пророка, к ним обязательно придёт победа, поддержка и будет облегчён выбор правильных решений». Весь фильм моджахеды внушают веру в победу «Исламского государства» и с помощью изображений средневековых «воинов Аллаха» придают этой победе религиозное звучание. Воины в доспехах выступают как люди, которым надо подражать, ведь они «воюют за веру». Когда человек видит на экране таких героев, ему самому хочется быть похожим на них. «Люди, как правило, растормаживаются и начинают подражать поведению телегероя, когда перед ними привлекательный персонаж, чьи поступки оправданы сюжетом фильма или сериала и чья фигура внушает им доверие, и наоборот, маловероятно, что они будут подражать поступкам несимпатичного героя, «плохого парня»¹³¹.

Пока один из джихадистов говорит, как Абдурахман Ибн Рабийя пробуждает кавказских сынов ото сна, его речь сопровождает видеоряд из кавказских гор. «Эта земля сегодня разорена и, обессилив, перестала обращать внимание на происходящее с ней». Единственной силой, способной изменить положение Кавказа, джихадист считает неуклонное следование «чистому исламу» и «богобоязненности». В кадре начинают появляться дети в хиджабах, и боевики, играющие с детьми, а после

---

¹³⁰Как же праздновать День принятия ислама в России? [Электронный ресурс] // Islam NEWS URL: <http://www.islamnews.ru/news-25114.html> (дата обращения: 01. 05. 2017).

¹³¹Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2003. С. 366.

призывающие мусульман к войне против крестоносцев. Использование кадров с детьми, – это не новшество для пропагандистского кино, еще в Третьем рейхе был фильм под названием «Марш к фюреру», в котором немецкие мальчики маршировали за фюрером. Приёмы не меняются, меняются только идеи.

«Мусульмане оставались непреодолимым бастионом на пути русских неудачников и их прихвостней муртадов». Муртадами называют вероотступников, которые отреклись от Ислама. Такими, по терминологии идеологов и боевиков, желающих построить на Северном Кавказе государство «Имарат Кавказ», являются все остальные, вне зависимости от национальности.

Голос за кадром утверждает, что Северный Кавказ сейчас оккупирован Россией. Так же кратко показаны исторические этапы становления современного Кавказа. Чередованием фактов об унижении мусульман боевики хотят вызвать у зрителя желание идти на борьбу против русских. Первый показанный период – это эпоха царизма. Инфографика рассказывает, как «сотни мусульман пали жертвами войн, сконцентрированных на захвате Кавказа и насильственной христианизации его народов». Следующий этап – эпоха коммунизма, когда были «войны с практикой массового уничтожения и выселения мусульман с Кавказа». Третий этап – современная Россия (Ельцин и Путин). Утверждается, что тогда произошло «убийство сотен тысяч мусульман в ходе Первой и Второй чеченских войн», показаны кадры одного из терактов «чеченских моджахедов» против русских, кадры сопровождаются ритмичной арабской музыкой. Кадры первой чеченской войны сопровождаются фотографией Путина, хотя в действительности Путин пришёл к власти только в 1999 году. А вот так джихадисты используют выразительные средства языка: «От страданий, которые вынесли мусульмане на этой земле, поседели бы даже младенцы».

Присоединение кавказских земель Россией, по мнению джихадистов, делалась для того, чтобы покончить с исламом. «Мы умрём или погибнем

всего один раз. Так пусть эта смерть будет на пути Аллаха». После так называемой «проповеди» показано, как умирали мусульмане по всему миру. Кроме того, боевики выступают с критикой действующей чеченской власти и духовенства. Пока один из духовных лиц в Чечне называет ИГ «злом» и «Иблиским государством» (В Исламе «Иблис» это имя сатаны, дьявола), в фильме показывают раненых и истекающих кровью боевиков. «Если человек отождествляет себя с телегероем и сочувствует ему, тем с большей вероятностью он будет подражать этому человеку в реальной жизни».

Представителей мурджиизма, одного из идейных течений ислама наряду с салафизмом, боевики называют «учеными зла на Кавказе» и утверждают, что каждый их довод «слабее паутины». Еще одной болезнью для Кавказа, считают боевики, является суфизм, одно из исламских течений, они называют их «могилопоклонниками». Сам суфизм боевики называют «отклонением», показывая суфийский ритуал хождения по кругу.

Так же боевики оценивают актуальные события, например, борьбу сил коалиции против «Исламского государства». Они говорят о том, что Россия не научилась на ошибках прошлого и «решила ввязаться в открытую и масштабную войну против мусульман халифата на землях Шама». Шам – это территория под названием Левант, в которую входят Кипр, Ливан, Сирия, земли Палестины, Иордания, Израиль, часть южной Турции и область Алеппо. Использование наименования «Левант» характерно для археологов и историков, изучающих древнюю и средневековую историю региона, и боевиков ИГ, в основном использующих лексику, относящуюся к древней истории региона, тем самым показывая, какое важное значение эти земли имеют для мусульман. «Но Шам станет кладбищем русских и началом новой эры для мусульман», – говорит голос за кадром. Он не забывает добавить, – и на землях Кавказа в том числе. В конце фильма продолжает звучать нашид.

Конечно, этим видеороликам далеко до фильмов Лени Рифеншталь, но они достаточно наглядно доносят своё послание до так называемой «целевой аудитории». И так как для повстанческих группировок, сражающихся против

ИГИЛ, нет фильмов, которые бы так же демонстрировали бойцам доблесть и устремленность к цели, им остаётся только прибывать в ужасе. А тем зрителям, которые смотрят ролики и слушают нашивы, гораздо проще обратиться к насилию и взять за основу модель поведения боевиков, чем тем, кто их никогда не смотрел. Таким образом, «медиаактивисты ИГ», используя высокие стандарты обработки контента и, учась у Запада, создают новую реальность, цель которой, – сделать так, чтобы как можно большее число людей присоединилось к джихаду.

2.3. Глянцевый журнал «Дабик» как выразитель основной миссии «Исламского государства»

Незнание повседневных реалий ИГ заставляет многих воспринимать организацию как освященное исламскими пророчествами и Аллахом сопротивление. Чтобы сформировать свой бренд, ИГ потребовался целый набор приёмов ведения пропаганды. Например, ИГ часто ссылается на хадис(изречения) пророка Мухаммеда, который рассказывает о последнем сражении между мусульманами и «неверными» в городе Дабик. Пророчество стало основой идеологии ИГ, а её главный пропагандистский журнал был назван в честь места битвы.

Журнал «Дабик» объясняет основную миссию ИГ. Каждый номер журнала «Дабик» открывается цитатой хадиса: «От искры, вспыхнувшей здесь, в Ираке, разгорится пламя, оно будет пылать все сильнее и сильнее — с позволения Аллаха, — пока не сожжет армии крестоносцев в Дабике». Так боевики объясняли создание международной коалиции и создание нового халифата, предсказанного Пророком. Кроме того, создание халифата на территории Сирии и Ирака – колыбелей первых мусульманских империй, – используется террористами как символ, с помощью которого ИГ отвлекает будущих моджахедов от повседневной реальности ИГ. Язык «Дабика» сложен и непонятен, потому что большинство статей в «Дабике» сопровождаются

словами молитвы. «Это не удивит тех, кто вращается в среде практикующих мусульман: сложные конструкции и отсылки к молитвам встречаются везде, от официальных высказываний (например, официальными лицами в Иране) до бесед на интернет-форумах»¹³². Например, любая статья об истории будет выглядеть так: «О Аллах, ниспославший Откровение в Книге Своей, скорый в расчете, разгоняющий тучи, сокруши союзные племена, заставь их трепетать, и даруй нам победу над ними»¹³³.

Если журнал «Аль-Каиды на Аравийском полуострове» призывал к одиночным атакам в западных странах, то цель «Дабика» состоит в том, чтобы легитимизировать самопровозглашенный Халифат и привлечь на свою сторону как можно больше мусульман для их эмиграции в ИГ¹³⁴.

Многие специалисты в области медиа, приезжающие в «Исламское государство», становятся так называемыми «медиаактивистами». «Все должны знать, что мы не то, что они думают, – заявил медиаактивист из Алеппо. – У нас есть инженеры, у нас есть врачи, у нас есть прекрасные медиаактивисты. Мы не танзим (организация), мы – государство». Как правило, таких специалистов в большей степени привлекает материальная обеспеченность, чем потребность в насилии. Они получают хорошую зарплату (в интервью *Washington Post* один из работавших на ИГ видеооператоров рассказал, что зарабатывал \$700 – в семь раз больше рядового солдата).

---

¹³²Колозариди П., Ильин А. DABIQ, пропагандистский журнал Исламского государства, 9 выпуск. Рецензия. [Электронный ресурс] // ИСЛАМСКОЕ МЕДИАГОСУДАРСТВО. URL: <http://pircenter.org/media/content/files/13/14374626350.pdf> (дата обращения: 30. 04. 2017).

¹³³Там же.

¹³⁴ Harleen K. Gambhir Dabiq: The Strategic Messaging of the Islamic State (англ.). Institute for the Study of War, 2014. P. 88.

«Дабик», – это высококачественный глянец, который выпускают «Google-зависимые», европейцы, которые ежедневно просматривают издания The Washington Post, The New York Times, Financial Times, Foreign Policy¹³⁵.

Для читателя «Дабика» необходимо правильное понимание терминов. В специальной рубрике журнала, посвященной трактовке ключевых исламских терминов, объясняется, что такое рибат и джихад, как они связаны с долгом мусульманина, его жизнью и смертью. Например, для того, чтобы понять статью, ему необходимо точно знать, что такое рибат. «Для мусульманина рибат — служба по защите территории Халифата и отражению атак крестоносцев — наилучшая форма служения Аллаху, ведущая прямо в рай»¹³⁶. «Задача — сделать сам процесс чтения перформативным, чтобы, запоминая и произнося новые слова, читатель участвовал в создании этой иной реальности»¹³⁷.

Любым действиям ИГ находит оправдание. Один из командиров ИГ, Хуссам Наджи Аллами, захваченный иракскими силами безопасности в 2014 году, издал фетву, которая предписывала уничтожение святынь в Мосуле, потому что к этому якобы призывает хадис.

«Согласно известному хадису, Мухаммед объяснил своим последователям, что, когда после него будет образован халифат, за этим последует царство насилия и тиранического правления»¹³⁸. Джихадистские организации используют этот хадис, чтобы объяснить, что на смену тираническим режимам придёт халифат.

Так же в «Дабике» опровергается миф о том, что моджахеды делают пленных женщин проститутками. На самом деле, утверждает журнал, они становятся рабынями и это намного почетнее. Для того, чтобы оправдать

---

¹³⁵ Sami Moubayed. Under the Black Flag: At the Frontier of the New Jihad. I.B.Tauris, 2015. P. 144-145.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

введение сексуального рабства, ИГ ссылается на хадис и одобряет сексуальное рабство как признак Судного дня. «Согласно хадису, конец света наступит тогда, когда «рабыня родит свою госпожу». Это пророчество сбудется только в условиях сексуального рабства. «И вот мы обещаем вам (крестоносцам), что, с позволения Аллаха, эта кампания станет для вас последней. Она закончится разгромом и поражением, как и все ваши предыдущие кампании, только на этот раз мы будем вторгаться в ваши земли и потом, а вы никогда больше не вторгнетесь к нам. Мы завоюем ваш Рим, поломаем ваши кресты, сделаем ваших женщин нашими рабынями, и все это с позволения Аллаха, Всевышнего. Это его обещание нам»¹³⁹.

«Многое из совершаемого ИГ служит тому, чтобы возвещать об исполнении исламских пророчеств, в том числе взрывы святынь и сбрасывание гомосексуалистов с крыш»¹⁴⁰.

Заглавная статья одного из номеров «Дабика» Conspiracy Theory Shirk посвящена популярным на Западе конспирологическим теориям. «По утверждению авторов, неверные измышляют их с единственной целью — заставить мусульман разувериться в собственных силах и бояться крестоносцев больше, чем Аллаха»¹⁴¹. В качестве конспирологической теории авторы приводят одну из трактовок событий 11 сентября 2001 г., согласно которой за атакой на башни-близнецы стоит не «Аль-Каида», а американское правительство, использовавшее ее как предлог для вторжения в Афганистан и Ирак. Авторы с негодованием отвергают такое предположение. «Кроме того, в статье говорится, что неверные разобщены и не доверяют друг

---

¹³⁹Вайс М. Исламское государство: Армия террора/Майкл Вайс, Хасан Хасан; пер. с англ. М., 2016. С. 201.

¹⁴⁰Там же.

¹⁴¹Колозариди П., Ильин А. DABIQ, пропагандистский журнал Исламского государства, 9 выпуск. Рецензия. [Электронный ресурс] // ИСЛАМСКОЕ МЕДИАГОСУДАРСТВО. URL: <http://pircenter.org/media/content/files/13/14374626350.pdf> (дата обращения: 30. 04. 2017).

другу, поэтому их теории ни в коем случае нельзя принимать всерьез»¹⁴². По версии редакции журнала «Дабик», распространение теорий заговора — один из признаков упадка Запада. Ведь единственный план, который существует и работает, — это план Аллаха, только он способен слагать действительно правдивые сюжеты.

Но в журнале размещаются не только статьи, перегруженные религиозными терминами. Прежде всего для «Исламского государства» важно, чтобы его воспринимали как современное государство со всеми социальными институтами. Поэтому периодически там публикуются материалы о здравоохранении и современном медицинском оборудовании. «Проблема, по словам авторов отчета, лишь в том, что для дальнейшего развития медицины в ИГ нужно больше людей, поэтому мусульман из других стран призывают приезжать и помогать» «Исламское государство предлагает вам все, что необходимо для жизни и работы, так чего же вы ждете?»¹⁴³. «Задача «Дабик» — позиционировать ИГ как современное государство, в которое можно отправляться без страха перенестись на несколько веков в прошлое»¹⁴⁴. Благодаря тому, что авторы «Дабика» могут говорить на разных языках, их понимают как европейцы, так и мусульмане и постепенно пополняют ряды халифата.

Главная цель «Дабика» состоит в том, чтобы «сделать настоящее более плотным, а образ врага — более объемным». В этом ему помогают отсылки к военным конфликтам. «Использование термина крестоносцы в отношении Запада, соотносящее современные страны Европы с прошлыми временами, позволяет одновременно ввести героев прошлого в настоящее время и

---

¹⁴²Там же.

¹⁴³Там же.

¹⁴⁴Там же.

обратить читателя к будущему»¹⁴⁵. Будущее авторами «Дабика» представляется как абсолютная утопия, – священная война и смерть во имя Аллаха.

Таким образом, использование исламских религиозных текстов и обращение к «золотому веку ислама» позволяет идеологии «Дабика» сплотить вокруг себя всё больше приверженцев и людей, которые находятся «в поиске». Приводя в материалах аналогии с Ноем, ИГ утверждает, что у Ноя не было выбора, кроме как поверить в Бога, иначе он бы не выжил. Так же сейчас у людей нет выбора, утверждается в журнале, кроме как поверить идеологии ИГ. Однако для того, чтобы быть популярным, в том числе и среди европейцев, «Дабику» приходится помимо религии делать ставку и на красивую картинку, чтобы позиционировать ИГ как современное государство. Это объясняет то, почему ИГ привлекает в том числе специалистов в области медицины и медиа. Несмотря на то, что красивая картинка не всегда соответствует реальности, боевики остаются в рядах ИГ «во имя создания религиозного государства в Леванте»¹⁴⁶.

Таким образом, ИГ бы не смогла привлечь на свою сторону такое количество молодых людей, если бы не обладала эффективной пропагандистской машиной. Но не сколько видео и социальные сети убедили некоторых людей присоединиться к ИГ, сколько возможности, предлагаемые социальными сетями, особенно двусторонняя межличностная коммуникационная способность к убеждению отдельных проповедников. Например, согласно Стерну и Бергеру (2015 год), все большее число иностранных бойцов в социальных сетях помогли привлекать новых добровольцев, комментируя сирийский конфликт или информацию о том как отправиться в Сирию / Ирак. Тем не менее, главную роль в таком

---

¹⁴⁵Колозариди П., Ильин А. DABIQ, пропагандистский журнал Исламского государства, 9 выпуск. Рецензия. [Электронный ресурс] // ИСЛАМСКОЕ МЕДИАГОСУДАРСТВО. URL: <http://pircenter.org/media/content/files/13/14374626350.pdf> (дата обращения: 30. 04. 2017).

¹⁴⁶Эрель А. Я была джихадисткой: Расследование в центре вербовочной сети ИГИЛ/ Пер. с фр. О. Е. Ивановой М., 2016. С. 170.

«заражении» идеями играет медиапропаганда. Например, как отмечает автор книги о «золотом веке авиаугонов», угонщики самолётов прежде чем решиться на кражу смотрели вечерние новости о таких же кражах¹⁴⁷. Аналогично американцы и европейцы, задержанные по подозрению в связях с «Исламским государством», признаются, что на создание собственных роликов, рекламирующих экстремизм, или непосредственно на насилие их подвигли просмотренные ранее чужие видео.

Как результат успешной вербовки в ИГ Государственный департамент США создал в Twitter аккаунт «Подумай еще раз и откажись», где размещались фотографии злодеяний и жертв ИГ. Фактически, он занимался троллингом в отношении аккаунтов ИГ. Когда боевики разместили запись: «Мы не стремимся ни к чему в этом мире, кроме мученичества; мы будем похоронены в горах, и снег будет нашим саваном», – Госдепартамент ответил на это: «Гораздо лучше дать сирийскому ребенку пару башмаков, чем вытаскивать его из дома в снег, чтобы искать вместе с тобой смерть». В ответ сторонники ИГ взломали эти аккаунты и разослали угрозы: «Американские солдаты, мы идем, оглядывайтесь».

По сравнению с кампанией Госдепартамента США ИГ может потратить сотни часов, пытаясь привлечь одного человека. Благодаря своим социальным медиа ИГ узнает, как личные обиды могут быть использованы в теме преследований против всех мусульман, а затем переводит гнев и нереализованное стремление в моральное возмущение.

---

¹⁴⁷ «Why ISIS Is Winning the Social Media War» [Электронный ресурс] // Wired magazine URL: <http://www.wired.com/2016/03/isis-winning-social-media-war-heres-beat/#slide-2> (дата обращения: 01. 05. 2017).

ГЛАВА 3. ФЕНОМЕН «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА» В ЗАПАДНЫХ СМИ

Если в прошлых главах мы пытались понять, что такое «Исламское государство» и почему рецепты, которые исламистские террористы используют в медиавойне оказались настолько эффективными, то важно обратить внимание и на «контрпропаганду», а именно какое сообщение предоставляют западные медиа и какие методы они используют для того, чтобы разрушить обманчивый образ «халифата».

Медийный образ ИГ складывался на протяжении трех лет с момента провозглашения этого квазигосударства летом 2014 года. Этот противоречивый образ возник в результате активности как самого «Исламского государства», предоставляющего свой уникальный контент, так и благодаря активности медиа антитеррористической коалиции. Противодействие «Исламскому государству» в большей степени сосредотачивается на блокировании платформ социальных медиа с пропагандой ИГ, при этом игнорируя роль традиционных средств массовой информации в пропаганде организации и тем самым помогая ей добиться признания и легитимности. Поэтому важно определить ключевые стратегии, которые могут помочь бороться с привлекательностью бренда ИГ и соотнести их с тем, как образ ИГ представляют западные СМИ. На основе экспертного доклада¹⁴⁸ по противодействию пропаганде ИГ, изданного Центром Картера можно выделить несколько стратегий или альтернативных «нарративов», позволяющих разрушить столь привлекательный образ «Халифата»:

- 1) Важно выявить и признать, что хорошо и возвышенно в идеологии Исламского Государства и в его целях, таких как освобождение от дискриминации, восстановление мусульманского /

---

¹⁴⁸ «Countering Daesh Propaganda: Action-Oriented Research for Practical Policy Outcomes» / The Carter Center. Atlanta, February 2016.

человеческого достоинства, большее самоопределение, более справедливый мировой порядок. Важно сочувствовать недовольным и не отвергать их недовольство. Это также показывает искреннюю готовность к поиску решений.

2) Нужно показать эффект стратегий, принятых экстремистскими группами, действительно ли они помогли в продвижении заявленных целей группы или они были контрпродуктивными. Необходимо показать реальную и полную стоимость такого жестокого подхода к настоящему и будущему ислама и мусульман во всем мире.

3) Показать, как альтернативные ненасильственные подходы ближе к пророческому преданию (сунне), даже если такие альтернативные подходы могут потребовать больше самопожертвования и дисциплины, сотрудничества и единства, изучения ислама и всего мира, уважения к знанию, сострадания и прощения человеческих слабостей, искренность цели и смирения, большую приверженность сунне и вера в могущество Аллаха (указание), терпеливое упорство и усилие (другие ненасильственные формы джихада). Показать, как эти подходы работали и работают в современном обществе.

4) Необходимо показать, что не так с принципами, используемыми насильственными экстремистами для интерпретации конкретных религиозных текстов, интерпретаций, оправдывающих насилие. Нужно дать этим текстам правильное прочтение на основе классических юридических принципов Ислама (усул ал-фикх) и целей исламского права (maqasid al-shari' a).

5) Исследовать вопрос о том, имеют ли какие-то экстремисты скрытые мотивы, предпочитая беспорядочные насильственные средства и придерживаясь своих путей и миссии.

Огромную роль в разрушении привлекательности ИГ играют традиционные средства массовой информации, которые несут ответственность за освещение деятельности ИГ. Они имеют возможность

более объективно интерпретировать публичное истолкование «Исламского Государства», раскрывать слабости его идеологии и критически оценивать его военные и другие успехи. Более того, они имеют глобальную аудиторию. Для того, чтобы понять, насколько западные СМИ следуют заявленным критериям, мы проанализировали как новостные, так и аналитические материалы трех ведущих западных СМИ, – TheGuardian, TheEconomist и американского журнала TheAtlantic. На выбор данных изданий повлияла их специфика, – это качественные влиятельные СМИ, которые воздействуют на «лидеров мнений» и людей, принимающих важные в глобальной перспективе решения.

3.1. «Исламское Государство» и западные СМИ: стратегия манипулирования

«Исламское государство» имеет определенную стратегию манипулирования западными средствами массовой информации для достижения своих пропагандистских целей. Организация стремится привлечь западные средства массовой информации, чтобы помочь им распространять свои ключевые сообщения. И чем больше и дольше западные СМИ освещают деятельность ИГ, тем больше у террористов возникает чувство успеха, влияния и власти. Так, для привлечения новобранцев, внушения страха и утверждения своей легитимности как государства, «Исламскому Государству» нужна реклама, но реклама не только через собственные пропагандистские материалы, но и через западные медиа, имеющие глобальную аудиторию. Как сказал Брюс Хоффман, директор Центра по изучению проблем безопасности Джорджтаунского университета: «Только распространяя страх и возмущение на широкую аудиторию, террористы могут оказать максимально возможное воздействие»¹⁴⁹. Исследователь Пиппа Норрис отмечает, что «неизбежность освещения террористической

---

¹⁴⁹ Quoted in "The Aftermath of the Paris Attacks Is a Time to Grieve, Not Fear Monger." Sam Corey, Huffington Post, 11/14/2015.

деятельности в масс-медиа позволяет терроризму быть постоянным новостным событием, а также расширять свое медийное присутствие»¹⁵⁰. Таким образом, то, как террористы и террор описываются в медиа, влияет на степень их демонизации, или, наоборот, на степень привлекательности.

Материалы об «Исламском Государстве» постоянно занимают высокое место в списках самых читаемых и наиболее часто просматриваемых новостей¹⁵¹. Драматичные кадры, которые публикует группа, таинственность, окружающая молодых западных мужчин и женщин, которых она могла привлечь в свои ряды и изображение самой группы западными лидерами как «самого главного зла нашего времени» интересуют зрителей. Встреча с группировкой становится неизбежной даже для обычного потребителя новостей.

Главными сюжетами об ИГ в западных массмедиа за три года стали: падение Мосула, объявление халифата, казнь американского журналиста Джеймса Фоули 19 августа 2014 года, массовая казнь в Кобани, первые теракты на территории Европы в январе 2015 года, ноябрьские теракты в Париже, теракты в Брюсселе, Ницце, Берлине, Лондоне, Стокгольме и еще раз в Париже. Каждое из этих событий провоцирует серию публикаций как о действиях «Исламского Государства», так и попытки объяснить новый феномен устаревшим языком СМИ и символическими средствами, не позволяющими подлинно передать суть феномена ИГ.

Для того чтобы понять как в западных медиа предстает образ «Исламского Государства», мы проанализировали более ста публикаций TheGuardian с 2014 по 2017 год и выделили несколько категорий, используемых TheGuardian для характеристики ИГ:

---

¹⁵⁰ Norris P., Kern M., and Just M. Framing Terrorism // In: Framing Terrorism: The News Media, the Government, and the Public / Ed. P. Norris, M. Kern, and M. Just. New York, 2003. P. 3-26.

¹⁵¹ Alex P Schmid and J de Graaf, Violence as Communication: Insurgent Terrorism and the Western News Media. London, 1982.

– ИГ как военная группировка, исламистский мятеж, джихадистская группировка салафитов (контекст сирийского конфликта);

– ИГ как государство

– ИГ как варварская структура и организация, которая объединяет наиболее негативные аспекты преступной группировки, террористической организации и абсолютистского деспотизма

– ИГ как транснациональное движение с непосредственными целями далеко за пределами Ирака и Сирии

– ИГ как таинственное образование и непреодолимая сила

– ИГ как фанатичные фундаменталисты

Изначально проблема ИГ вписывается в локальный конфликт, главными причинами которого называются «неудачи иракского правительства» и «наследие вторжения США». Это была локальная история, связанная со слабостью правления Аль-Малики в Ираке и раздирающей Сирию гражданской войной, – оба этих факта подготовили почву для захвата исламистами новых территорий на границе Сирии и Ирака и провозглашению халифата, все это удачно было подмечено журналистами TheGuardian, отмечающими среди причин возникновения ИГ как «*крах государственной власти в Сирии и Ираке*», так и тесно связанное с этим «*суннитское чувство изоляции*»¹⁵².

Еще до провозглашения халифата летом 2014 года западные СМИ столкнулись с **дуализмом** при освещении всего, что касается ИГ. С одной стороны, в TheGuardian ИГ описывалась в контексте регионального конфликта как «*военная группировка*» или «*группа исламистских мятежников*»¹⁵³, с другой стороны, как *террористическая организация* и

¹⁵² Ian Black, Rania Abouzeid, Mark Tran, Shiraz Maher, Roger Tooth and Martin Chulov. The terrifying rise of Isis: \$2 bn in loot, online killings and an army on the run. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 14.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/16/terrifying-rise-of-isis-iraq-executions> (дата обращения: 21. 05. 2017).

¹⁵³ Roberts Dan. Obama pledges US support to Iraq as Isis militants approach Baghdad. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 12.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/12/obama-pledges-us-support-iraq> (дата обращения: 21. 05. 2017).

«джихадистская группировка салафитов»¹⁵⁴. Акцент в этом случае делается на деятельности террористической организации в гражданской войне в Сирии, что вытесняет из её деятельности террористическую составляющую. Однако чаще всего авторы публикаций в западных СМИ характеризуют ИГ как государство. ИГ, благодаря завоеванию новых территорий на границе Сирии и Ирака превратилась в государство, и уже после падения Мосула 10 июня 2014 года все новости были посвящены новому государственному образованию, целью которого является «воссоздать исламский халифат на всей территории Сирии и Ирака». Так, если рассматривать название «Исламское государство» с точки зрения пиар-стратегии, – это один из лучших образцов нейминга, потому что он способствует легитимизации группировки как государственного образования. С помощью этой пиар-стратегии «медиаактивистам ИГ» удалось запутать мировые СМИ, навязав выгодную террористам модель восприятия.

С самого начала «Исламское государство» представляется западным медиа как *«таинственное образование»*, ему посвящено огромное количество колонок и аналитических материалов, стремящихся объяснить, откуда возникло ИГ, сколько у него денег, какую территорию оно контролирует и как ему удастся привлечь все большее количество сторонников. Не менее таинственным представляется и лидер ИГ Абу Бакр Аль-Багдади, в материалах TheGuardian он характеризуется как *«неуловимая и постоянно ускользающая фигура»* и *«высоко организованный»*, *«эффективный»* и *«приверженный идеологии»* лидер. Но ИГ не удалось сформировать сильный медийный образ своего лидера, которым когда-то был Усама бен Ладен. За три года существования организации он только один раз появился в видеозаписях выпущенных группировкой, – на проповеди в момент провозглашения Халифата, на это же время пришелся пик

---

¹⁵⁴ Chulov Martin, Ackerman Spencer, Lewis Paul. Iraq crisis: Iran and US join fight against Sunni jihadis of Isis. // [Электронныйресурс] // The Guardian. 14.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/13/us-iran-fight-jihadis-iraq> (дата обращения: 21. 05. 2017).

публикаций об Аль-Багдади в западных СМИ. Но из-за недостатка информации и цифрового контента с участием Аль-Багдади, западные СМИ не уделяют ему столько же внимания, сколько уделяли когда-то Усаме бен Ладену. Вероятно, это вписывается в медиастратегию ИГ, которая не предусматривает создание из Аль-Багдади сильной медийной фигуры, главное для ИГ – медийный образ самой группировки, который, кстати, необязательно должен быть положительным.

Так, в материалах TheGuardian ИГ – это и «*непреодолимая сила*» для иракской армии, которая бросила Мосул после наступления ИГ, джихадисты в этом контексте выступают как высоко организованные люди, которые эффективно захватывают новую территорию, и устанавливают свои государственные институты. Падение Мосула стало первым событием, заставившим западные СМИ говорить об ИГ как о «*варварской структуре*» и «*непреодолимой силе*»¹⁵⁵. Материалы о том, как обученная и снабженная американским оружием иракская армия убежала после наступления джихадистов, помогли «Исламскому Государству» внушить страх западной аудитории и прославить образ группировки, члены которой в одном из опубликованном Guardian фотоотчете празднуют победу, размахивая черным флагом и передвигаясь на американской военной технике¹⁵⁶.

Смерть становится синонимом нового государственного образования, колумнист TheGuardian, вспоминая то, каким был Мосул больше десяти лет назад, отмечает его социальное и этническое многообразие, его материал в разделе «Мнение» выходит с заголовком «*Мосул был волшебным однажды,*

---

¹⁵⁵Hassan Hassan. Isis, the jihadists who turned the tables. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 10.08.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/10/isis-syria-iraq-barack-obama-airstrikes> (дата обращения: 21. 05. 2017).

¹⁵⁶ Iraqi in crisis as Isis targets Baghdad - in pictures. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 12.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/gallery/2014/jun/12/iraqi-in-crisis-as-isis-targets-baghdad-in-pictures> (дата обращения: 21. 05. 2017).

но теперь его преследует смерть»¹⁵⁷. В другом материале TheGuardian, отвечающем на ключевые вопросы об ИГ, журналист указывает на «беспоощадность» группировки, которую она продемонстрировала в Сирии, используя распятие, казнь и ампутацию как способ наказания.

Однако осуждение жестокости и насилия вовсе не ограничивает привлекательность образа ИГ, скорее, наоборот, способствует прославлению и легитимизации её образа. По сути, западные издания невольно становятся игрушкой в руках медиастратегов ИГ, – не так важно в каком ключе они освещают деятельность ИГ, даже если это негативный образ, он все равно работает на руку джихадистам – превращая их в непобедимых воинов Аллаха. Осуждение «Исламского Государства» может укрепить и так маргинальную социальную идентичность тех, кто сочувствует группировке. Например, так было с двумя молодыми людьми из США, Джалин Янг и Мохаммедом Дакхалла, которые пытались отправиться в Сирию, чтобы присоединиться в джихадистам. Их недовольство тем, как ИГ представляли американские СМИ, стало одним из факторов их радикализации.

В противовес материалам с негативной оценкой ИГ, TheGuardian выпустило несколько материалов, дающих голос беженцам из Мосула и тем, кто был вынужден там остаться и жить под правлением ИГ¹⁵⁸. Например, в одном из материалов женщина рассказывает, как потеряла свой салон красоты из-за того, что женщинам в ИГ запрещено заниматься бизнесом. Она жалуется, что в Мосуле невозможно купить мясо, большинство продуктов доступны только боевикам ИГ. Но подобных материалов, рассказывающих про «реальную жизнь» внутри халифата слишком мало, они растворяются в абстрактном образе ИГ, которому каждый из колумнистов Guardian пытается

---

¹⁵⁷Goldfarb Michael. Mosul was magical once, but now it's stalked by death. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 13.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jun/13/mosul-iraq-stalked-by-death-armed-isis-militants> (дата обращения: 21. 05. 2017).

¹⁵⁸ Mahmood Mona. Voices from Mosul: 'The cities are fallen into their hands' . // [Электронныйресурс] // The Guardian. 11.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/11/voices-from-mosul-cities-falling-into-isis-hands> (дата обращения: 21. 05. 2017).

найти свое объяснение. Если бы материалов, отражающих реальность жизни в условиях правления «Исламского Государства» было больше, эти истории могли бы оказать влияние на потенциальных новобранцев, создавая неприглядный уже не образ халифата, а условия внутри него и тем самым отговаривая от присоединения к группе.

Однако проблема состоит в том, что у западных журналистов нет доступа на территорию «Исламского Государства», а значит, их возможности рассказать про жизнь внутри «Халифата» ограничены. Более того, большинство западных медиа просто боятся отправлять в регион своих журналистов. В результате, западные СМИ полностью зависят от видео и изображений, произведенных и выпущенных «Исламским Государством», их материалы об ИГ в большинстве случаев основаны на публикациях самой террористической группировки. Таким образом, ИГ удается контролировать то, как оно изображается.

Особенно это становится заметно во время терактов в Европе. ИГ понимает, как работают медиа лучше, чем любая другая организация. Хотя территория и ресурсы имеют решающее значение для группировки и успеха его восстания в Сирии и Ираке, средства массовой информации являются ареной, на которой ведется борьба идей, где актуальность группы – и, в конечном счете, ее идейное долголетие могут быть сохранены даже если она испытывает серьезные территориальные потери.

С первыми операциями международной коалиции в Сирии и первыми терактами в Европе проблема ИГ приобрела глобальное звучание. Главная цель терактов – это не только убить как можно больше людей, но и посеять страх и неуверенность у населения. Во многом именно западные СМИ ответственны за это. После терактов в Брюсселе 22 марта 2016 года западные СМИ пытались разобраться в том, кто за ними стоит. Подозрение в первую очередь пало на ИГ, – четыре месяца назад радикальным исламистам уже удалось устроить серию терактов в Париже. Некоторые предположили, что теракт был мстью за арест в Брюсселе Салаха Абдеслама, координатора

парижской атаки. Другие полагали, что нападения не были вызваны мстью, а результатом месяцев тщательного планирования. TheGuardian назвала теракты *«не столько мстью, сколько демонстрацией потенциала»* исламистских террористов¹⁵⁹. Во второй половине дня сообщения об атаке исламистов подтвердились, – ИГ распространило в социальных сетях сообщение на английском языке об ответственности за теракт в Брюсселе. Текст был загружен на страницу Wordpress информационного агентства Amaq, «официального» новостного канала ИГ и мгновенно был передан на миллион компьютерных и мобильных экранов информационными агентствами и комментаторами по всему миру. Таким образом, ИГ удалось воспользоваться вниманием, окружающим теракт, несмотря на то, что само заявление террористов не содержало новой информации и скорее было только подтверждением того, о чем весь день писали западные СМИ. Воспользовавшись неуверенностью, окружавшей Брюссель в тот момент, исламисты манипулировали глобальной аудиторией, буквально диктуя свое сообщение международной аудитории через западные СМИ для того, чтобы повысить восприятие ИГ как угрозы для западного населения. По словам специалиста по информационным операциям австралийской армии Джейсона Логу, ИГ использует «пропаганду дела», это значит, что их операции и террористические акты важны исключительно для пропагандистской цели.

Таким образом, несмотря на негативное освещение в средствах массовой информации ИГ, группа пользовалась огромным доступом к глобальной аудитории, позволяя ей распространять два ключевых сюжета: рекрутинг для поддержания поддержки своей внутренней аудитории, а другой – для аудитории, которую он считает своим врагом, хотя в большинстве случаев одно и то же сообщение достигает обеих целей. Поскольку они стремятся вызвать экономический тупик и политическую

---

¹⁵⁹ Jason Burke. Brussels attacks: were they revenge for Abdeslam's arrest? // [Электронный ресурс] // The Guardian. 22.03.2016. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/22/brussels-attacks-show-how-global-terror-networks-act-local> (дата обращения: 21. 05. 2017).

нестабильность в странах Европы, такие операции, как в Брюсселе, Стамбуле, Лондоне и Париже, проводятся, поскольку они позволяют террористам насильно захватывать контроль над СМИ. Таким образом, терроризм используется в качестве тактики психологической войны, чтобы подорвать врага и деморализовать его бойцов и одновременно продвигать бренд ИГ потенциальным новобранцам и сочувствующим.

3.2. Феномен ИГ в объяснительных моделях западных СМИ

По мере того, как ИГ захватывало медийное пространство, все больше вопросов возникало в отношении освещения деятельности исламистской группировки как у самих западных журналистов, так и у тех, кто за этим освещением наблюдал. Рост критических материалов в отношении ИГ и освещения его деятельности в западных СМИ был значительно предопределен как стратегией самой группировки, направленной на расширение присутствия ИГ в медийном пространстве, так и западными СМИ, которые по-разному реагировали на вызов группировки. Так, в колонках TheGuardian и аналитических материалах TheEconomist журналисты и востоковеды пытаются критически осмыслить феномен ИГ. Казнь американского журналиста Джеймса Фоули поставила перед западными СМИ сразу несколько вопросов, на которые они пытались найти правильный ответ.

Убийство Фоули, выполненное по всем законам драматического произведения, совершенное человеком с ног до головы одетом в черное и размахивающего ножом, было показано во всех западных СМИ, только с разной степенью включения насильственного контента. Конечно, сама природа СМИ, преследующих сенсационный и коммерческий интерес, заставляет журналистов публиковать материалы, содержащие драматичный, ужасный и потому сенсационный контент. В случае казни Джеймса Фоули большинство новостных изданий опубликовали скриншоты видеозаписи ИГ

«Послание Америке», пропустив кадр Фоули с ножом на шее и сам момент смерти, сославшись на необходимость информирования без травмирования. Однако редактирование содержания видеороликов ИГ необязательно уменьшает драматическое воздействие этих видеороликов. Последние слова жертв, идеологические проповеди палача и ощущение предчувствия, так как зрители знают, что произойдет, могут иметь такое же влияние на аудиторию, как и само насилие. Тем не менее, по мере того как средства массовой информации все больше осознавали цели видеоматериалов ИГ, многие стали проявлять еще большую сдержанность, демонстрируя меньше материала или сообщая об убийстве без использования изображений из пропагандистских роликов. The Guardian приняла внутреннюю политику в отношении публикации материалов пропаганды исламского государства. К ним относятся: не использовать видео и избегать изображений, которые показывают в лучшем свете преступника; использовать только обрезанные неподвижные изображения заложника (ов) из видео; и по возможности использовать изображение заложника (ов) в другом контексте, а не в неволе¹⁶⁰.

На контрасте с большим количеством новостных материалов, посвященных казни Фоули в этот же день в Guardian выходит колонка, где автор обращает внимание на то, что жестокое убийство американского журналиста человеком с английским акцентом было направлено исключительно на привлечение внимания западной аудитории, – ведь «независимо от того смотрите ли вы на фильм или на освещение фильма, вы все равно обращаете на него внимание и он вас затягивает»¹⁶¹. Автор обратил внимание на еще один важный момент, – подобная история привлекает

---

¹⁶⁰ Chris Elliot, “Coverage of ISIS Videos Should Be About News and Not Propaganda”, The Guardian, 11 January 2016, <http://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jan/11/coverage-of-isis-videos-should-be-about-news-not-propaganda> (дата обращения: 21. 05. 2017).

¹⁶¹ Orr Deborah. Francis P. We can refuse to view James Foley's murder, but Isis has still infected our minds. // [Электронныйресурс] // The Guardian. 22.08.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/22/james-foley-murder-isis-infected-our-minds> (дата обращения: 21. 05. 2017).

людей, потому что они «отождествляют себя с героем и его мучениями», что само по себе является ценной пропагандой для ИГ, потому что мы не обращаем внимание на то, как страдают «Другие», «этот мир заботится только о себе».

Это утверждение подтвердили и первые теракты на территории Европы. Атака французской столицы вызвала огромную волну скорби и осуждения. В ответ на терроризм Facebook активировал функцию, предназначенную для стихийных бедствий, западные медиа пристально следили за развитием событий в Париже, транслируя поток информации с места атаки. За день до этого в Бейруте произошли теракты, не уступающие Парижу по степени жестокости. Не было ни специальной функции в социальной сети, ни сравнимой степени сострадания.

Американские и европейские СМИ отнеслись к этим двум инцидентам по-разному. Заголовки об атаке в Париже отражали тревогу и горе, – в CNN их назвали «резней», авторы пытались уловить человеческие эмоции на фоне непредвиденного ужаса, гуманизировать жертв. В то время как события в Бейруте квалифицировались американским СМИ TheAtlantic как атака на «оплот Хезболлы, шиитской боевой группы», в этом случае в приоритете было не рассказать о жертвах атаки, а скорее показать этнорелигиозный состав места нападения. Так, благодаря языку медиа формирует политический дискурс, и именно через язык проявляются наши предубеждения.

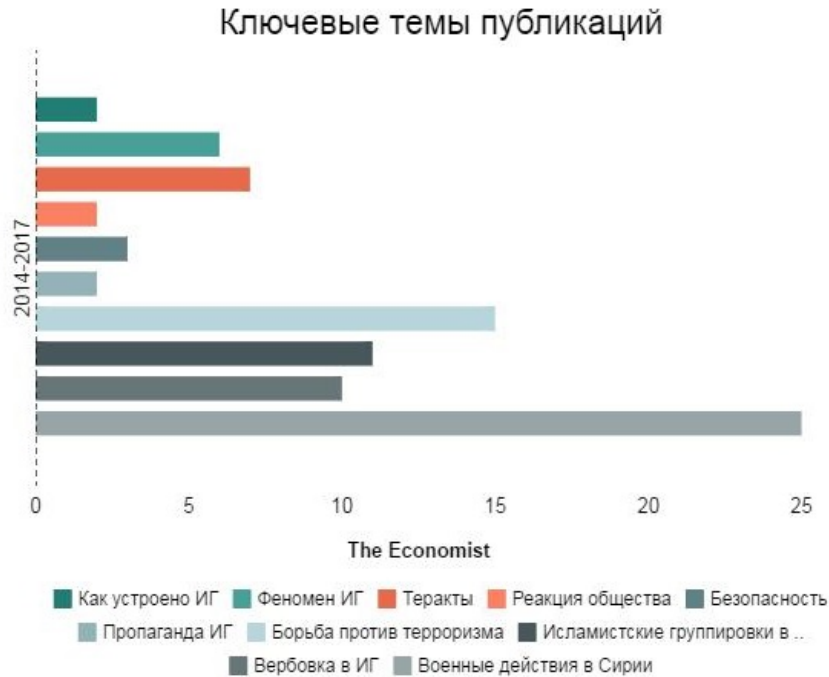
Автор колонки в TheGuardian обвиняет Запад не только в безразличии по отношению к «другим». Претензия автора к определению террора как абсолютного зла и «жестокости» становится претензией к «западному истеблишменту», который «слишком горячо верит в эту двоичную систему добра и зла». Проблема этой системы состоит в том, что если джихадисты и являются злодеями, то «героев» не существует, а проблема западных людей заключается в том, что «мы слушаем только тогда, когда другие западные люди рассказывают истории». Таким рассказчиком был Джеймс Фоули,

который передавал историю страданий сирийцев, понимая, что западному миру нужен западный переводчик.

Журналист обращает внимание на деталь в видео казни, – нож небольшого размера, который был выбран не только для того, чтобы люди могли вообразить как он может использоваться, но и для того чтобы обеспечить контраст по сравнению с воздушными ударами, которые, как утверждал убийца, были настоящими убийцами Фоули. Но их «единственным оружием», в данном случае, помимо ножа маленького размера, является «камера и все средства массовой информации в мире». Поэтому, по мнению автора, они уже победили, – их пропаганда заражает умы по всему миру и, возможно, наши сердца. Так, некоторые авторы пытаются критически осмыслить деятельность группировки, в том числе и её пиар-стратегию по использованию западных каналов по распространению информации.

Мы проанализировали более 200 публикаций The Guardian и The Economist с июня 2014 года по апрель 2017 года. Статистику по темам публикаций журнала The Economist можно увидеть в графике ниже. По ней видно, что чаще всего обсуждение проблематики ИГ происходит в политическом контексте, – большая часть публикаций с 2014 по 2017 год касается действий группы и реакции на них западных держав. Только 7 из 100 проанализированных текстов журнала The Economist напрямую затрагивают феномен «Исламского государства». В большей части текстов ИГ описывается в контексте сирийского конфликта, ключевая тема – антитеррористическая борьба против ИГ. В одном из текстов The Economist за 23 мая 2015 года под названием «Халифат наносит ответный удар» авторы высказывают опасение, что халифат становится постоянной частью жизни в ближневосточном регионе. В текстах под рубрикой «война против ИГ» описываются основные стратегические продвижения террористов, которые «ставят серьезные вопросы Америке», на которые она должна ответить. Но с пониманием привлекательности джихадистской идеологии для определенных

людей происходит небольшое смещение фокуса аналитиков с политического контекста на идеологический или «ценностный».

По мере того как начали поступать сообщения о европейцах, присоединившимся к ИГ в Сирии, главным вопросом, стоящим перед западными комментаторами становится вопрос «Почему люди со всего мира покидают свои комфортные жизни для того, чтобы сражаться под флагом ИГ и умирать?». Каждый из них пытается дать свое уникальное объяснение, – мы проанализировали более ста публикаций TheGuardian и TheEconomist и распределили их на несколько категорий:

Почему ИГ становится привлекательным для молодых людей по всему миру:

The Guardian	The Economist
Из-за романтического ореола борьбы (гламуризации войны)	Уезжают из-за желания покинуть рутинную жизнь дома и найти идентичность. «Некоторые едут, потому что в их жизни ничего не происходит». Братство и оружие кажутся захватывающими.

Картина мусульманских страданий. Они видят фотографии из Сирии и не могут сидеть на месте (просмотр видео для радикализации)	К ИГ присоединяются, чтобы помочь мусульманам, принося им еду и лекарства
Проповедники (Муса Серантонио из Австралии), пропаганда через интернет	ИГ привлекает благодаря её глобальной перспективе, попыткам немедленно установить шариат и благодаря военным достижениям
Пассивность и неудача умеренных мусульманских лидеров (чем более умеренные лидеры выкрикивают осуждение, тем больше радикалов они могут поощрять)	Обещания рая
Экономическое и социальное отчуждение	Уезжают в ИГ потому что их страны были недостаточно исламские. Один молодой человек сказал, что в ИГ он хочет «больше учиться, чем казнить».
Обычное юношеское недовольство окружающего их общества	Социальное неблагополучие
Провозглашение халифата – резонанс в современном мире, немедленное установление шариата	Исламизм – новая идеология протеста на континенте

Ключевую роль в понимании феномена исламистского терроризма играют комментарии «интеллектуалов», востоковедов и ученых, которые способны производить наиболее глубокий анализ этого феномена. Одним из таких материалов под названием «Новые джихадисты. Кто они?» был опубликован TheGuardian в апреле 2017 года¹⁶². В нем французский антрополог и востоковед Оливье Руа пытается ответить на вопрос что качественно нового в тех террористах, которые выступают под флагом ИГ.

¹⁶² Olivier Roy. Who are the new jihadis? // [Электронныйресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/news/2017/apr/13/who-are-the-new-jihadis> (дата обращения: 21.05.2017).

Этот материал – и глубокий анализ вопроса соотношения современного исламистского терроризма и ислама как религии, и анализ факторов, которые заставляют молодых людей присоединяться ИГ, главным из которых Оливье Руа называет «нигилистическое измерение». «Соблазняет и завораживает именно идея абстрактного бунта», – пишет он. – Насилие не является средством. Это самоцель». Его основная идея состоит в том, что исламистский терроризм, – это восстание, корни которого не стоит искать в исламе, вместо этого, говорит он, произошла «исламизация радикализма», радикализма, с которым мы все были знакомы еще до появления исламизма.

Однако журналисты TheGuardian в основном ограничиваются более простыми объяснениями, объясняя радикализацию двух успешных британских студентов «не влиянием религии, а гламурализацией насилия и военных действий» или «обычным юношеским недовольством окружающего их общества». Чаще всего ИГ изображается ими как успешная в привлечении новых сторонников группировка.

В материале TheEconomist «Пропагандистская война»¹⁶³ за 15 августа 2015 года автор замечает, что «жестокое послание террористов удивительно сложно опровергнуть». Это единственный материал в журнале, где описывается возможная привлекательность ИГ, связанная с его ориентацией на «высокие смыслы». В материале описываются как визуальные методы, – использование резко контрастных цветов – черной униформы и оранжевых комбинезонов на видео казней, или использование определенных звуков для создания эффекта присутствия на казни сделало ИГ джихадистами «нового поколения». Помимо превосходства в производственных навыках, замечает автор, группе удалось еще и достичь своей аудитории. Но мощь послания ИГ состоит вовсе не в насилии, изображении войны и убийств, автор замечает, что стоит обратить внимание на ряд тем, таких как милосердие, жертвенность, принадлежность и утопизм, которые предлагает «Исламское Государство». В то время как предыдущие рассказы джихадистов

---

¹⁶³Propaganda war. The Economist. 15-21 August 2015. P.41.

концентрируются на «сопротивлении» воображаемым врагам, пропаганда ИГ, – это «пропаганда победителя». Таким образом, автор хоть и признает ориентацию пропаганды ИГ на «высокие смыслы», однако в конце текста дает единственный рецепт борьбы, связанный с военными действиями, по его мнению, только серьезное военное поражение способно разрушить пропаганду.

Большой массив текстов и Guardian, и TheEconomist составляют материалы, где сравниваются исламистские террористы «сегодняшние» с террористами прошлого, а именно «Аль-Каида» с ИГ. Такие сравнения помогают журналистам описать, в чем существенное **преимущество** новой идеологии группировки, из-за которой многие последователи Усамы бен Ладена вынуждены были отказаться сотрудничать с ИГ. В материале TheEconomist журналист замечает, что сегодняшние джихадисты «слишком экстремальны»¹⁶⁴ даже для ведущих идеологов священной войны, они значительно расширили рамки дозволенного в бое и самыми «жестокими методами» захватили территорию размером с Иорданию. «Более 30 лет назад идеологи исламизма высказались, что Запад отдал их родину евреям и тем самым вдохновили мусульман на джихад»¹⁶⁵, – пишет автор, обращаясь к истории радикального исламизма. Он объясняет ключевые разногласия сегодняшних джихадистов практикой «такфир», которую используют боевики ИГ как часть своей идеологии и которую осуждают последователи Усамы бен Ладена. Не остается без внимания и медийная сторона идеологии ИГ, например, автор статьи пишет как джихадисты делают фотографии с котятами, наряженными в пояс смертника или как их смартфоны звонят рингтоном с звуком крушения ракеты, сопровождаемым джихадистским гимном, – это подается как главная причина привлекательности новой джихадистской группы.

---

¹⁶⁴Jail, jihad and exploding kittens. The Economist. 1-7 November 2014. P.45.

¹⁶⁵Там же.

В другом материале о том, как Британия «изо всех сил пытается иметь дело с новой породой фундаменталистов»¹⁶⁶, потенциальные джихадисты описываются как люди, которые «ищут что-то важное в жизни», это представители второго поколения мигрантов, которые «недостаточно вестернизированы, чтобы полностью интегрироваться». Однако, автор склоняется скорее к «психиатрической» концепции вопроса. Для него джихадисты – это люди с проблемой в психическом здоровье, наиболее уязвимые к пропаганде. Обращаясь к экспертам, автор предполагает, что для некоторых джихад может «иметь какое-то отношение к сексуальным расстройствам. Возможно, оружие – это расширение пениса». Как мы видим, любая попытка понять феномен ИГ вписывает джихадистов и их поклонников, даже если они выходцы из Запада, в маргинальную среду, страдающей от неустойчивости и психологических расстройств.

Ответ на вопрос о привлекательности ИГ чаще всего сопровождается перечислением фактов радикализации или единиц контента, благодаря которым группировка находится в «топе». Например, в материале под громким названием «Халифат зовет»¹⁶⁷, они объясняют как женщины радикализируются через социальные сети и какие функции выполняют в Халифате, – там им не дают воевать, они матери и домохозяйки. Или в материале о том, «как была радикализована школьница», описывается, как британскую школьницу в джихад привела социальная сеть Twitter, рядом приводится таблица хэштегов, которые чаще всего возникали в ленте молодой девушки. Очевидно, описание способов радикализации и названия хэштегов недостаточно для того, чтобы понять, чем ИГ привлекает молодых «невест». Тем не менее, попытки понять феномен ИГ все же предпринимаются рядом авторов.

---

¹⁶⁶Islamist extremism. The battle of ideas. The Economist. August 15TH–21ST 2015. P.50.

¹⁶⁷ Women and jihad: Caliphate calling. The Economist. February 28TH–MARCH 6TH 2015. P. 54.

Пик текстов, объясняющих феномен ИГ пришелся на время сразу после провозглашения Халифата, в дальнейшем таких материалы выходят как реакция на актуальные события как жизни внутри Халифата, так и за его пределами, – в виде террористических актов на территории Европы и рекрутинга новобранцев. Самым мощным инструментом вербовки журналисты The Economist называют военный успех ИГ и восстановление Халифата на территории Сирии. К попыткам объяснить, кто попадает под влияние джихадистской идеологии, автора толкает новость о двух молодых сомалийцев, которые напали на полицейский участок в Техасе, США, оба были убиты до того как смогли убить кого-то¹⁶⁸. Так, попытка понять кто такие «новые джихадисты» и объяснить феномен ИГ делается с помощью описания самой «неблагополучной» группой мигрантов. Автор описывает, как эта группа живет в стране, – многие молодые сомалийские мужчины находятся в тюрьме; уровень безработицы у сомалийцев самый высокий из пяти крупнейших групп иммигрантов в Миннесоте. «Многие из них изолированы от других иммигрантов и от других мусульман, которые находят их вспыльчивыми, гордыми и недружелюбными», – добавляет он.

Таким образом, к объяснениям феномена ИГ авторов двух СМИ в основном толкают актуальные события, – будь то казнь Фоули, появление двух британцев в ИГ или попытка напасть на полицейский участок двух молодых сомалийцев. В обоих СМИ существует консенсус, ИГ это враг, который должен быть уничтожен, если авторы и делают попытки понять, почему люди уезжают в Халифат, это делается с помощью описаний методов рекрутинга, практически не затрагивая «ценностную» составляющую вопроса. Ни в одном из проанализированных материалов не делается попытка понять идеологию «Исламского Государства», используя объяснения проповедников ИГ, иначе существует риск представить джихадистов как «борцов за правое дело». Такое объяснение кажется сегодня практически невозможным на страницах мировых изданий.

---

¹⁶⁸Terrorist recruitment: The siren song of IS. The Economist. May 9th-15th 2015. P. 28.

Объяснительные модели, предложенные изданиями, описывают лишь часть феномена Исламского Государства, не исчерпывая сложность явления. В попытках раскрыть привлекательность ИГ традиционные СМИ, ограниченные **новостным форматом**, лишь противодействуют бесконечным и постоянно меняющимся повествованиям ИГ вместо того, чтобы противостоять основанию идеологии. Ближе всего к пониманию данного феномена приходит американский журнал TheAtlantic. Поэтому кажется необходимым посвятить ему отдельный параграф.

3.3. Освещение феномена Исламского Государства в американском журнале «The Atlantic»

Хорошо продуманные и правильно идеологически выстроенные сообщения имеют решающее значение для успеха радикальных исламистов. Крайне важно, чтобы эти рассказы, пропитанные романтичным ореолом борьбы, были также очень хорошо поняты целевой аудиторией. Однако хорошо выстроенная идеология и её «сюжетные линии» имеют решающее значение не только для исламистов. Логика пропаганды джихада по привлечению и радикализации людей может помочь остальному миру понять, в чем заключается подлинная притягательность ИГ. И это понимание имеет ключевое значение для эффективного противостояния и отрицания заявлений радикальных исламистов. Кроме того, понимание «пропаганды зла» дает возможность предложить альтернативные шаги для решения проблем тех людей, которые единственным выходом для себя видят присоединение к ИГ. Наиболее близко к пониманию этого вопроса подошел американский журнал TheAtlantic. Вероятно, из-за таких отчаянных попыток понять подлинные причины радикализации людей со всего мира, его материалы постоянно провоцируют дискуссии об «Исламском Государстве».

TheAtlantic – это американский журнал, который публикует статьи об искусстве, экономике, международной политике и политической науке. Всего в год выходит десять номеров журнала. Целевая аудитория TheAtlantic – это

серьезные американцы и национальные «лидеры мнений», таким образом TheAtlantic потенциально может влиять как на «лидеров мнений», так и на сообщения, которые они транслируют. С момента появления «Исламского Государства» на карте и в медийном пространстве журнал пристально следит за развитием группировки радикальных исламистов и, в отличие от других СМИ, публикует лонгриды, наиболее подробно описывающие феномен ИГ.

Есть несколько стратегий, которые используют журналисты TheAtlantic для того, чтобы понять суть идеологии «Исламского Государства». Проанализировав более 30 материалов TheAtlantic, мы выделили несколько из них. Журналисты The Atlantic описывают феномен ИГ:

- 1) Через общение с проповедниками/самими террористами
- 2) Через подробное описание биографии и раскрытие психологического портрета человека, присоединившегося к группировке (сюда включается общение с родственниками и друзьями джихадиста)
- 3) Через общение с теми, кто вернулся из Сирии
- 4) Через ответ на вопрос о религиозной достоверности ИГ

В феврале 2016 года прошлого года президент США Барак Обама готовился к встрече на высшем уровне, посвященной борьбе с насильственными действиями экстремистов. В это же время в TheAtlantic был опубликован материал журналиста Грэма Вуда, который спровоцировал бурные дискуссии об ИГ. Текст, называвшийся «Чего хочет ИГИЛ на самом деле»¹⁶⁹, вышел после серии террористических атак в Париже, Копенгагене и Сиднее.

К тому времени общественность уже была напугана видеоклипами казней беззащитных журналистов и фотографиями боевиков ИГ в амфитеатре Пальмиры, – все это выглядело как осуществившийся наяву обещанный джихадистами апокалипсис, который, впрочем, стал таким,

---

¹⁶⁹Wood Graeme. What ISIS Really Wants.// [Электронный ресурс] // The Atlantic. Выпускзамарт 2017. / URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

благодаря активному освещению деятельности ИГ в новостных СМИ. Материал Вуда отвечает на «обманчиво простой вопрос», внятного ответа на который, по его мнению, западные лидеры все еще не нашли. Вопрос этот, – откуда взялось «Исламское государство» и чего оно хочет? Для него ИГ – это «не просто сборище психопатов», журналист дает обманчиво простой ответ: «Реальность, — пишет Вуд, — такова, что Исламское государство является исламским. Очень исламским. Да, оно привлекает психопатов и авантюристов, в основном из неустроенных ближневосточных и европейских мусульман. Но религия, которую исповедуют его самые фанатичные сторонники — связная и даже искусная трактовка ислама».

Однако этот материал был еще и ответом Обаме, который, пытаясь делегитимизировать образ ИГ, называл его неисламским, очевидно, обращаясь к большинству мусульман, которые обвиняют ИГ в подрыве собственной веры и испытывают к организации неприкрытое отвращение. Материал не мог не быть опровергнут десятками статей, в которых подробно объясняется, как ИГ превращает ислам в инструмент пропаганды. «Приятно, разумеется, знать, что большинство мусульман не готово сменить голливудское кино на просмотр казней по вечерам», – пишет Вуд. Для того чтобы доказать свое отнюдь не бесспорное утверждение Вуд приводит в пример речь главного спикера ИГ, шейха Абу Мухаммада Аль-Аднани, который в обращении к мусульманам западных стран призывает их «найти язычника и «размозжить ему голову камнем», отравить его, задавить его машиной или «отравить его посевами». Его речь полна ссылок на священные тексты, а требование отравить посевы врага отсылает к приказам Мухаммеда «не трогать колодезной воды и посевов, если только войны ислама не находятся в обороне; и как раз в этом случае мусульмане в землях неверных, кафиrow, должны отринуть жалось и использовать яд». Журналист приводит слова ученого из Принстона Бернарда Хэйкла, ведущего эксперта по теологии ИГ, который говорит, что мусульманами, отрицающими связь ислама с ИГ, движут «стыд, политкорректность и взгляд на свою религию

через розовые очки», отрицающий «исторические и юридические требования своей веры». Часто попытки оспорить религиозную природу ИГ основаны на «экуменической чуши в христианском духе».

Но помимо примеров того, что Вуд описал основные пункты религиозной доктрины ИГ, журналист пошел еще дальше, – он разыскал наиболее ярых проповедников ИГ на Западе, не представляя их как религиозных фанатиков и психопатов, а слушая их убедительные объяснения о том, почему именно ИГ имеет право управлять мусульманским миром. Он отправляется со своими читателями в путешествие по всему миру, в ходе которого пытается понять, почему, слушая проповедников ИГ, десятки тысяч иностранных мусульман едут в «Исламское государство». Таким образом, Вуд хочет побывать в шкуре этих людей и понять, как видят мир проповедники ИГ. Он избегает ошибок большинства западных журналистов, – в отличие от них, он не занимает ничью сторону, для него эти беседы – «стыдное интеллигентское развлечение», которое приводит его к выводам, отличным от тех, которые можно увидеть в мейнстримных медиа.

Первой его остановкой становится Лондон, где он встречается с тремя бывшими членами запрещённой исламистской группы Аль Мухаджирун («Эмигранты»): Анджемом Чоудари, Абу Бараа и Абдулом Мухидом. Все они хотели ехать в «Исламское государство», но у них вовремя забрали паспорта. Они встретились с Вудом, чтобы объяснить, «за что борется Исламское государство и как его политика отражает божественный закон». Чоудари – британский адвокат, который в телевизионных передачах с пеной у рта защищает ИГ, пока ему не выключат микрофон. У Абу Бараа есть свой канал на Youtube, где он рассказывает про шариат. Разговор с каждым из них, пишет Вуд, был похож на разговор с одним и тем же человеком в трех разных масках.

Чоудари говорит, все мусульмане обязаны переселиться в халифат, в то место, где есть халиф и шариатский закон. Проблема, по мнению Чоудари, состоит в том, что шариат понимается ложно из-за тех стран, которые вводят его частично, как Саудовская Аравия, где отрубаят руки вора́м, но не

предоставляют социальную и экономическую справедливость. Это, по его мнению, может вызвать только ненависть к шариату. Абу Бараа говорит примерно то же самое, он обсуждает «велфер» – государственная программа для тех, кто не имеет источников дохода, он называет её «не политическим выбором ИГ, а политической обязанностью, определённой божественным законом». Чоудари так же пытается объяснить жестокость ИГ милосердием. «Он заявил мне, что государство обязано терроризировать своих врагов — оно имеет божественное повеление до смерти пугать их отрезанием голов, распятиями, порабощением женщин и детей, потому что это приближает победу и избавляет от продолжительных войн», – пишет Вуд.

Муса Серантонио, неофита пропагандиста из Мельбурна, поддерживающего ИГ в сети, журналист нашел через «несколько твитов, постов в Фейсбуке и видеоклипов, распространяемых сторонниками Исламского государства». Он приобрел культовый статус благодаря своим проповедям. Для него халифат — это «не только политическая сущность, но и средство к спасению». У него есть собственная интерпретация суннитского закона, например, Муса Серантонио полагает, что только «физически неповрежденный» мусульманин-мужчина из племени пророка Мухаммеда, курайшитов, имеет право стать халифом. С другой стороны, халиф хотя бы раз в год должен участвовать в битве. Поскольку Муса следует той традиции в исламе, которая гласит, что даже куска дороги было бы достаточно в качестве территории для халифата, он вылетает на Филиппины, чтобы там искать физически неповрежденного мужчину-курайшита, который возглавит мусульманский мир. Все это выглядело бы достаточно романтично и наивно, если бы это напрямую не касалось «Исламского государства». Журналист замечает, что Муса Серантонио и Анжем Чоудари могли легко переходить «от разговора о массовых убийствах и вечных мучениях к обсуждению достоинств вьетнамского кофе и сахарной выпечки, испытывая видимое удовольствие и от того, и от другого», но для них «краски нашего мира навсегда поблекли по сравнению с яркими гротесками мира

потустороннего». Ни Серантонио, ни Чоудари не выглядят как серьезные интеллектуалы, они просто слепо увлечены идеологией, психологически гораздо более действенной, чем любая гедонистическая концепция жизни.

Реакцией Вуда на подобные лекции – «многословные» и «довольно убедительные» – стал страх. Они были непоколебимы и ни один из его вопросов не заставил проповедников запнуться. «Эти люди изъяснялись с академической точностью, которая напоминала мне атмосферу хорошего университетского семинара», – пишет Вуд. Его напугало удовольствие от общения с ними, – это было страшно потому что «увлекательно и правдиво».

Как и многие западные журналисты, пишущие об ИГ, Вуд сравнивает джихадистов с Гитлером. Джордж Оруэл в рецензии на Майн Кампф писал, что никогда не мог испытывать неприязнь к Гитлеру из-за отношения к нему как к несправедливо обиженному человеку. «Если бы ему надо было убить мышь, он сумел бы создать впечатление, что это дракон», – пишет Оруэл. Вуд пишет, что то же самое чувствуют в отношении сторонников ИГ, «они верят, что участвуют в войне, которая больше, чем их собственные жизни, и что быть случайно сметёнными в этой драме, погибнуть на праведной стороне — это привилегия и счастье, в особенности, если это одновременно тяжкий крест».

Главное, что делает материал Вуда уникальным, – это то, что журналист находит в себе силы признать религиозную и интеллектуальную привлекательность ИГ и не боится столкнуться лицом к лицу с теми, кто легитимность «Исламского государства» не ставит под сомнение и таким образом завоевывает сердца молодых людей по всему миру. Для Вуда ИГ – это не сборище психопатов, не имеющих никакого отношения к исламу, это люди, обществом которых можно наслаждаться, но до определенного предела. Этот предел – понимание, что таких людей не переубедит ни контрпропаганда, объясняющая ложность доктрины ИГ, ни военные удары, способные только ограничить «казни и ужасы». «Исламское государство считает неизбежное исполнение своих пророчеств предметом догмы; это

ясно демонстрирует нам, какой волей к победе обладает наш враг», – пишет журналист. Джихадисты с радостью готовы встретить свое полное истребление, – они воспринимают его «как награду за следование заветам Пророка», и эта вера гораздо сильнее страха смерти. «Поэтому, – пишет Вуд, – с людьми, которых так тяжело переубедить, можно сделать очень мало. Это будет долгая война — пусть и не до конца времён».

Для того чтобы помочь читателям лучше понять эту систему, Вуд начал следующее путешествие, путешествие длиной в одну джихадистскую жизнь, – это была жизнь Яхьи Абу Хасана, в прошлом Джона Георгеласа, обычного американца греческого происхождения, позже ставшего ключевой фигурой в «Исламском государстве»¹⁷⁰. Героями этого материала стало практически все окружение Джона, отец, который воспитывает детей Джона и считает его своим «врагом до Судного дня», его бывшая жена, которая провела почти десять лет в качестве странствующего джихадиста, смогла вернуться из Сирии и сейчас ведет жизнь «безбожной дамы из северного Далласа», его коллеги и бывшие учителя. Именно их истории позволили Вуду наиболее подробно сконструировать психологический портрет джихадиста, который стал одним из «лидеров» ИГ и «духовным учителем» для многих людей «Исламского Государства».

Журналист описывает Яхью как англоязычного обращенного исламиста с большими связями в группировке, у которого хватило дерзости «вызвать самого Багдади на смертный бой», когда тот тянул с провозглашением халифата. В «Исламском Государстве» он приверженец «захиритского мазхаба», – школы права, сутью которой является буквальное толкование Корана и сунны, но его путь к ИГ не так прост, как кажется на первый взгляд. 30 лет назад, когда Джону было 11 лет он был «болезненным», «одиноким» и «подавленным» мальчиком, в свободное время он «обращался к Богу» и привязался к греческой православной церкви. Он был ребенком

---

¹⁷⁰ Wood Graeme. The American Climbing the Ranks of ISIS. // [Электронный ресурс] // The Atlantic. 25.01.2017. / URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2017/03/the-american-leader-in-the-islamic-state/510872/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

военнослужащего, но не обладал нужным темпераментом для военной карьеры. Вместо этого, замечает Вуд, как и многие дети военнослужащих, он «курил траву, употреблял ЛСД и ел галлюциногенные грибы. Он ненавидел отца, который наказывал его за наркотики, и ненавидел власти США за криминализацию употребления веществ».

Его знакомство с исламом произошло в городке Колледж-Стейн, где он изучал философию. Поверхностная лекция об исламе привела Джона в бешенство, – он хотел получить больше информации от местных мусульман. Уже в 18 лет, в 2001 году, когда «пепел Всемирного торгового центра еще не остыл», Джон обратился в мусульманство. Его обращение в ислам было формой протеста, – именно про это говорит антрополог Алена Берто, называя современный джихадизм «исламизацией радикального бунта».

Вуд, анализируя жизнь Джона, приходит к выводу, что его история идеально подходит под распространенное описание жизни многих неофитов, – упущенные возможности, личный кризис (в случае Джона слабое здоровье в детстве) «вызывает экзистенциальные размышления, приводящие к исследованию религии». Кроме того, автор замечает, что у большинства джихадистов «намного лучше развито левое, количественно-аналитическое полушарие мозга», а значит «образ мышления этой дисциплины предрасполагает некоторых людей к джихадизму», а Джон был как раз инженером. Однако есть то, что отличает Джона Георгеласа от других джихадистов-инженеров.

За полгода пребывания в Дамаске он и не думал становиться радикальным салафитом, больше всего его привлекал суфизм, он видел себя мусульманским мистиком, который «стремится к единству с Богом через поэзию, танец или песню». За полгода пребывания в Дамаске он выучил классический арабский, «отточив свой уровень до такого, что редко встречается даже среди образованных носителей языка». Однако путь от суфия до нетерпимого джихадиста оказался недолгим, британские мусульмане, более жестокие в своем подходе к вере быстро убедили его

следовать подходу бен Ладена, враждебного к суфизму. Такой простой подход к религии, замечает Вуд, хорошо подходил для технаря-самоучки Яхьи, который вскоре вместе с 19-летней женой Таней уехал строить халифат.

Материал Вуда позволяет понять не только психологию «духовного лидера» джихада Яхьи, но и то, что происходит с человеком, вернувшимся с джихада. Этим человеком была его жена Таня, которая повсюду следовала за своим мужем, «поддерживала рабство, идею апокалипсиса, полигамию и убийства», и основной своей миссией видела вырастить семерых мальчиков, «вырастить их воинами Аллаха – по одному на каждый континент». Вскоре она устала от войны и начала жаловаться Яхье на то, что они прибыли на войну без каких-либо обсуждений — «Почему ты так поступил с нами?» — он процитировал хадис: «Суть войны в обмане». Она разочаровалась в обмане, уехала из Сирии и стала агностиком. Автор замечает, что сейчас она «стильно одевается, то и дело обнажая плечи, а некоторые пряди своих темных волос она осветлила». «Она еще только немного старше тридцати, и выглядит она свободной, можно даже сказать, заново родившейся», — пишет Вуд. Важно, что историю разочарования Тани могут увидеть огромное количество девочек, мечтающих стать «невестами джихадистов», романтический образ воинов не дает им осознать, что их ждет в Сирии, но когда они будут на месте, они уже не смогут вернуться, как это сделала Таня, которая сейчас надеется на то, что Бог простит ей её слабость.

Сейчас Яхья — главный источник высококлассной пропаганды на английском языке, которая в большом количестве выпускается в пропагандистских журналах ИГИЛ — «Дабике» и «Румийе». И он лучше всех знает, «как говорить с американцами, как их напугать, как их завербовать, как сделать войну Исламского государства их войной». Главное, что дал ему джихадизм, по мнению его отца, это то, что «впервые в жизни он находится в том положении, когда подражать могут ему».

Показывая слабость бывшего окружения Яхьи, в том числе и его родителей, журналист замечает, что они до сих пор не могут поверить в то,

что Яхья превратился в хладнокровного, жестокого и властного человека. «Их неспособность воспринимать джихадизм как реальный продукт мысленного труда мешает им осознать этот факт», – пишет он. Им, замечает он, видимо, подразумевая и всех представителей западной цивилизации, намного тяжелее принять правду, — то, что именно джихадизм помогает молодым людям со всего света найти себя и свою идентичность, родителям Яхьи то, что их сын, который «столько раз проваливался в предыдущих начинаниях, все-таки нашел свое призвание».

В другой статье TheAtlantic¹⁷¹ рассказывает про двух успешных студентов из США, Джалин и Мо, которые были разочарованы тем, как ИГ изображается в их стране, включая рассказы об использовании ИГ сексуального рабства. Но не это их направило в Сирию, замечает автор, в письмах, написанных их семьям перед отъездом, Джалин и Мо ничего не говорили об ИГ, недоверию к американским СМИ. Вместо этого они говорили о безнадежности.

Героями материалов TheAtlantic становятся живые люди, которыми можно восхищаться или ненавидеть, но уж точно не игнорировать, потому что то зло, в которое они верят, становится частью нашей повседневной жизни. Их портреты, их слова и их действия помогают нам лучше понять эту систему, систему, ради которой они готовы умирать. Для того чтобы понять, с чем мир столкнулся, Вуд превратил свои статьи в книгу под названием «Путь чужаков: встречи с Исламским государством». Название книги отсылает к хадису, который часто цитируют проповедники ИГ: «Посланник Аллаха, мир ему и благословение, сказал: “Ислам пришел чуждым и возвратится чуждым, как начался. Блаженны же те, кого считают чуждыми”». Сторонники Исламского государства рады быть «другими» для всего мира, они гордятся своей инаковостью и считают её доказательством того, что большинство

---

¹⁷¹Green Emma. How Two Mississippi College Students Fell in Love and Decided to Join a Terrorist Group. // [Электронный ресурс] // The Atlantic. 01.05.2017. / URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/05/mississippi-young-dakhlalla/524751/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

мусульман сошли с верного пути и подчинились человеческим слабостям, демократии и правам человека.

Вуд помогает нам понять, что проблематика ИГ намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. «Исламское Государство» и весь мир заняты одним и тем же фундаментальным вопросом, – поиском своей идентичности. То, что лежит в основе нашего страха перед жестоким исламистским образованием, – это ответ на вопрос «Кто мы?». И чем выше ощущение страха перед повседневностью терактов и кровавых казней, тем громче становятся вопрошающие голоса людей со всего мира, с каждым терактом все больше переходящие в крик о помощи.

Таким образом, существует разный подход к феномену Исламского Государства в западных СМИ. В то время как одни становятся игрушкой в руках медиастратегов ИГ и создают вокруг ИГ ореол непобедимости, обеспечивая группу постоянным присутствием в медиапространстве, другие пытаются критически осмыслить деятельность группировки, в том числе и её пиар-стратегию по использованию западных каналов по распространению информации. Последние, в попытке дотянуться до понимания сложного с точки зрения символики феномена, объясняют его с помощью нескольких моделей, которые почти не затрагивают «ценностную» составляющую вопроса. Это происходит из-за существования определенного страха в представлении джихадистов как «борцов за правое дело». Единственные, кто не боится поднять не самый привлекательный с точки зрения либеральной идеологии вопрос, это журналисты американского журнала *The Atlantic*, на страницах которого джихадисты представляются как живые люди, – со своими желаниями, мечтами, страхами и устремлениями. Люди, которые находят свое предназначение в служении Исламскому Государству, сбегая от давления материального мира лишенного справедливости в мир красочных фантазий Халифата, где есть место смерти ради «великого дела джихада», где жизнь больше не кажется бессмысленной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он является проявлением добродетели, он — не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде», — писал Максимилиан Робеспьер в труде «О принципах политической морали»¹⁷². Если в мирное время оружием народа является добродетель, то во время революции его оружием становится и добродетель, и террор одновременно: добродетель, без которой террор обречен на гибель, террор, без которого добродетель бессильна. Исследование феномена Исламского Государства подвело нас к выводу, что ИГ — это террор, во многом существующий благодаря «тотальной экстраполяции Добра»¹⁷³, исключению из западной системы любой формы негативного и любой противостоящей силы. Но усиление Добра не предполагает гибель Зла — скорее зло принимает еще более радикальные формы и становится единственной альтернативой для тех, кто не нашел себе место в «мире Света».

Поэтому когда бельгийская полиция блокирует охваченный страхом Брюссель, президент Франции Франсуа Олланд вписывает очередной теракт в Париже в контекст глобальной войны с террором, самолеты США и России усиливают воздушные атаки в Сирии после еще одной резни, совершенной от имени «Исламского Государства», легко упустить из виду главный факт. Пули, бомбы и тем более хаос войны не только не останавливают распространение радикального исламизма, но, кажется, только способствуют его усилению.

Менее чем через два года исламисты установили власть над сотнями тысяч квадратных километров и миллионами людей. ИГ обладает самой

---

¹⁷² Робеспьер М. Избранные произведения. О принципах политической морали. М.: Наука, 1965. т. 3. С. 106-156.

¹⁷³ Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : РИ-ПОЛ классик, 2016. - С. 145.

большой и самой разнообразной волонтерской силой со времен Второй мировой войны, что подтверждается статистикой присоединившихся к ИГ рекрутов. Слишком много факторов повлияло на формирование феномена Исламского Государства. В своей работе мы попытались описать каждый из них – начиная с падения Османского халифата, развития исламистской идеологии и заканчивая крушением биполярной системы и установлением правления одного мирового гегемона, предлагающего западному обществу «общий знаменатель» в виде культуры постмодерна.

Нами было выяснено, что в формировании теории и практики «глобального джихада» большое значение имеет развитие идеологии исламизма или исламского фундаментализма. Во многом и «Аль-Каида», и «Исламское Государство» являются продуктами исламистской идеологии. Они впитали её в наиболее радикальных формах, среди которых понимание джихада как борьбы против неверных и вооруженного сопротивления.

Однако феномен ИГ полностью не объяснить ни с помощью исламизма, ни тем более с помощью ислама. Скорее нами был сделан вывод о том, что сами исламисты преувеличивают роль религии в истории, а противники ислама, в свою очередь, ошибочно обвиняют ислам в том, что происходит сейчас в исламском мире. В итоге радикалы-джихадисты и радикалы-исламофобы вместе раскручивают спираль ненависти и поддерживают достаточный для существования друг друга уровень насилия.

Но что еще важнее, феномен Исламского Государства не объяснить и с помощью теории насильственного экстремизма, отчаянно пропагандируемого политиками и средствами массовой информации. Провал «войны с террором» начинается со страха, гневной реакции и чувства мести, что порождает еще больше жестокости и насилия. В этих условиях лишь единицы находят в себе силы, чтобы попытаться понять глубинные причины, породившие мировое движение революционного характера. А ведь такое понимание жизненно необходимо, поскольку главной проблемой сегодня становится не военное и даже не идеологическое противодействие терроризму в целом, а

противодействие ценностное. То, что ООН расценивает как бессмысленные акты ужасного насилия, для последователей ИГ – часть «возвышенной» кампании по очищению мира через жертвоприношение. «Знайте, что Рай находится под тенью мечей», – гласит один из хадисов. Это главный девиз бойцов ИГ.

На наш взгляд, обращение с «Исламским Государством» как с одной из форм терроризма или насильственного экстремизма маскирует истинные причины и масштабы угрозы. ИГ мало чем отличается от революционно-романтических движений, упивавшихся кровью на протяжении всей истории человечества. Каждая революционная идея прошлого была «экстремистской» по сравнению с тем, что было нормой раньше, и каждая из них, будь то коммунизм, фашизм или национализм, содержала в себе великую идею спасения.

Однако феномен ИГ стал выразителем духа именно современной эпохи, наступившей в масштабах всей планеты. Это эпоха постмодерна – эпоха «жонглирования словами, слоганами и дискурсами»¹⁷⁴ и отказа от больших «нарративов». За утратой больших смыслов последовали разговоры о закате постмодернизма, наиболее ярким примером преодоления которого как раз и стало появление ИГ. Эта группировка является характерным социально-политическим феноменом современности, предлагая мир, наполненный новыми смыслами, и удовлетворяя желания тех, кому нынешняя реальность не дает ответы на основные экзистенциальные вопросы.

Мы проанализировали как единицы контента, создаваемого медиаактивистами ИГ, так и способы его распространения. В итоге мы пришли следующему выводу. Несмотря на то, что пропаганда радикальных исламистских организаций уступает Западу по разнообразию контента, их призыв к насилию эффективен для тех, кто хочет сразу приступить к

---

¹⁷⁴ Кузнецов В. Ближний Восток: постмодерн ушёл вчера. // [Электронный ресурс] // Russian International Affairs Council. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7469#top-content (Дата обращения: 21.05.2017)

вооруженной борьбе, и для тех, кто хотел бы найти альтернативу «западному проекту». Но не столько видео и социальные сети убеждают некоторых людей присоединиться к ИГ, сколько возможности, предлагаемые социальными сетями, особенно двусторонняя межличностная коммуникация и способность к убеждению отдельных проповедников.

Мы выяснили, что для привлечения новых сторонников ИГ «паразитирует» на нескольких вечных идеях. Среди них – идея духовности, моральной чистоты, героизма и социальной справедливости. Часто эти идеи находят отклик в сердцах бунтующей молодежи, не отличающейся особенной религиозностью. Они выступают на волне радикального ислама, и это становится выходом для их нигилизма. Это неудивительно – «Исламское государство» представляет собой самое грандиозное и влиятельное контркультурное движение и самую очевидную противоположность Западу. ИГ хорошо отреагировало на разочарование и мечты тысяч молодых людей и заполнило пустоту, которую Запад пока заполнить не смог.

Мы определили, что главным инструментом ценностного противодействия для террористов становится смерть. То, что террористы целенаправленно ищут собственной смерти – это именно та стратегия, которая отличает современных террористов от их предшественников. Поэтому в ответ на сообщения мировых СМИ о том, как женатая пара смертников взорвала себя и оставила дочь сиротой, редакторы исламистского издания «Дабик» выпускают журнал с фотографией маленькой пуховой кроватки девочки и подписью «Не удержались от исполнения своего долга, несмотря на дочь».

В исследовании сделан вывод о том, что на руку джихадистам работает не только их собственная пропаганда, но и западные медиа. Ограниченные новостным менеджментом, они создают вокруг джихадистов непобедимый ореол борьбы. На основе комментариев исследователей проблемы радикализации молодых людей и идеологии ИГ мы выделили несколько стратегий или альтернативных «нарративов», позволяющих разрушить столь

привлекательный образ «Халифата». Для того чтобы понять, как в западных СМИ представлен феномен ИГ и придерживаются ли западные медиа данных стратегий, мы проанализировали больше 200 публикаций трех влиятельных западных изданий – британских *The Guardian*, *The Economist* и американского журнала *The Atlantic*.

Мы выяснили, что к попыткам объяснить феномен ИГ авторов *The Economist* и *The Guardian* в основном подталкивают актуальные события, будь то казнь Фоули или появление двух британцев в ИГИЛ. Первые два издания в стремлении дотянуться до понимания сложного феномена объясняют его с помощью нескольких моделей. Если же авторы и пытаются понять, почему люди уезжают в «Халифат», то обычно они прибегают к описаниям методов рекрутинга, практически не затрагивая «ценностную» составляющую вопроса. Это вызвано вполне объяснимым страхом изображать джихадистов в качестве «борцов за правое дело».

Журналисты *The Atlantic*, в свою очередь, не скрывая ужаса от идеологии Зла, демонстрируют более глубокое понимание вопроса. Они представляют джихадистов как живых людей с собственным пониманием идеального устройства мира, надеждами на Халифат и возвращение миру «духовной чистоты». Описывая судьбу одного из террористов ИГ, журналист совершает путешествие длиной в одну джихадистскую жизнь. Он рассказывает о судьбе Яхьи Абу Хасана, в прошлом Джона Георгеласа, обычного американца греческого происхождения, позже ставшего ключевой фигурой в «Исламском государстве». Эта история помогает ответить на самый важный вопрос: почему люди со всего мира покидают свои комфортные дома для того, чтобы сражаться под флагом ИГ и умирать? Журналист находит ответ: тяжелее всего нам принять правду о том, что именно джихадизм помогает многим молодым людям со всего света найти себя и свою идентичность¹⁷⁵.

---

¹⁷⁵ Wood Graeme. The American Climbing the Ranks of ISIS. // [Электронный ресурс] // *The Atlantic*. 25.01.2017. / URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2017/03/the-american-leader-in-the-islamic-state/510872/> (Дата обращения: 21.05.2017.)

Несмотря на частичное выполнение предложенных критериев по противодействию ИГ, журналисты не способны противодействовать этому динамичному, контркультурному движению, которое предлагает миру нечто больше, чем просто «план насилия». Ведь речь идёт о заманчивой миссии по изменению и спасению мира. А если это сообщение находит своего адресата, значит, ИГ смогло задеть какой-то важный «нерв эпохи» и предложить идеологию, которая кажется привлекательной миллионам людей на Ближнем Востоке и за его пределами которая помогает им найти утраченные «священные смыслы».

Очевидно, что провозглашаемые ИГИЛ ценности и идеалы не соответствуют той жуткой реальности, которую террористы создают в Сирии и Ираке. Но одно абсолютно ясно: глубокая приверженность идеологии Исламского Государства и отчаянное желание отдать жизнь за «великую идею» вкупе с представлением джихадистов как главного мирового Зла еще долго будут поддерживать исламистское движение. И это будет происходить до тех пор, пока цивилизованный мир не предложит ценности, сопоставимые с ИГ по степени привлекательности.

История показывает, что большинство из сохранившихся ныне цивилизаций имели свои священные ценности, за которые люди отчаянно боролись, рискуя собственной жизнью и не идя ни на какие компромиссы. Так же они борются и сейчас. Это будет долгая война, хоть и не до конца времен, как это представляют апологеты Исламского Государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**Документы****Книги, монографии, сборники*****На русском языке:***

1. Арендт Х. О насилии. – Мораль в политике. Хрестоматия. М., 2004.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
3. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. М., 2016.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть: перевод и вступительная статья С. Н. Зенкипа М., 2000.
5. Вайс М. Исламское государство: Армия террора/ Майкл Вайс, Хасан Хасан; пер. с англ. М., 2016.
6. Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003.
7. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / М., 2002.
8. Жирар Р. Насилие и священное. – М., 2000.
9. Кепель Жиль, Джихад: Экспансия и закат исламизма / пер. с фр. В. Ф. Денисова. М., 2004.
10. Мирский, Г. И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты М., 2008.
11. Мирский Г. И. Ислам, исламизм и современность // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011.
12. Оруэлл Д. Избранное; пер. с англ. В. Гольшева. М., 1989.
13. Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М., 2001.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
15. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2003.
16. Хофмайстер Х. Теория террористической войны. // Homo philosophans. Серия «Мыслители», Выпуск 12. / Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. СПб., 2002.

17. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003.
18. Эмануилов Р. Я., Яшлавский А. Э. Террор по имя веры: религия и политическое насилие. М., 2011.
19. Эрель А. Я была джихадисткой: Расследование в центре вербовочной сети ИГИЛ/ пер. с фр. О. Е. Ивановой. М., 2016.

На иностранных языках:

20. Alex P Schmid and J de Graaf, Violence as Communication: Insurgent Terrorism and the Western News Media(London: Sage Publications, 1982).
21. «Countering Daesh Propaganda: Action-Oriented Research for Practical Policy Outcomes» / The Carter Center. Atlanta, February 2016.
22. Esposito J.L. The Islamic Threat: Myth or Reality? N.Y.: Oxford University Press, 1992.
23. Luders M. Feudaler Kern in moderner Hulle // Das Parlament. 2007. Nr. 50. 10 Dezember.
24. Lt Col Dave Allen, GBR-A; Will Cafferky; Abdallah Hendawy; Jordache Horn; Karolina MacLachlan; Stefanie Nijssen; Eleonore Vidal de la Blache. THE BIG SPIN: Corruption and the growth of violent extremism/ Transparency International UK. February 2017.
25. Norris P., Kern M., and Just M. Framing Terrorism // In: Framing Terrorism: The News Media, the Government, and the Public / Ed. P. Norris, M. Kern, and M. Just. – New York, 2003.
26. Riedel Bruce. The Search for Al Qaeda: Its Leadership, Ideology, and Future. Brookings Institution Press. Washington D.C., 2010.
27. Wright L. The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11. NY, 2006.

28. Евсеев А. Ю., Лабуш Н. С., Пую А. С. Информационные технологии и терроризм: теория и современная практика. Учеб. пособие. СПб., 2004.

Электронные ресурсы

На русском языке:

29. Мирский Г. И. Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, июль 2015. М., 2015. (дата обращения: 21. 05. 2017).

30. Артем А. Кобзев. Справедливости в исламе ищут, не находя ее в светском государстве. // [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/27/islamists/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

31. «Джихад: конъюнктурная идеология отверженных с западными денотатами (Интервью с Оливье Руа)» [Электронный ресурс] // Исламовед.ру. URL: <http://islamoved.ru/2016/dzhihad-konyunkturaya-ideologiya-otverzhennyh-na-zapadnom-detonate/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

32. Доклад Oxfam. Волки с Уолл-Стрит. // [Электронный ресурс] // Euronews. 16.01.2017. URL: <http://ru.euronews.com/2017/01/16/oxfam-report-shows-widening-disparity-between-rich-and-poor> (дата обращения: 21. 05. 2017).

33. Колозариди П., Ильин А. DАВІQ, пропагандистский журнал Исламского государства, 9 выпуск. Рецензия. [Электронный ресурс] // ИСЛАМСКОЕ МЕДИАГОСУДАРСТВО. URL: <http://pircenter.org/media/content/files/13/14374626350.pdf> (дата обращения: 21. 05. 2017).

34. Кортунув А. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. // [Электронный ресурс] // Russian Council. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=8641#top-content (дата обращения: 21. 05. 2017).

35. Корягин В. «Наклевали беду» [Электронный ресурс] // Интернет-издание Лента.ру URL: <https://lenta.ru/articles/2015/11/15/ismedia/> (дата обращения: 21. 05. 2016).
36. Кузнецов В. «Ближний Восток: постмодерн ушёл вчера» [Электронный ресурс] // Russian International Affairs Council. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7469#top-content (дата обращения: 21. 05. 2017).
37. Малашенко А. Будем знакомы: ислам. // [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/5/ma11.html> (дата обращения: 21. 05. 2017).
38. Мозжухин А. Рождение халифата. // [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/12/halifat/> (дата обращения 21. 05. 2017).
39. Натитник А., Малашенко А. Ислам и Запад: конфликт идентичностей. // [Электронный ресурс] // Harvard Business Review. URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/ekonomika/a15408/> (дата обращения: 21. 05. 2017).
40. Нечитайло Д. А. Пропаганда «Аль-Каиды» и современные информационные технологии // Институт Ближнего Востока, 18.04.2013. URL to article: <http://www.iimes.ru/?p=17277> (дата обращения: 21. 05. 2017).
41. Родькин П. «Эстетика смерти как оружие терроризма» [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: http://ria.ru/zinoviev_club/20151222/1346827973.html (дата обращения: 21. 05. 2017).
42. Туровский Д. «Был гастарбайтером — стал боевиком Как трудовые мигранты уезжают в «Исламское государство» [Электронный ресурс] // Интернет-издание Медуза URL: <https://meduza.io/feature/2015/04/20/byl-gastarbayterom-stal-boevikom> (дата обращения: 21. 05. 2017).

43. Туровский Д. «Следы «Исламского государства» Даниил Туровский — о том, как крупнейшая террористическая организация проникает в Россию» [Электронный ресурс] // Интернет-издание Медуза URL: <https://meduza.io/feature/2015/06/30/sledy-islamskogo-gosudarstva> (дата обращения: 21. 05. 2017).

44. Хрулёва Т. Произошла не радикализация ислама, а исламизация радикализма. // [Электронный ресурс] // Росбалт. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2016/11/16/1567655.html> (дата обращения: 21. 05. 2017).

45. «Экономический аспект терроризма смертников» [Электронный ресурс] // образовательный проект postnauka.ru. URL: <http://postnauka.ru/video/11858> (дата обращения: 21. 05. 2017).

На иностранных языках:

46. Atran Scott. ISIS is a revolution. // [Электронныйресурс] // aeon. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution> (дата обращения: 21. 05. 2017).

47. «How Islamic State is training child killers in doctrine of hate» [Электронный ресурс] // the guardian URL: <http://www.theguardian.com/world/2016/mar/05/islamic-state-trains-purer-child-killers-in-doctrine-of-hate> (дата обращения: 21. 05. 2017).

48. Olivier Roy. Who are the new jihadis? // [Электронныйресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/news/2017/apr/13/who-are-the-new-jihadis> (дата обращения: 21. 05. 2017).

49. Peter R. Neumann. Foreign fighter total in Syria/Iraq now exceeds 20,000; surpasses Afghanistan conflict in the 1980s. // [Электронный ресурс] // ISCR. 26.01.2015. URL: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

50. «Why ISIS Is Winning the Social Media War»» [Электронный ресурс] // Wired magazine URL: <http://www.wired.com/2016/03/isis-winning-social-media-war-heres-beat/#slide-2> (дата обращения: 21. 05. 2017).
51. «Zawahiri's Letter to Zarkawi (English Translation)» [Электронный ресурс] Combating Terrorism Center in West Point, October 2013, www.ctc.usma.edu/posts/zawahiris-letter-to-zarkawi-english-translation-2. (дата обращения: 21. 05. 2017).

Эмпирические материалы

52. The Economist. 15-21 August 2015.
53. The Economist. 1-7 November 2014.
54. The Economist. August 15TH–21ST 2015.
55. The Economist. May 9th-15th 2015.
56. The Economist. February 28TH–March 6TH 2015.
57. Chulov Martin, Ackerman Spencer, Lewis Paul. Iraq crisis: Iran and US join fight against Sunni jihadis of Isis. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 14.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/13/us-iran-fight-jihadis-iraq> (дата обращения: 21. 05. 2017).
58. Goldfarb Michael. Mosul was magical once, but now it's stalked by death. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 13.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jun/13/mosul-iraq-stalked-by-death-armed-isis-militants> (дата обращения: 21. 05. 2017).
59. Green Emma. How Two Mississippi College Students Fell in Love and Decided to Join a Terrorist Group. // [Электронный ресурс] // The Atlantic. 01.05.2017. / URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/05/mississippi-young-dakhlalla/524751/> (дата обращения 21. 05. 2017).
60. Hassan Hassan. Isis, the jihadists who turned the tables. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 10. 08. 2014. / URL: <https://>

www.theguardian.com/world/2014/aug/10/isis-syria-iraq-barack-obama-airstrikes (дата обращения: 21. 05. 2017).

61. Ian Black, Rania Abouzeid, Mark Tran, Shiraz Maher, Roger Tooth and Martin Chulov. The terrifying rise of Isis: \$2bn in loot, online killings and an army on the run. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 14.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/16/terrifying-rise-of-isis-iraq-executions> (дата обращения: 21. 05. 2017).

62. Iraqi in crisis as Isis targets Baghdad - in pictures. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 12.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/gallery/2014/jun/12/iraqi-in-crisis-as-isis-targets-baghdad-in-pictures> (дата обращения: 21. 05. 2017).

63. Jason Burke. Brussels attacks: were they revenge for Abdeslam's arrest? // [Электронный ресурс] // The Guardian. 22.03.2016. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/22/brussels-attacks-show-how-global-terror-networks-act-local> (дата обращения: 21. 05. 2017).

64. Mahmood Mona. Voices from Mosul: 'The cities are fallen into their hands' . // [Электронный ресурс] // The Guardian. 11.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/11/voices-from-mosul-cities-falling-into-isis-hands> (дата обращения: 21. 05. 2017).

65. Orr Deborah. Francis P. We can refuse to view James Foley's murder, but Isis has still infected our minds. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 22.08.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/22/james-foley-murder-isis-infected-our-minds> (дата обращения: 21. 05. 2017).

66. Roberts Dan. Obama pledges US support to Iraq as Isis militants approach Baghdad. // [Электронный ресурс] // The Guardian. 12.06.2014. / URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/12/obama-pledges-us-support-iraq> (дата обращения: 21. 05. 2017).

67. Wood Graeme. The American Climbing the Ranks of ISIS. // [Электронный ресурс] // The Atlantic. 25.01.2017. / URL: <https://>

www.theatlantic.com/magazine/archive/2017/03/the-american-leader-in-the-islamic-state/510872/ (дата обращения: 21. 05. 2017).

68. Wood Graeme. What ISIS Really Wants.// [Электронный ресурс] // TheAtlantic. Выпуск за март 2017. / URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980/> (дата обращения: 21. 05. 2017).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

THE AMERICAN CLIMBING THE RANKS OF ISIS

John Georgelas was a military brat, a drug enthusiast, a precocious underachiever born in Texas. Now he is a prominent figure within the Islamic State. Here's the story of his long and troubling journey.

At dawn on a warm September morning in 2013, a minivan pulled up to a shattered villa in the town of Azaz, Syria. A long-bearded 29-year-old white man emerged from the building, along with his pregnant British wife and their three children, ages 8, 4, and almost 2. They had been in Syria for only about a month this time. The kids were sick and malnourished. The border they'd crossed from Turkey into Syria was minutes away, but the passage back was no longer safe. They clambered into the minivan, sitting on sheepskins draped on the floor—there were no seats—and the driver took them two hours east through a ravaged landscape, eventually stopping at a place where the family might slip into Turkey undetected.

They disembarked amid a grove of thorny trees. Signs warned of land mines. The border itself was more than an hour's walk away, through the desert. They'd forgotten to bring water. Tania dragged the puking kids along; Yahya carried a suitcase and a stroller. Midway, Tania had contractions, although she was still several months from her due date. They continued on. At the border itself, while the family squeezed through the barbed wire, a sniper's bullets kicked up dirt nearby.

Yahya had arranged for a human trafficker to meet them, and when the trafficker's truck arrived, Yahya pressed a few hundred dollars into the man's hand. Yahya and Tania had been married for 10 years, but they did not say goodbye. Satisfied that his family would not die, Yahya turned and ran across the border, back into Syria—again under gunfire—without even a wave.

The trafficker drove Tania and the kids a short distance into Turkey, then dropped them by the roadside without food or water and sped off. Tania carried the children and luggage toward the nearest town. The day ended with the intercession of a stranger on a motorcycle, who helped carry their things to a bus station. Tania started to leak amniotic fluid due to the journey, and she spent the next weeks recovering in Istanbul, and then with family in London. Six months pregnant, she weighed 96 pounds.

As his family traveled to London, relieved to have escaped the worst place on Earth, Yahya felt relief of his own—he could now pursue his dreams unencumbered by a wife and children. He felt liberated. He carried visions of the caliphate yet to be declared, and ideas for how to shape it. These thoughts were not idle. Yahya, by then, had a small but influential following, and his calm erudition had won him the respect that his teachers and parents had withheld during his youth. His own destiny seemed to be converging with that of the world's. It was the best day of his life.

I first heard the name Yahya Abu Hassan in 2014, while reporting on an article for this magazine about the rise of the Islamic State. I was in a suburb of Melbourne, talking with Musa Cerantonio, an Australian convert to Islam who has served as an unofficial spiritual guide to many English-speaking followers of the group, about its history and theology. (He is now in jail, charged with attempting to travel to Islamic State territory.)

In our earliest conversations, Cerantonio mentioned a fellow convert—a “teacher” or “leader,” he called him—who had done much to prepare Muslims for the religious obligations that would kick in once a caliphate had been established. Cerantonio spoke of his teacher with awe. Yahya

was deeply devoted to the idea of the caliphate, he said, and showed a staggering mastery of Islamic law and classical Arabic language and literature. Jihadists in Syria knew him by reputation, and they honored him when they met him.

Cerantonio said that in early 2014, Yahya had pressed the leaders of what was then the Islamic State of Iraq and al-Sham (isis) to declare a caliphate. He began preaching that the conditions for the declaration of a valid caliphate had been met—the group held and governed territory, and its leader, Abu Bakr al-Baghdadi, was a physically and mentally fit male of Qurayshi descent, capable of ruling according to Sharia. Delaying further would mean disregarding a fundamental obligation of Islam.

Yahya had developed a relationship with Abu Muhammad al-Adnani, the group’s spokesman, chief strategist, and director of foreign terror operations. “Yahya was like this with Adnani,” Cerantonio told me, pressing his fingers together. Yahya met with Adnani near Aleppo and warned him that Baghdadi would be in a state of sin if he did not promote himself to caliph immediately. Yahya and his allies had prepared but not yet sent a letter to the emirs of the isis provinces, airing their displeasure at his failure to do so. They were ready to make war on Baghdadi if he delayed further. Adnani replied with good news—that a caliphate had already been declared secretly, months before, and that it would soon be publicly announced.

Yahya shared the update with Cerantonio, who leaked word of the caliphate declaration on Facebook. Within weeks the official public declaration took place in Mosul, Iraq, and Yahya immediately pledged himself to Baghdadi, urging others to do likewise.

The figure of Yahya—an English-speaking convert within isis with powerful connections and the cojones to challenge Baghdadi to a death match—intrigued me. But Cerantonio didn’t elaborate on his identity and referred to him only by an alias, in the traditional Arabic style, with his first name and the name of his firstborn: Yahya, father of Hassan. He said Yahya was a fellow Dhahiri—a member of an obscure, ultra-literalist legal school that had enjoyed a sort of revival within the Islamic State. He didn’t, or wouldn’t, say more. I wrote down the name and committed to investigating Yahya later.

Soon enough, I began collecting clues to his identity. In early 2015, a pro-Islamic State Twitter user (his handle identified him as a “swordsmen”) wrote to me and advised me to contact “Abu Yahya” to learn more about the group. The name resembled Yahya Abu Hassan’s closely enough to lead me to believe he was the same person Cerantonio had mentioned. The Twitter user claimed Yahya was Greek. “He is on the field”—in the war zone—“and part of the IS,” the swordsmen wrote. “A great mind and a trustworthy student.”

He then shared a link to a website that featured a collection of Dhahiri writings by Cerantonio and a few others—including a “Yahya al-Bahrumi.” In fluent Arabic and English, Yahya wrote prolifically about many jihadist subjects. He projected calm even in his most grotesque opinions, and wore the label *irhabi* (“terrorist”) with pride:

This word (“terrorist”) has also been cast as an insult and has been received as such. But *irhab* [“terror”] itself is something notable scholars have declared obligatory and supported verbatim by the Qur’an itself.

He called for emigration to lands where Sharia would be fully enforced, and wrote that choosing not to emigrate was a form of apostasy:

Call me extreme, but I would imagine that all of those who willingly choose to live among those with whom Muslims are at war are themselves at war with Muslims—and as such, are not actually Muslims.

Get out if you can—not only in support of your brothers and sisters whom your taxes have been killing, but also to protect yourselves from the punishment Allah has ordained for those who betray the nation.

He called for Muslims to hate, fight, and kill infidels—among whom, he said, were many so-called Muslims who nullified their faith by neglecting prayer, deviating from the narrow literalism of his interpretation of scripture, or, in the case of rulers, not instituting the brutal system of justice for which the Islamic State was then becoming famous.

In dozens of articles posted over several years, Yahya demonstrated knowledge of classical Arabic—the notoriously difficult language of educated religious speech—and familiarity with Islamic sources and history. His Arabic was stunning even to Cerantonio, an extremely self-confident religious autodidact. Cerantonio told me that another Muslim in their internet discussion group had once challenged a theological point Yahya had made. “Then Yahya did something that shocked us all,” Cerantonio said. “He responded to the guy in traditional Arabic poetry that he devised off the top of his head, using the guy’s name in the poetry, explaining the situation, and answering his objections.” For any claim, it seemed, Yahya could instantly spout textual support, and confronted with any counterclaim, he could undercut the argument with a sweep of the leg.

The website the swordsman had pointed me to included a narrative biography and a small photo of Yahya, its founder. The picture showed a bearded, bespectacled young man with a Kalashnikov over his shoulder. He was dressed for cold weather, as if in preparation for a night raid or patrol. When I saw him, I wondered when I had last seen someone looking so content.

As for the biography itself, nearly every word showed signs of careful selection, including his name, Bahrumi, a portmanteau of the Arabic words bahr (“sea”) and rumi (“Roman”). Many jihadists construct a nom de guerre from their first name and their national origin. He called himself Yahya of the Roman Sea, or Yahya the Mediterranean.

The biography continued:

His roots are from the island of Crete in the Roman sea (Bahr al-Rūm). Born in 1404 [a.d. 1983–84] and raised as a Nazarene [Christian], Yahya then entered Islam in 1422 [a.d. 2001–02]. He traveled seeking knowledge and work in the path of Allah until Allah granted him hijrah [migration] to Sham. He now resides in the countryside of Aleppo.

Now I thought I had enough data to narrow down his identity: a philologically inclined Cretan jihadist convert not just to Islam but to Dhahirism, a minuscule legal school. The list of candidates could not be long.

Many converts choose Arabic names that are the equivalent of their birth names. Yahya is Arabic for John, in English, or Ioannis in Greek, so I began searching online for Dhahiris with these names. In a German-language jihadist chat room, I found a reference to “Ioannis Georgilakis,” and here the trail began to sizzle under my feet. Georgilakis’s Facebook page showed photos of the same hirsute young man with glasses, dressed in Muslim garments and playing with his kids. As I looked at his Facebook page, I began to wonder whether the Greek was an affectation. Many of his Facebook friends were English speakers, and few were Greek. Georgilakis isn’t an especially common surname, and given Yahya’s apparent creativity in self-naming, I tried a few permutations, including the English John and the vanilla, non-Cretan Greek version of Georgilakis, which would be Georgelas.

One of the first hits on Google for John Georgelas was an August 15, 2006, press release from the Department of Justice. “Supporter of Pro-Jihad Website Sentenced to 34 Months,” it crowed. At the time of his conviction, he lived in North Texas, near Plano, 20 minutes’ drive from the house where I grew up.

American Muslims are rare in the Islamic State: Only 53 are publicly known to have traveled to Syria as jihadists, according to Seamus Hughes, the deputy director of George Washington University’s Program on Extremism. (The United States has stopped more than 100 others in the process of preparing to travel, or to act on behalf of the Islamic State in America.)

Hughes, a former Senate staffer, has meticulously cataloged the Americans who have made it to Syria, and places nearly all of them in the category of “knuckleheads”—brawny idiots with little hope of understanding a discussion of Islamic theology. Many have by now fulfilled their dream of battlefield death; all that remains of them is a martyrdom notice, posted like a headstone, on their Facebook page.

However canny the Islamic State’s internet-based recruiting, a personal touch remains crucial to fully radicalizing most targets and signing up new terrorists. In the United Kingdom, more than 100 fighters have waged jihad after contact with a group called Al Muhajiroun; in Belgium, Sharia4Belgium has recruited numerous Islamic State fighters. But in the United States, groups like these exist only in the fever dreams of Islamophobes.

Fewer than 20 percent of the Americans in the Islamic State are known to be converts to Islam, and many have long-standing family connections with other countries—long periods of residence in Kuwait, say, or ties to the Somali tribes of their parents. They do not, as a rule, ascend to high positions in the Islamic State’s organization. One Bosnian American, Abdullah Pazara, parlayed Serbian military training into command of an ISIS tank battalion. But even Pazara (who died in 2014) was relatively obscure and uncelebrated. In the United States, his most glorious achievement was owning a barely profitable trucking company.

Not all recruits are stupid. At least three have a college education and, according to friends and family, good academic records and habits. The smart ones, though, have in effect renounced their learning in favor of the greater glory of jihad. Having made it onto the dean’s list for a degree in computer science counts neither for nor against you if your goal is to explode in a crowd of apostates.

Yahya, it seemed to me, was unique. He in some ways resembled his fellow Americans in Syria: He went to fight, and he would have welcomed a battlefield death if God had willed it. But he was no mere foot soldier; his religious scholarship, connections, and standing distinguished him—even if I didn’t then understand their full extent. I wanted to know more.

Plano is a short drive from downtown Dallas, toward the Oklahoma border, a flatland sprouting subdivisions watered by money from the region’s burgeoning tech sector. Shortly after his probation expired, John Georgelas had posted a résumé online listing as his address an elegant brick house with white Doric columns, a small portico, and a circular driveway. In August 2015, when I first drove up, I could hear the happiness of children. I saw a boy, who looked about 10, bouncing a basketball in the driveway and two others playing nearby; they were about the same ages as the kids in the Facebook photos. As I approached the front door, I spied a yellow-ribbon decal (“We support our troops”) in the window, and behind it a foyer, tidy and richly decorated, and a piano festooned with family photos.

The man who answered the door was Timothy Georgelas, John’s father and the owner (with his wife, John’s mother, Martha) of the house. Both parents are Americans of Greek ancestry.

Tim is a West Point graduate and a physician. He has a full head of gray hair and soft features that betray no sign of the stress of having raised an Islamic State terrorist. He has, however, no illusions about the life his son has chosen. “He and John are enemies,” I was told by someone who knows them both—“until the Day of Judgment.”

Tim wore shorts and a T-shirt, and a crisp draft of air conditioning escaped as he said good morning. When I told him I had come to ask about John, he stepped outside and shut the door as if to seal off the house from his son’s name. He slumped in a white wicker chair by the front door, and with a reluctant gesture, he invited me to sit across from him.

He stared at the magnolia tree in the front yard and said nothing. I told him what I knew—that his son, John, was Yahya. Tim sat, lips pursed, and with a shake of his head began to speak.

“Every step of his life he’s made the wrong decisions, from high school onward,” Tim told me. “It is beyond me to understand why he threw what he had away.” Two of Yahya’s sisters have earned advanced degrees, he added, as if to demonstrate that it wasn’t failed parenting that led his only son to drop out of school, wage holy war, and plot mass murder.

“He was always the youngest kid in the class, and always a follower,” Tim said. “I have bailed him out so many times—financially, in circumstances with his wife and kids, you name it. I always pick up the wreckage.”

The Yahya Tim described to me was a sad figure, a sheep who had strayed into a wicked flock. Above all, he was easily manipulated. This, for me, was another puzzle. The Yahya I had encountered online, and the one Musa Cerantonio described, was nothing like a sheep, and no pathetic follower. He was not the boy his father described. At some point, Yahya had shape-shifted into a wolf, into a leader of men.

In December 1983, John Thomas Georgelas was born into a wealthy family with a long military tradition. His grandfather Colonel John Georgelas was wounded twice in the Second World War and worked for the Joint Chiefs of Staff. Tim Georgelas spent three years in the U.S. Army, then accepted an Air Force commission to attend medical school. He retired as a colonel in 2001, and now practices radiology in a north-Dallas breast-imaging clinic. He is politically conservative, as is Martha, his short, dark-haired wife, whose Facebook cover photo shows her standing proudly in front of the George W. Bush Presidential Center, near downtown Dallas.

The Georgelases moved frequently during John’s youth, as Tim’s military assignments required. John entered school at the age of 4, while the family was living in England, and he was young and small for his class. He was sickly—he grew benign tumors and had brittle bones—and his infirmities may have pushed him toward religion. When he was 11, his leg shattered, and he spent a long period out of school, recuperating. Lonely and depressed, his mind turned to God in idle moments, and he became attached to the Greek Orthodox Church. Wheelchair-bound, he hounded his family into attending services more regularly. Among his spiritual mentors was a clergyman who encouraged John to hate and distrust Muslims, with an intensity that would later change its polarity. (A family member calls John’s attitude one of “righteous fury, jacked up with certainty”—a bright-burning sanctimony that has been consistent across his religious transformations.)

As the family’s male heir, John enjoyed a special status in the Georgelas patriarchy. With that status came expectations, and therefore disappointment when it became clear he was unsuited for a soldier’s life. His body refused to grow into robust, battle-ready form. Tim is tall, a former high-school quarterback, but John was shorter, his torso tending to pudge. His temperament wasn’t suited to military discipline. When he returned to school after his leg injury, he had little interest in academic achievement or rule-following. His father tried repeatedly to correct his behavior and failed. (This account is drawn from sources close to John, including family members, co-workers, friends, and correctional officers.)

Nor did he fit in well with his peers. He gravitated toward the skateboard set, and he didn’t date much, if at all. (One acquaintance told me, “If you put a million bucks on the table and told him to use it to go get laid, he couldn’t do it to save his life.”) Like many a military brat before him, John experimented with the counterculture. He smoked pot, dropped acid, and ate magic mushrooms. He hated his father for punishing his drug use and hated the U.S. government for criminalizing it. By the time he graduated from high school, his primary interests were computer hacking, skateboarding, and the voracious consumption of psychedelics. His grades were miserable, Tim says, but his standardized-test scores were better than those of his high-achieving sisters. John ended up studying philosophy at the College Station branch of Blinn College, an open-admission junior college in central Texas. He passed only a few classes.

In a class on world religions at Blinn, the instructor's cursory lecture on Islam annoyed him, so John sought more information from local Muslims. Curiosity turned to something more, as he discovered that Muslims were not the demons he had been led to expect them to be. A few days before Thanksgiving 2001, on the first day of Ramadan, John converted at a mosque in College Station frequented by foreign students from Texas A&M.

Whether the conversion was meant to spite his parents or whether spite was just an ancillary benefit of his spiritual salvation, it is not possible to say. But the timing is suggestive. When John uttered the Muslim declaration of faith, the ashes of the World Trade Center were barely cool. Anti-Muslim sentiment in America was reaching new highs, and in central Texas, conversion to Islam would have been a singular act of rebellion.

John's parents found his conversion to be a sign of mental weakness. "Every university town in this country has a mosque for one reason," Tim told me. "Kids are away from home for the first time, vulnerable and subject to influence. They hear the message and they're hooked, and that's what happened to John." John took the name Yahya, and sold his pickup truck to buy a plane ticket. In December 2001, the family received an email from Yahya announcing that he was in Damascus learning Arabic.

Western jihadists find their way to violence many different ways, but they often match a profile. And that profile fit John like a wet suit. He came from an upper-middle-class family. He squandered opportunities commensurate with his innate talent; he recognized that he would not excel in the fields chosen or glorified by his parents and authority figures. Often, a personal crisis—a death in the family, a near-death experience of one's own—triggers existential contemplation, leading to religious exploration; in John's case, his childhood frailty might have filled that role.

Jihadists are also overwhelmingly left-brained, quantitative-analytic types. Diego Gambetta of the European University Institute and Steffen Hertog of the London School of Economics have noted a preponderance of former engineering students among jihadists; they suggest that the mental style of that discipline disposes certain people toward jihadism. As a teen, John had taught himself to program. His computers ran the Linux operating system, not the Windows or Mac software favored by the masses. Years later, after he had become a full-blown jihadist, he would share a line of C++ code on his website, a geeky statement of his own hard-line stance:

```
if (1+1+1 != 1 && 1 == 1) return true; else die();
```

Translation: If you believe the Christian Trinity ("1+1+1") is not really monotheistic ("!= 1"), and if you believe in the unity of God ("1 == 1"), then great. Otherwise: Die.

Despite these binary inclinations, upon his arrival in Damascus Yahya envisioned himself as a Sufi, a Muslim mystic who sought oneness with God through poetry, perhaps, or dance or song, and who could countenance a shaded, or nuanced, version of Islam. That posture may have been a holdover from his counterculture teens. Gradually, though, under the influence of British Muslims who were more rigid in their approach to the faith, he became jihad-curious. They persuaded him to follow a bin-Ladenist approach, hostile to Sufism, instead.

Yahya soon surpassed them in intolerance. To his jihadism he added general displeasure with the hierarchy of scholarly authority in mainstream religion. He objected to mainstream imams' telling him to trust the words of scholars and not to attempt his own interpretation of scripture and law. Muslim laymen are generally advised not to derive legal rulings on their own, and to follow more-experienced scholars. But Yahya maintained a typically American can-do attitude toward his religion, similar to the one many Texans adopt toward their trucks: If he couldn't understand or fix it himself, it didn't feel like his.

He acquired *The Hans Wehr Dictionary of Modern Written Arabic*, a cuboid volume that is the standard Arabic-English reference work. It is not meant to be read through. The typical student of Arabic keeps the Hans Wehr on a corner of his desk and consults it as needed for the rest of his natural life. Yahya memorized it in six months. Then, as a chaser, he memorized *Kitab al-Ayn*, the eighth-century Arabic dictionary by al-Khalil al-Farahidi. He wandered through Damascus, chatting up everyone and learning classical Arabic to a level of proficiency rarely achieved even by educated native Arabic speakers.

He drifted further from his parents and sisters. Later, when counseling other Muslims about how much effort to put into proselytization at home versus heading directly to the Islamic State, Yahya wrote:

What about those [Muslims] who are trying to work on their families, but their families insist on *kufr* [disbelief in Islam]? Should they wait their whole lives in patience, trying to guide someone whom Allah has not chosen for guidance, or should they move on and help their true family: the Muslims?

Yahya met his wife in 2003 on a Muslim matrimonial site. Tania was born in London in 1983 to Bengali British parents. It was almost as if they had shared the same life, before even being introduced. Like Yahya, Tania grew up riddled with benign tumors and incorrigibly rebellious. She tormented her parents by practicing, with alarming vigor, the religion they had neglected in the pursuit of an assimilated English middle-class existence.

She was a pretty girl, a petite firecracker. But her mischief was not of the usual variety, like dating boys her parents didn't approve of. When her parents suggested that she try to meet boys, Tania hissed "Muslims don't date." She had a type: Her heartthrob was John Walker Lindh, the American who fought for the Taliban in 2001. She swore that until marriage no strange man would know anything more of her physical appearance than its cloaked outline, and by her late teens she was draping herself in a full-body covering, or jilbab. She fantasized about packing a bomb under it. At 19, she married Yahya.

After meeting online, Yahya and Tania fell in love fast, and just as couples bond over Netflix or jogging or cooking, they bonded over jihad and a shared capacity for bad decisions. After a month of digital flirtation, Yahya flew to London, and they met in person on March 15, 2003. Within three days they married secretly, then left for Texas. They settled in College Station and partook of the pleasures of freedom, young love, and independence from family. They lived cheaply and happily, embracing as their community the foreign students at the mosque where Yahya had converted. The mosque threw them a wedding party, and rich Gulf Arabs who lived near the university kicked in money to support Yahya's continued study of Islam.

The couple indulged, too, in their other shared passion: getting high. Islamic orthodoxy considers cannabis an intoxicant, and therefore forbidden. But Yahya's practice of Islam was unconventional even then. In a historical essay titled "Cannabis," heavily footnoted with classical Arabic sources, he made the Islamic case for pot. There was evidence, he wrote, that early Islamic leaders had taxed hemp seeds. Since Muslims generally cannot tax forbidden substances, such as pork or alcohol, Yahya reasoned, they must have considered pot permissible. As for psilocybin: Yahya cited an obscure hadith (a report of the sayings and actions of Muhammad) that he said described Muhammad's having descended from a mountain after meditation and extolling the medicinal properties of mushrooms—particularly as a cure for diseases of the eye. Yahya and Tania took this to mean that God had sanctioned the ingestion of psychedelic mushrooms. So the young lovers blissed out under the Texas sky, shrooming after the example of the prophet himself.

In late 2003, Yahya and Tania traveled to Damascus for an extended honeymoon, living there furtively and quietly associating with other jihadists. Their existence mirrored that of many

young radical tumbleweeds of yesteryear: Black Panthers, Baader-Meinhof gangsters, fin de siècle anarchists. They dodged the authorities and lied to anyone who inquired about their activities. When Syrian government spies started asking neighbors about them, they moved on, settling briefly in a town selected because it was prophesied to be the headquarters of the prophet Jesus upon his return.

They often quarreled. Still strong-willed, Tania wanted to obey only God. But God's words were unequivocal: "Men are in charge over women," says a Koranic verse. So for most of the 10 years before the founding of the Islamic State, Yahya maintained a Rasputinlike control over her. He hadn't had much success finding social esteem in his prior life, but in Tania he found his first student. He mesmerized her with his confidence, and she repressed her own misgivings whenever she found herself questioning him. Tania has mild dyslexia; Yahya's reading of Islamic texts convinced her, with his fluency and recall and breadth, that he could produce an unanswerable argument about any point on which she disagreed. She determined that Yahya was a genius with gifts God had denied her, and she accepted her place in the world of jihad: Service to Yahya was her ticket to heaven. She endorsed slavery, apocalypse, polygamy, and killing. She aspired to raise seven boys as holy warriors—one to conquer each continent.

From Syria they returned to London, where Yahya chose to follow a Jordanian known as Abu Issa. He had allegedly fought the Soviets in Afghanistan in the 1980s, and on April 3, 1993, his followers there swore loyalty to him and created what the French scholar Kévin Jackson calls "the forgotten caliphate," an unsuccessful precursor of the Islamic State.

Abu Issa declared himself caliph and ruled a small portion of Afghanistan's Kunar province in the mid-to-late 1990s. There he implemented many practices that the Islamic State would later realize on a larger scale. The total area governed did not extend beyond a few small towns, and the local Afghans despised Abu Issa and his supporters. When Osama bin Laden came to Afghanistan in 1996, Abu Issa sent a message demanding his obedience. (There is no record of a reply.)

In the late 1990s, when the Taliban took over Kunar province, Abu Issa and his followers relocated to London, and it was in that diminished state that Yahya and Tania first encountered them. For a while, Yahya had the jihadist-dork dream job of tutoring the caliph's son in the subjects of computer hacking and martial arts. Ultimately Yahya and Abu Issa fell out over a dispute regarding interpretation of Islamic law. But during that period, Yahya nurtured an interest in the obligation to declare a caliphate and in Islamic literalism, both of which would drive him, in the end, back to Syria.

At a bookshop in London, he found a copy of the works of Ibn Hazm (994–1064), by far the greatest Dhahiri scholar. Dhahirism is the most binary and monochrome of Islamic legal schools. In some ways, it resembles the constitutional originalism of Clarence Thomas or Antonin Scalia: It drastically and pitilessly winnows down the sources of legal authority to the Koran, the sayings and actions of Muhammad, and the ironclad consensus of the prophet's followers within his own lifetime. It refuses to accept new laws based on analogy to old ones, and it urges jurists and theologians to resist allegorical or figurative readings, and instead stick to rulings with plain textual support.

The rejection of figurative readings, legal analogy, and other types of extended interpretation strikes most mainstream Muslim scholars as preposterous. But through Dhahiri eyes, scripture should simply be read like a manual—or like software. It is a legal and theological methodology that aligned well with Yahya's left-brained, autodidactic disposition.

In september 2004, Yahya and Tania returned to the United States, relying financially on Yahya's parents. They settled briefly in Torrance, California, with Yahya hoping to find work as an imam. His jihadism disqualified him for mosque jobs, however, and increasingly the two sought only

each other's spiritual camaraderie. They stopped frequenting mosques altogether, on the grounds that they were dens of spies.

In 2004, their first son was born in California. Yahya and Tania moved back to greater Dallas, and a year later, Yahya took a job as a data technician at Rackspace, a server company in Texas. At night, he cruised jihadist forums and offered tech support to Jihad Unspun, a Canada-based Islamist news site widely thought to be a recruiting ground for would-be terrorists. He also looked for ways to use his position at Rackspace to wage jihad. On April 8, 2006, he accessed the passwords of a client, the American Israel Public Affairs Committee, with the intention of hijacking its website.

As hacking jobs go, it was amateurish. Rackspace found out, and the FBI, aware of Yahya's terror links, moved fast. When a SWAT team came to his house in Grapevine, Texas, early in the morning, he and Tania were already awake for dawn prayers. He surrendered peacefully and warned that a child was sleeping inside and that his wife needed to get dressed. The Department of Justice prosecuted him for hacking into a protected computer—this was the source of the press release I had found earlier—and a judge sentenced him to 34 months' imprisonment. Prior to his arrest, he had planned to travel to Iraq to fight against the Americans, so prison may have saved his life.

Yahya's arrest caused marital friction of a new sort. With her husband in prison and studying Islamic texts full-time, Tania began asserting her independence. After receiving scowls from neighbors due to her Muslim dress, she told Yahya she planned to wear just a veil, and not a full-body cloak. Yahya, furious, demanded that she cover herself fully when she visited him in prison, to be sure no one would titter at the immodesty of the sheikh's wife. (He had Muslim acquaintances in prison and was the most scholarly among them.) He told her to leave infidel America to join the group known as the Nigerian Taliban, a predecessor to Boko Haram. She refused and threatened divorce.

But she didn't leave him—even after he got out of prison and took a second wife, a Jamaican British friend of Tania's. Tania did not approve, but she didn't forbid the union. The bride still lived in London, and the groom could not travel without violating parole. Yahya investigated the Islamic legality of a marriage conducted across physical distance. He found precedent: Muhammad had married the widow of his brother-in-law when she was in Ethiopia and he was in Medina. Having ascertained the validity of marriage-by-telecom, Yahya and his second wife married over the phone, with Tania present and quietly fuming. (Yahya later divorced his second wife.)

About his crimes, he remained unrepentant. "He can justify anything he does, and he didn't think he did anything wrong," Tim says. "He is just full of himself." During his parole, Yahya lived in Dallas and worked as an IT specialist for a shoe wholesaler. In August 2009, 10 months after he'd left prison, a second child arrived, another boy. The extended Georgelas family took a trip to Hawaii, and the couple came along. Tania stayed secluded, says one acquaintance, and Yahya harangued everyone about the virtues of Sharia law. But he mostly stayed quiet during that period. The family wondered whether he had mellowed, though Yahya's colleagues at the shoe company report that he and Tania occasionally posted politically worrisome items on Facebook.

Among their enthusiasms, at this point, was the libertarian Republican presidential candidate Ron Paul, whose antigovernment obsessions and isolationist foreign policy Yahya and Tania both found congenial. The prophet had endorsed the gold standard, and so did Paul. Yahya and Tania liked pot, and the Libertarians were the closest thing to an anti-prohibitionist party in the United States. And—finally—Paul's foreign policy suggested a possible disengagement with Israel. "You guys (meaning Americans) need to stop supporting democracy, and just make Ron Paul

your king,” Tania later wrote on Facebook, only half joking. Yahya wanted revolution. “Tyranny is here,” he replied, “and the Tree of Liberty is thirsty.”

On October 1, 2011, Yahya’s parole expired, and he drove to the Dallas–Fort Worth airport with his wife and two children, a free man. He was leaving America—probably for good. “Muslims in America,” he wrote around that time, “remember: Hijrah is always an option and sometimes an obligation.”

The family flew to London, then Cairo. Yahya and Tania lived in Egypt for the next two years, at first happily: The boys were clever and precocious—YouTube videos show the younger one reading words in English, French, and Arabic before the age of 3—and they were joined on Christmas Day 2011 by another boy. The family sailed feluccas on the Nile and savored life beyond the reach of the U.S. government.

Yahya earned money by translating fatwas from the salaried religious scholars of the government of Qatar. Ever allergic to human authority, he seethed at the banality of the fatwas and the government clerics’ abject servitude to tyrants. None of the fatwas ever mentioned what he considered the core imperatives of Islam, stressed by Ibn Hazm a thousand years before, such as the establishment of a caliphate and emigration from lands of disbelief. The scholars relentlessly glorified the Qatari royal family. The fatwas, Yahya claimed, were based not on evidence but on mere opinion.

In Cairo, Yahya met other jihadists and became respected for his scholarly rigor. One person who knew him then describes him as one of the strongest pre-isis pro-caliphate voices, and says the online seminars he conducted in Arabic and English did much to “prepare” Westerners for the declaration of the caliphate that would come a few years later. Musa Cerantonio, who would become his leading Australian disciple, met him digitally. European jihadists began traveling to Egypt to learn from him. He impressed one sheikh so much that the man declared that it would be sinful for Yahya to expose himself to danger on the battlefield in a conflict like Afghanistan’s or Syria’s. “Your blood is haram,” he said—*forbidden to spill*.

In his sermons and public statements, Yahya anticipated many of the themes of Islamic State propaganda, including distrust of Islamist movements that compromised their religion by partaking in secular politics. On social media, Tania supported his views, but with each child she bore, her eagerness to join the jihad by then under way in Syria waned. Yahya reminded her that the Koran judges harshly those who give up on hijrah: Angels will rip their souls from their mortal bodies and prepare them for judgment by God. “The angels will say, ‘Was not God’s earth spacious [enough] for you to emigrate in it?’ For those, their refuge is Hell.”

In July 2013, a secular military coup toppled the Muslim Brotherhood–led government in Egypt, and the Islamist moment there passed as quickly as it had arrived. Yahya and Tania fretted about the possible consequences for them as jihadists, and sought escape. Cerantonio encouraged them to consider the southern Philippines, where he was living at the time. It turned out to be too rustic. “Look, I’m happy to be in, like, a mud hut,” Yahya said to him. “But my wife is very specific and is asking you to take photos of houses.” The houses were inadequate, so they scrapped that plan.

Ultimately, the Syrian civil war presented opportunities that Yahya couldn’t decline. His poetry frequently had a martial tone:

Rise, cut ties: spies disguised in white,
by the sword, for the Lord of Might
Defeat the cheat, trite fleet of fright,
by rod—by God!—by baud, by byte.

For years before the Islamic State's rise, Yahya had said his weapon of choice was the keyboard ("by baud, by byte"). But now that Syria was becoming the battlefield he had dreamed of, he was ready to take up other arms.

When they left Cairo, Yahya insisted on going to Turkey. Once there, in August 2013, he took his family onto a bus and told them they were going on a trip. He did not reveal their destination until Tania (now almost five months pregnant with their fourth child) saw the Syrian border. By then, the Assad government had lost control of large parts of northern Syria, and around Aleppo, factions were working with and against one another. The region had become an anarchic wasteland haunted by death.

They squatted in a villa, the abandoned residence of a Syrian general, in the town of Azaz, a few miles inside the border. The windows had been smashed and the plumbing shut off, but the chandeliers were still hanging. Mujahideen groups controlled the territory, and Yahya's connections assured his family a meager supply of food. He spent days with jihadist friends. He had known some of them only in an online fantasy life; now they were comrades in arms.

Tania and the children got sick and developed mysterious infections. She prepared herself for the possibility that government forces or other rebels would overrun their position. But she also still loved the rush, and was curious about the fighting nearby. She wanted to see the action, but because she was a woman, when she poked her head out the window, she was told to be sensible and get back inside. When she complained to Yahya about being brought into a war zone without consultation—"How could you do this to us?"—he cited a hadith: "War," he said, "is deception." She finally decided: Ten years of this was enough. She demanded to take the kids back to Turkey. Yahya could not or would not join them. He had come to fight for ISIS, and he knew the penalty in the afterlife for retreating from the battlefield. But his kids were not mujahideen, so he let them go—across a minefield, through sniper fire, back into Turkey—with the assumption that the family would reunite, in this world or the next.

Tania made reverse hijrah to Plano, moved into Tim and Martha's house, and gave birth to a boy, her fourth, in January 2014. In December 2014, she petitioned for divorce. Her own transformation has been bittersweet. These days she describes herself as "agnostic," and has said, in her discussions with friends online, that she is "a lost cause to Muslims now." In her social-media postings, she looks like any other painted-lady infidel of north Dallas. She dresses stylishly, baring a shoulder now and then, and has highlights in her dark hair. Still in her early 30s, she looks free, even reborn. "Some people would make takfir of me"—excommunicate her—"for this," she writes. "But I have hope in God that he understands my weaknesses."

Many would call Yahya's treatment of Tania unforgivable and urge her to forget him. But the two have shared most of their adult lives, in difficult and thrilling circumstances. She has left jihadism, but she cannot completely leave Yahya. On social media, she wrote to a relative of her husband's:

Where do I begin discussing the 'Ioannis complex'? ... He's a man torn between two worlds, well actually four or more in his case (East vs. West, religious principles vs. family and happiness) ... We made some really poor choices that backfired on us ...

Ioannis is fixated on changing the hearts and minds of people and the course of history. I'm somewhat jealous of the love and devotion he has for Islam over me.

That devotion has not wavered. After he turned away from his wife and children that day in 2013, Yahya added a new and unlikely chapter to the Georgelas military tradition. For several months, he trained as a soldier as part of an Islamic State-aligned group near Aleppo. He saw battle there, and during combat in April 2014, a mortar blast sent shrapnel into his back, nearly severing his spine.

“I was in immense pain,” he wrote on his website, “but I at least knew that my reward is with Allah and that comforted me greatly.” He spent time in a hospital in Turkey. Then, fearing detection as an American (he could pass as Syrian, but not indefinitely), he went back to Syria and received treatment from Adam Brookman, an Australian alleged jihadist who has since returned to Australia and is under arrest (Brookman, a nurse, maintains that he went to Syria solely for humanitarian reasons). Yahya posted images on Facebook of his suppurating wounds and of himself on bed rest, smiling. The scars are, for him as for other jihadists, a VIP pass in the afterlife, a badge of honor that shows his commitment to God during his time on Earth.

His injuries left him temporarily unable to walk—disabled again, 20 years after his first leg injury. But he was content and proud. A fellow jihadist posted a photograph of a grinning, bespectacled Yahya on Facebook, with the caption “American muhajir injured in reef halab [the outskirts of Aleppo] by mortar shrapnel Alhamdulillah improving and cant wait to get back on his feet.” During that period he took up with a new wife, a Syrian, and had a daughter with her about a year after Tania’s departure, and another some time later. Throughout his convalescence, he continued to tweet and write aggressively in favor of isis, though he was not yet in isis territory. His website, still obscure, attracted more followers, though it remained a highbrow product, too scholarly for the masses. It was around this time that he began pestering isis’s leaders—particularly Adnani—to declare a caliphate. When the declaration happened, in June 2014, Yahya was living near Aleppo, about 100 miles from Raqqa, the Islamic State’s capital. “This is the moment I have been waiting [for] for years,” he wrote. He immediately committed to moving to Raqqa.

His plans were thwarted for a time after the Free Syrian Army captured him. He was eventually released, and silently vowed to return to behead his captors. For a brief while he feigned cooperation with the group. But in mid-2015, he made his way to the caliphate’s capital. His shattered back would have earned him exemption from frontline military duty—but isis’s leadership by then recognized that his talents were best put to use not as a grunt but as a scholar and spokesman.

On December 8, 2015, Yahya’s voice came through clearly on Al Bayan radio—the voice of the Islamic State. He is now the Islamic State’s leading producer of high-end English-language propaganda as a prolific writer for its flagship magazines, Dabiq and Rumiya. For a while, he tweeted under pseudonyms, but in keeping with a general Islamic State move toward other, better-encrypted media, he stopped and now appears to be limited to official channels. The profile photo for one of his last personal Twitter accounts is a well-worn laptop with a Browning 9 mm semiautomatic handgun resting across the keyboard.

The first article in Dabiq that I have been able to confirm was written by Yahya was published in April 2016, and took as its subject Western Muslims who, despite calling themselves Muslims, are infidels. The headline, “Kill the Imams of Kufr [Disbelief] in the West,” was only marginally less grotesque than the accompanying design: crosshairs over images of prominent mainstream Western Muslims; an image of a crouching, blindfolded “apostate” at the moment an executioner’s blade enters his neck. In the article, Yahya recounted many stories of Muhammad and his companions’ harsh treatment of Muslims who had lapsed. Hands and feet are severed, eyes gouged out with nails, bodies stomped to death.

The issue that followed bore Yahya’s fingerprints everywhere. A polemical article about Christianity notes, with a familiar pedantry and some of Yahya’s favorite Bible verses, inconsistencies between Christian doctrine and the historical record. Some articles are clearly his, and others, whether his or not, use the voice he has perfected. Unsigned, but likely written by Yahya, is the pellucid “Why We Hate You & Why We Fight You,” which avows the religious

nature of the war. “We hate you, first and foremost, because you are disbelievers,” it begins. The article reads like a distillation of every conversation I have ever had with a jihadist:

The fact is, even if you were to stop bombing us, imprisoning us, torturing us, vilifying us, and usurping our lands, we would continue to hate you because our primary reason for hating you will not cease to exist until you embrace Islam ...

What’s equally if not more important to understand is that we fight you, not simply to punish and deter you, but to bring you true freedom in this life and salvation in the Hereafter, freedom from being enslaved to your whims and desires as well as those of your clergy and legislatures, and salvation by worshipping your Creator alone and following His messenger.

The Islamic State has staked its survival on creating a revolutionary Muslim mass movement—one that can compensate for its loss of territory in Iraq and Syria by rising up elsewhere. With Yahya it lends an American accent to its universal jihadist message, and a speaker whose strengths, weaknesses, personality, and insecurities are deeply American as well. He knows how to speak to Americans, how to scare them, how to recruit them—how to make the Islamic State’s war theirs.

It is unknown how far Yahya’s role extends beyond keyboard jihad. But clues have very recently emerged that point toward an extraordinary possibility. In August, a drone killed Abu Muhammad al-Adnani, the Islamic State’s most powerful leader save for Baghdadi himself, and—according to Musa Cerantonio—Yahya’s friend and patron. Adnani is widely suspected of having directed foreign terrorist attacks on behalf of the Islamic State, including the mass murder of restaurant- and concertgoers in Paris in November 2015. The suspected operational mastermind of that attack, Abdelhamid Abaaoud, was emir of the foreign fighters in Azaz around the time of Yahya’s residence there. Adnani himself was from the town of Binnish, also in northwestern Syria.

Adnani’s death left a job opening, and on December 5, 2016, the Islamic State announced the name of his successor: Abu al-Hassan al-Muhajir. That name is nearly identical to an active alias of John Georgelas, Abu Hassān al-Muhajir. (A muhajir is someone who has immigrated to the Islamic State, a foreign fighter rather than a Syrian or an Iraqi.) The title inherited by “Abu al-Hassan” is mutahaddith, or “spokesman.” The job may or may not include Adnani’s responsibility for directing overseas attacks. It certainly means that the Islamic State—in all its official pronouncements, its incitements to terror, its encouragements of its supporters—will speak in Abu al-Hassan’s words.

The voice that delivered the December 5 speech was not Yahya’s. But the Islamic State has altered voices in the past, to protect the identities of key figures—and however fluent Yahya’s Arabic is, it might have preferred a native speaker to deliver a prepared text under his name.

“Al-Muhajir” is an epithet shared by a significant percentage of foreign fighters (though most go by a more specific origin-name, such as “the Belgian” or “the Tunisian”), and many jihadists would have a firstborn son named Hassan; it is a relatively common name. The Islamic State likely includes more than one person with the name Abu al-Hassan al-Muhajir, although I can find no record of anyone in the Islamic State using that name or Yahya’s variant before December 5, other than Yahya himself.

For Yahya to occupy such a celebrated position would mean an improbable ascent through an organization dominated by Syrians and Iraqis. To succeed Adnani directly would mean leapfrogging numerous other candidates with greater seniority and previous authority in the group. No analyst with whom I have spoken thinks it likely that an American could rise so high in the group. But no other American is quite like Yahya, and until now, few people outside jihadist circles and the American intelligence community have even known of his existence.

We've become numb to what he's doing," Tim told me when I first met him. He says they haven't heard anything from Yahya since 2014, and they hadn't heard confirmation that he was with the Islamic State until I appeared on their doorstep. "He's no one I recognize anymore. I'm not looking out for what he's doing, or how he's doing, because I'm not sure it makes any difference." Martha, he said, has taken longer to come to terms with the loss of their son. They don't think he will return to America—not as long as he has a following in Raqqah, and the certainty of incarceration in the United States.

Tania and the kids lived with them for a long period after her return, but she now resides separately. The kids stay with their grandparents during the week and their mother on weekends. Having spent most of the past decade as an itinerant jihadist, Tania lacks the job skills and degrees to match her intellect, so she does not have the resources or career prospects to raise four young children on her own. The kids will grow up in Plano, their safety and education financed by their father's abandoned inheritance.

The Islamic State's enemies are drawing closer to Yahya, from all sides and from above. Drones assassinate his brethren every few days, and there is reason to believe they will kill him too if they get the chance. The U.S. government's "kill list," which once included the Yemeni American jihadist Anwar al-Aulaqi, likely now includes John Thomas Georgelas, if his name hasn't been crossed off already by the time this article reaches readers.

Whatever parenting flaws Tim may have had could not possibly merit the anguish he and his wife have suffered. He still seems to think of his son as "John," a wayward kid, easily influenced by his more assertive elders. "This is the first time in his life where he's in a position where he might be emulated," Tim told me.

I wanted to tell Tim and Martha that Yahya had been emulated for years, and their inability to see jihadism as a valid subject of intellectual expertise had kept them from realizing it. They didn't know how evil their son had become, or how coolly competent. Like other parents of jihadists, they saw him as they wished to see him—as the youngster who bumbled through classes, sneaked spliffs, and struggled to hold down jobs. There was comfort in imagining that he remained hapless, and perhaps that his Islam was just another phase. They would be more troubled by the truth—which was that their son, a failure in so many prior pursuits, had found his calling.